

ПОРОГ-АК

АЛЬМАНАХ ВЫПУСК 32

Нереал:

Alter Alba. Умная пуля	5
Татьяна Осипова. Мусор	12
Андрей Мацко. Снегурочка	19
Владимир Хабаров. Рецепт для поцелуя.....	34
Виктор Тессер. Сказки Потерянной империи	37
Владимир Чернявский. Бессонница	40
Итни Горок. День Хищных Вещей	51
Дмитрий Данилов. Последний Лес	56
Станислав Стрыгин. Край Земли	62
Вартан Бабиян. Конец игры	65
Николай Бондаренко. Помоги мне, я во сне... ..	67
Алекс Левин. Фильтрация	71
Алекс Левин. Катюха	77
Лия Рудис. Солнечный камень	79
Ализанер В. Юберге. Нечисть	84
Людмила Тюсенкова. Медицина	89
Михаил Ямской. Труби, ангел, труби.....	93
Михаил Ямской. Блаженны нищие.....	97
Михаил Ямской. Тырабела	101
Михаил Ямской. Крошка Лху и козявки.....	104
Николай Лебедев. Соседи.....	108
Роман Фомин. Хроники Секулярного Мира	113
Павел Парфин. Золотой дракон	130
Павел Парфин. Бабочка Дика.....	132
Михаил Востриков. Как Щец тумбочку собирал	136
Михаил Востриков. Во славу отечества и на зависть врагам.....	138
Михаил Востриков. Ильич спасения.....	149

Украина
Кропивницкий
(Кировоград)
2021

Поэзия:

Николай Проценко. Мимолётности:	
Виденье губ	82
Исчезновение в сумерках	83

* * *

Авторы о себе.....	157
---------------------------	------------

**Учредитель-издатель-редактор
АЛЕКСЕЙ КОРЕПАНОВ**

<http://www.korepanow.narod.ru/>

«ПОРОГ-АК». Выпуск 32. Альманах зарегистрирован в Главном управлении юстиции в Кировоградской области. Свидетельство о государственной регистрации КГ № 480/58Р от 17.01.2008 года.

E-mail: alkor06081953@gmail.com

Телефон: (+38) 0993601689

Технічний редактор О. Корепанов
Оформлення обкладинки – І. Правдіна
Підписано до друку _._.2021. Формат 60x84/16

НЕРЕАЛ

**Alter Alba
УМНАЯ ПУЛЯ**

Болтливый напарник – лишний повод для раздражения. В космосе их и без того хватает. В смысле, поводов. Жилой отсек совмещен с командным модулем, пища отвратительная, туалет устаревшей конструкции, система фильтрации воздуха кошмарная. Воняет, как в давно не мытом сортире где-нибудь в придорожной забегаловке на границе с Мексикой. Новички, впервые оказавшиеся в космосе, внимания на это не обращают. Восторженные идиоты. Суетятся, радуются, будто дети малые. От иллюминатора только пинком отогнать можно. Оно и понятно. Впечатления зашкаливают. Некоторые даже спать не в состоянии без таблеток.

Это проходит со временем, когда начинаешь понимать: романтики здесь не больше, чем в уборке сортира. Разница лишь в том, что не шваброй пол трешь, а чистишь орбиту от космического мусора. Есть такое свойство у человечества – гадить где только можно. Околоземное пространство не исключение. За сотню лет после запуска первого спутника скопилось невероятное количество хлама. Да ладно бы простого хлама... А тут еще и болтливый напарник. Ему бы сосредоточиться на том, как правильно залезть в скафандр, предназначенный для выхода в открытый космос, так нет же, языком молотит, будто политик на встрече с избирателями.

– Знаешь, о чем я думаю, Гейб? Ни за что не догадаешься!

– Оно мне надо, догадываться? Ты уже минут пять руки суешь не туда. О работе думай, Джеф!

– О черт! Сейчас... – Напарник справился с задачей, шевельнул плечами, устраиваясь удобнее. – Так вот, хотелось бы мне грохнуть Илона Маска.

– Опоздал малость, – усмехнулся Гейб, закрывая скафандр. – Капсула с его прахом уже год как на пути к Юпитеру. Миллиардер может себе позволить шикарные космические похороны.

– Я не об этом! Воспользоваться бы машиной времени и шлепнуть его лет пятнадцать назад, пока не объявил о реализации программы «Доступный космос». Мы бы сейчас не мусорщиками были, а самыми настоящими астронавтами. Марс бы уже полностью освоили. Да если бы не падение стоимости запуска спутников малого класса до уровня билета на внутренние авиарейсы, никто не нашпиговал бы орбиту планеты опасными игрушками. Не отрицаю, что «умные пули» могли бы здесь появиться, но не в таком же количестве!

– Бред... – Гейб подсоединил к скафандру кабели, включил режим тестирования системы жизнеобеспечения. – Устал я от твоей болтовни, если честно...

– Оружие, даже умное, само по себе не опасно. Убивают люди. Если пистолет лежит где-то в сейфе, то не причинит вреда. Взяв его в руки, человек сам становится средством доставки пули к цели. Таким же средством доставки «умных пуль» на орбиту стала программа «Доступный космос». Любой мог купить долю в полезной нагрузке ракетносителя и отправить на орбиту что угодно. Илон Маск открыл ящик Пандоры. Он один и виноват в том, что сейчас творится в околоземном пространстве. Как бы пригодилась машина времени...

– Мечтай-мечтай... Уровень хладагента низкий... Погоди пока шлем заdraивать... – Включив насос, Гейб дождался, пока контур охлаждения заполнится. – Доказано же, что временные перемещения возможны лишь на уровне элементарных частиц и только на околосветовых скоростях. Это квантовая физика, мать ее... Хочешь осуществить свой план, так подговори какую-нибудь нейтринно слетать в прошлое и отхреначить Маска до смерти. Хороший сценарий для фантастического блокбастера.

– Я же на полном серьезе! – насупился Джеф. – Недавно в Сети мелькала интересная информация, слитая инсайдером одного сверхсекретного проекта. Большой скорости не потребуется. Достаточно орбитальной, вот как сейчас у нас. В теории, объект перемещения во времени может значительно превосходить нейтринно по массе. Живых людей они пока не научились... Ну чего ты ржешь, Гейб?!

– Знаешь, в чем твоя беда, парень? Научись ставить перед собой реальные цели, как это делают старые космические волки вроде меня. Сейчас бы завалиться в бар, снять там не отягощенную феминистическими бреднями телку с большими буферами и крепкой жопой, напоить эту бабу, а потом разложить прямо на бильярдном столе и хорошенечко трахнуть. Но есть проблема...

– Даже знаю, какая, – хохотнул Джеф. – Ближайший бар находится внизу, в четырех сотнях миль от нас.

– Эх, если бы проблема была в этом... Городские телки с запудренными феминизмом мозгами вымерли, как в свое время динозавры. Только в сельской глубинке встречаются подходящие экземпляры, да и то все реже и реже... Хватит трепаться, напарник, опускай забрало. Пошла герметизация. Уши береги. Сейчас давление внутри скафандра скакнет.

– Чего подающие шланги не отсоединяешь? – голос Джефа теперь раздавался из динамиков системы связи. – Я уже к шлюзу направляюсь.

– Жизнь тебе продляю, парень. Успеешь еще на автономку перейти. Плыви вперед, куда хватит длины кабелей. Да не крутись ты! Попусту не нагружай мышцы! Дыши размеренно. Экономь кислород.

Гейб оттолкнулся от поручней, пересек тесную кабину по диагонали и опустился на командирское место. Впереди по курсу находился рой мелких спутников-киллеров, в просторечии именуемых «умными пулями». Каждый из заостренных трехфутовых цилиндров нес в себе чью-то смерть. А то и не одну. В нужный момент от запрограммированного на убийство спутника отделится небольшой контейнер с поражающими элементами. Высоко над землей вспыхнет сверкающий росчерк, похожий на обычный метеор. Это сработает тепловая защита. Метеор сгорит, оставляя лишь след в небе, а творение человеческого разума проникнет сквозь плотные слои атмосферы неповрежденным и возьмет курс к той точке поверхности планеты, где находится мишень. Микрокомпьютер наведет поражающие элементы на цель. Идеальное преступление. Исполнитель – анонимный роботизированный орбитальный спутник. О заказчике можно лишь догадываться, но доказать причастность невозможно. Обычно убивают людей, хотя какие-то кретины таким способом избавляются и от надоедливых соседских собак...

– Джеф, возьми правее. Тебя сносит в сторону от роя.

– Черт! У меня правый маневровый двигатель барахлит! Отрабатывает дольше, чем нужно! Никак не приноруюсь...

– Дыши ровнее, парень, не волнуйся. Ты же правша, поэтому мышцы правой кисти развиты лучше. Из-за этого разница в усилиях нажатия. Переключи стандартное управление на правый мультиканал. Указательный и безымянный пальцы задействуй для маневровых двигателей, а под средним оставь маршевый. Большим пальцем будешь притормаживать. Мизинцем можешь в носу поковырять, если сквозь шлем дотянешься. Только не перепутай пальцы.

– Работает твой совет, Гейб! Действительно работает! Спасибо! Кто бы мне об этом сказал при отработке полета на тренажерах.

– Так вас там учат люди, никогда на орбите не бывавшие. Ты приблизился достаточно. Включай обзорный сканер. Только не суйся вперед раньше времени. Если хоть одна «умная пуля» снабжена системой самоликвидации, тебе крышка. Дождись завершения проверки.

– Чисто! – отработовал Джеф. – Ближайшая ко мне имеет оптический порт обмена данными. Попробую подключиться дистанционно... Есть... Взломать защиту труда не составит... Информация по цели: Роберт Смитсон, Кливленд, штат Огайо... Гейб! Пуля в спящем

режиме. Я могу изменить целеуказание, и она больше никогда не сработает. Даже после команды на активацию. Что скажешь?

– Ты у нас умник, а я всего лишь водила. Делай как лучше.

– Окей, босс... Вводим бессмысленный набор букв вместо имени. Место жительства пускай будет... будет... штат Техас... Сам собой горжусь! Только что спас человека! Я настоящий герой!

– Ага. Спасешь еще троих и можешь считать себя супергероем. Дыши реже, а то перевозбудился. Рой низкой плотности. Много потратишь времени на перелеты от пули к пуле.

– Так, вижу следующую! – азартно воскликнул Джеф. – О! У этой конструкция странная... Слушай, Гейб, пуля индийского производства... Тут на корпусе маркировка...

– Покажи немедленно! Направь объектив! Зум до предела! – Гейб всмотрелся в изображение на экране. – Отбой, Джеф. Это не наш клиент. Отползай в сторону.

– Что?! Ты свихнулся?! Мы оставим активную пулю нетронутой? Я смогу ее взломать, Гейб! Вот увидишь!

– Послушай меня, сынок. Это непростая пуля. Как бы тебе сказать... Считай, что она запущена официально. В мире давно не воевали в открытую, но конфликтов между государствами хватает. На войне используют различные виды оружие. Это один из них.

– Космос является демилитаризованной зоной, – недовольно пробормотал Джеф. – Здесь нельзя размещать оружие. На курсах подготовки никто не упоминал, что мы столкнемся с подобными вещами...

– Разумеется, не упоминали. Когда вернешься домой, тоже никому не расскажешь. Даже маме. Для своего же блага. Оставь пулю в покое. Не хватало еще встрять в индо-пакистанские или арабско-израильские разборки. А если увидишь на корпусе иероглифы, не сближайся, а сразу меняй курс. Твой предшественник погиб, пытаюсь обезвредить китайскую боевую пулю. Не послушался меня, и вот результат.

«Вроде не дурак... – подумал Гейб, наблюдая за действиями на парника. – Лишних вопросов не задал и даже трепаться перестал. Глядишь, и выйдет из него толк...»

– Джеф! Половина отведенного времени истекла! Приласкай еще двух-трех девочек и давай назад. Я на всякий случай подведу корабль ближе. Буду держаться чуть ниже орбиты роя.

– Гейб! Тут еще одна довольно странная. Маркировки нет, но, судя по конструкции, из самых ранних. Должно быть, летает со старта программы «Доступный космос».

– Значит, уже выработала ресурс и болтается тут бесполезным хладным трупом. Оставь ее. После нас пройдут утилизаторы и по-

дберут вместе с теми, что ты уже обезвредил. Работай дальше. Помни о времени.

– Ничего она не выработала. Перемещается в пространстве относительно других пуль. Она пришла, Гейб! Догнала этот рой, потому что обладает большей скоростью. Я проверю.

– Джеф, ты слишком отклонился от района выполнения задания. Возвращайся. Это приказ.

– Я не могу это так оставить. Нужно ее осмотреть.

– Ну, хорошо, – сдался Гейб. – Посмотри, для общего развития, кого и где хотели пришить хрен знает сколько лет назад, и сразу домой...

– Слушай, тут какая-то ерунда... Только инициалы «Джей. Эф. Кей» и место назначения: Даллас, штат Техас. Прямо как... Господи... Гейб! Заказчик собирается убить человека с инициалами как у президента Кеннеди, да еще и в том же самом городе! Чего ты снова смеешься?!

– Ну очевидно же. Кто-то из наших парней с другого корабля обезвредил эту пулю раньше, а утилизаторы ее пропустили. Обычное дело. Ты же сам недавно вводил случайный набор букв вместо имени и тоже указал Техас. Вас, умников, туда так и тянет. Наверное, нравится носить ковбойские сапоги. Бросай эту пулю, Джеф! Я уже на подлете. У тебя кислорода на десять минут в лучшем случае.

– Гейб, ты не поверишь... Пуля активна... Тут какая-то хитрая конструкция... Нам о таких не рассказывали. Так просто не разобраться. Тройное резервирование основных систем. Оснащена двигателем для маневрирования. Мощности моего компьютера недостаточно для взлома. Если только напрямую что-то испортить... – Джеф шумно вздохнул. – Знаешь, это наводит на определенные мысли. А что, если инсайдер говорил правду о машине времени? Скорость для перемещения достаточная. Габариты и масса контейнера с поражающими элементами вписываются в общую схему. Если их можно отправить в прошлое, то... Даже страшно подумать...

– Не дури, Джеф. – Гейб мысленно выругался и включил разгонный режим. Умника нужно остановить, иначе он начнет копать в пуле, и тогда... – Кеннеди убили без малого сто лет назад. Помешанный на идеях коммунизма придурак застрелил тридцать пятого президента нашей страны. Дело закрыто и сдано в архив истории. Джеф, ты слишком возбужден и расходует много кислорода. Двигатели скафандра на последнем издыхании. Направляюсь за тобой. Уходи в сторону от пули! В сторону, я сказал!

– Мы можем ее остановить другим способом! Аккуратно столкни пулю с орбиты, пускай уйдет в плотные слои атмосферы и сгорит! Потом меня заберешь!

– Покойся с миром, идиот...

Ювелирная работа – пилотаж впритирку к «умной пуле». Носовая часть прошла в считанных дюймах от нее. Массы космического аппарата и человека в скафандре несопоставимы. После столкновения по касательной корабль слегка изменил траекторию, а напарника закрутило волчком и отшвырнуло прочь.

– Кажется, у меня... ребра сломаны... – Из динамиков послышался надрывный кашель Джефа и булькающие звуки. – Полный рот крови... Значит, это правда? Тебе с самого начала все было известно о пуле для Кеннеди... Ты самый настоящий подонок... Сколько существует подобных спутников? И кто мишени?

– Я ведь предупреждал, – устало произнес Гейб. – Дался тебе уже мертвый Кеннеди... Историю нельзя изменить. Понимаешь? Если не подстраховать того придурка с винтовкой, он, скорее всего, промахнется. Какая разница, убил президента маньяк-одиночка или пуля из будущего? Результат не изменится. Пуля для Кеннеди летает очень давно. Самостоятельно кочует из роя в рой. Маскируется под старый, выработавший ресурс спутник. Есть простое правило: если хочешь что-то спрятать, держи на видном месте, но часто не смотри в ту сторону. Я сам не знал, встретим мы ее здесь или нет. Видимо, ты везучий, Джеф. В плохом смысле.

– Могу собой гордиться... Я герой, раскрывший убийство Кеннеди... Но есть и другие вопросы... Подозреваю, что все эти пули на орбите... – глухо звучавшие слова перемежались приступами кашля, – ...просто отвлекающий маневр... от тех нескольких, что настроены... на определенных людей... в прошлом... Я прав? Ответь! Хочу знать это... перед смертью...

– Нужно сказать руководству, чтобы следующий напарник был менее сообразительным. Это вредит делу. Мне действительно жаль, Джеф. Прощай...

– ...спасибо...

Гейб достал салфетку, промокнул размазанный по лбу пот и влагу в уголках глаз. Переключился на другой канал связи, произнес дрогнувшим голосом:

– Хьюстон, у нас проблема. Предупредите утилизаторов о негабаритном грузе.

– Забавляет твоя привычка обращаться ко мне: «Хьюстон», – ответил собеседник. – Мы разговариваем по защищенному каналу. Можно обойтись без конспирации. Ты снова не уберег напарника? Это который по счету?

– А то вы не в курсе! – заорал Гейб. – Сам знаю, что я сукин сын, но меня нервирует, если об этом регулярно напоминают! Я устал... Устал

дышать вонючим воздухом... Устал болтаться на орбите в этой консервной банке... Когда намечено перемещение пули для Кеннеди?

– Для нее окно возможностей откроется через два месяца. Чуть раньше отправим пулю, предназначенную королю Швеции Карлу Двенадцатому. На подходе окно возможностей для пули генералу армии конфедератов Томасу Джонатану Джексону. Нам пока нечем тебя заменить. Потерпи.

– Дерьмо...

– Гейб, это твоя работа. Будут какие-нибудь пожелания?

– Да... Установите в скафандрах систему мгновенного дистанционного отключения системы жизнеобеспечения. Надоело выслушивать предсмертные стенания напарников.

Татьяна Осипова МУСОР

Посвящаю своей подруге Ольге Борисовой

На пенсии жить совсем не весело: кроме телевизора, я не знала, чем себя занять, а он мне осточертел. Моя подруга Вера вышивала крестиком прекрасные картины. Соседка Надя целые дни проводила у себя на даче: копала, сажала, закручивала всевозможные банки с огурцами, помидорами и вареньем. Вышивать я не умела, да и дачи у меня не было. Раньше ко мне заходил Сергей, и мы играли с ним в шахматы, если, конечно, его артритные пальцы позволяли держать фигуры, но потом его состояние ухудшилось. Вот и приходилось сидеть в одиночестве и размышлять о смысле жизни, о том, сделала ли я что-то полезное. Раньше меня такие мысли не преследовали, все было просто. Отучилась, вышла замуж, родила дочь. Когда Валера умер, я чувствовала опустошенность, но у меня была Машенька, и я полностью погрузилась в ее воспитание. А потом она выросла и переехала к мужу. Тогда я еще работала, а сейчас и этого не было. Машенька, конечно, меня навещала, но редко, у нее работа, своя жизнь. Последний раз приезжала на мой юбилей, с мужем Аркадием. Подарили мне ноутбук, подключили Интернет, но ничего интересного я там не находила.

Но однажды я прочитала статью о проблеме мусора. Не знаю, почему она меня так взволновала – может, из-за угрожающей статистики.

Там говорилось:

«Каждый год один человек, живущий в городе, производит 100 килограммов мусора. Это наносит неопределимый ущерб окружающей среде и мировому сообществу».

И еще:

«По результатам многих исследований, для разложения бумаги необходимо от пяти до десяти лет, для банки из-под консервов необходимо 90 лет, а для разложения полиэтилена – 200-500 лет».

А понравилось мне вот это:

«Сортировка мусора, конечно, не спасет мир, но хотя бы сделает его чище. Только мы, люди, живущие сейчас, можем повлиять на экологию планеты в будущем, на то, какой достанется Земля нашим детям и внукам».

В этой статье были и названия организаций, которые занимались переработкой мусора. Одна из них – «Вторплюс» – находи-

лась в нашем городе. Можно было привозить отходы прямо к ним или же они приезжали на дом. За один пакет хлама начислялись баллы на карту «Гулливер», правда, немного, рублей десять. Но я решила попробовать – не ради смехотворных денег, а ради (пусть это прозвучит пафосно) спасения планеты!

Оказалось, это не так-то просто. Каждую пластиковую бутылку необходимо было очистить от этикетки, удалить крышку и ободок, помыть. Бумагу принимали без скотча и скрепок, обертки от конфет и мороженого надо было тоже мыть и сушить.

Я делала все это, раскладывала мусор по разным пакетам и маркировала каждый в соответствии с указаниями сайта. А кто сказал, что мир спасти легко? Организация «Вторплюс» принимала почти все: бумагу, флаконы из-под шампуня, стекло, даже одежду – но без пуговиц и замков. Не подлежали переработке только бумажные и влажные салфетки, нижнее белье, резина.

Вначале мне было трудно разобраться, но позже я стала прямо-таки асом. Пакеты набирались долго – за полгода только один оказался полон. Много ли мусора от такой одинокой старухи, как я? И тут мне начали подсоблять. Подруги, соседи, узнав о моем увлечении, стали потихоньку приносить свой мусор, как будто помогая мне собирать коллекцию марок или редких монеток. Дела пошли хорошо. Наполнив несколько пакетов, я звонила во «Вторплюс». Приезжали сотрудники и забирали их. Позже мои добрые соседи – кажется, уже изо всех квартир – стали приносить мне еще больше хлама. Некоторые спрашивали, подойдет ли та или иная вещь для переработки. Но большинство ни о чем таком не спрашивали, просто приносили пакеты со всем подряд, в одном я даже обнаружила использованный презерватив – однако их всех благодарил. Теперь мне было намного труднее все это сортировать. Сперва я складывала все на балконе, а когда он заполнился – под кроватью и в коридоре своей малометражной однокомнатной квартиры. Но ничего, говорила я себе, я же занимаюсь благородным делом.

Однажды, вернувшись из магазина, я обнаружила в своей квартире погром: пакеты с мусором были пусты, а все их содержимое валялось вперемешку на полу. Сперва я подумала, что ко мне забрались воры, но ноутбук – моя единственная ценность – лежал на месте, и другие вещи были нетронуты, только мусор. И дверной замок был цел, а ключи имели только я и Машенька... Но она, конечно, не стала бы устраивать мне беспорядок. Притом она уехала в очередную командировку. У меня заболела голова, и я решила подумать об этом позже. Собрала весь мусор обратно в пакеты и так устала, что легла на кровать и моментально заснула.

И мне приснился сон: стою я возле мусорных баков, копаюсь в одном из них, а он вдруг начинает вибрировать и подпрыгивать. Его содержимое: консервные банки, стеклянные бутылки и прочее – начинает биться о края контейнера, издавая при этом жуткий шум. Я во сне закрыла уши руками и проснулась. Но все еще слышала этот звон. Постепенно он смолк, и я снова заснула, на этот раз без сновидений.

Об этом я больше не вспоминала, и да, у меня нет старческого маразма, если вы так подумали, просто я была очень занята. Как обычно, принимала, очищала, мыла, сушила, сортировала... но через две недели все это безобразие повторилось. Я, как и в прошлый раз, собрала все по пакетам, легла спать без задних ног, и мне опять приснился тот же сон. Я проснулась, однако по-прежнему слышала позвякивание и шуршание. Проснулась ли я по-настоящему? Да, я уже не спала – но кто мог издавать эти звуки? Мне стало страшно, кто-то явно находился в моей комнате. Вор? Или то загадочное нечто, разбрасывавшее пакеты с мусором? Я лежала лицом к стене и боялась повернуться: может, если я не стану шевелиться, все утихнет? Но тут опять раздался звук, какой бывает, когда сминаешь пластиковую бутылку. И чего я так напугалась? Наверняка у меня завелась мышь! Конечно, это представлялось маловероятным, ведь пищевых отходов у меня не было, да и собирая все по пакетам, я не видела ничего погрызенного – но другого логичного объяснения я не находила.

Я медленно повернулась. Уличный фонарь тускло освещал часть комнаты. Я посмотрела на пол и не увидела никакой мыши – в комнате никого не было. Опять раздалось шуршание, один из пакетов зашевелился. Я встала и хотела подойти к нему, но со страху плюхнулась задницей обратно на кровать. И вдруг из всех пакетов вылетел мусор, поднялся к потолку, закрутился воронкой, как ураган «Катрина», постепенно приобретая форму... это был сотворенный из мусора пес. Одно его ухо было молочным пакетом, второе – куском проволоки, глаза – крышки от пластиковых бутылок, нос – смятый клочок бумаги. Тело состояло вперемешку из консервных банок, стеклянных бутылок, флаконов из-под чистящих средств, в общем, из всего того хлама, что вылетел из пакетов. Я не сводила с него взгляда, а он смотрел на меня своими разноцветными глазами. Правый был белой крышечкой от минералки «Волжанка», левый – красной крышечкой от кока-колы. Конечно, я была напугана, но каким-то образом чувствовала, что это нечто не причинит мне вреда. Да и пес тоже испытывал страх – звучит невероятно, но это читалось в его пластиковых глазах.

И тут я вспомнила, как с детства мечтала иметь собаку. Родители были не против, но, к несчастью, оказалось, что у меня аллергия, как на собак, так и на кошек. Тогда я часто представляла, что собака у меня есть, даже имя придумала: Чарли – в честь Чарли Чаплина. Тогда я его обожала, да и сейчас тоже. Я посмотрела все фильмы с его участием и пересматриваю их снова и снова. И вот моя детская мечта осуществилась!

Не знаю, сколько я так просидела, находясь в каком-то трансе, а потом поняла, что улыбаюсь и услышала свой собственный голос.

– Чарли! Иди ко мне! – сказала я мусорному чудовищу.

Он насторожился, понюхал своим клочком бумаги воздух и осторожно направился к кровати. И я погладила его по созданной из мусора голове.

С тех пор мы очень подружились. Когда ко мне кто-то приходил, Чарли рассыпался – не хотел больше никому показываться. Мусор я, понятное дело, перестала сдавать, а тот, что мне приносили, мой пес после полной очистки (я не позволяла ему есть грязные предметы) втягивал в себя, как будто питался им, и он рос. Соседка снизу, Галя, спросила, почему я не сплю по ночам. Она слышала, как я чем-то гремлю. Я ответила, что у меня бессонница, в таком возрасте это обычное дело. Она мне посочувствовала, но предложила вести себя потише. Я же была полностью поглощена воспитанием Чарли. Я тренировала его, как обычную собаку, научила выполнять основные команды: «сидеть», «лежать», «ко мне». Он был умен, схватывал все на лету. Еще я хотела, чтобы он приносил мне тапочки, но с этим получалось плохо.

В дверь позвонили в тот момент, когда я в сотый раз пыталась объяснить собаке насчет тапочек. Чарли тут же, как обычно, превратился в хлам, рассыпавшийся по всему полу. Кто бы это мог быть? Боже!!! Я совсем забыла о существовании дочери, она же звонила мне позавчера и обещала приехать в четверг. А сегодня как раз четверг. Раздался второй звонок. Я попыталась лихорадочно собрать все лежавшее на полу в пакеты (будто нашкодившая маленькая девочка, которую вот-вот застукают родители), но это было бесполезно, и я пошла открывать.

– Здравствуй, мама! Как здоровье?

– Все нормально, дорогая. Как ты похорошела! У тебя новая прическа? Тебе очень идет!

Машенька разулась, прошла в комнату и замерла.

– Что это?! Мама, что у тебя произошло?

Представляю ее потрясение. Моя квартирка была всегда ухоженной – я, конечно, не педант, но вещи по ней не разбрасывала.

– Пойдем на кухню, я тебе все объясню.
 – По телефону ты рассказывала, чем занимаешься, и я думала, что это правильно, но это просто кошмар!!!
 – Я совсем забыла, что ты придешь, я бы все убрала...
 Почему я, собственно, должна перед ней оправдываться? Моя квартира – что хочу, то и делаю.
 – Послушай, я рассыпаю мусор на полу, мне так проще сортировать, просто ты пришла в неподходящий момент.
 – Я думала, ты его сдаешь!
 – Сдаю, конечно, после того как разберу.
 Первый раз в жизни я врала своей дочери.
 – Откуда его так много?
 Наверняка она подумала, что я собираю мусор по помойкам.
 – Соседи принесли.
 – Какие добрые! Давай я тебе помогу.
 – Нет, что ты! Я сама.
 Когда Машенька ушла, я была не в лучшем настроении. Но подошел Чарли, положил свою морду мне на колени, и мне сразу полегало.

Дни проходили незаметно, я была счастлива проводить все время в компании своего верного друга. А он потихоньку рос, и когда рассыпался, то моя комната уже по кровать заполнялась мусором. Соседка Галя все чаще стала возмущаться: «Почему у тебя такой грохот? Чем ты вообще занимаешься?» Соседи слева стали распускать чудовищные слухи о том, что я развела в квартире тонну тараканов. Ну что за люди такие!!! Не было у меня ни одного. Дочери я продолжала врать, всячески пытаюсь отделаться от ее визитов. Когда она собиралась приехать, я говорила, что иду то в поликлинику, то в банк, ну и так далее. Но я понимала, что долго так продолжаться не может. И вот однажды Машенька приехала без предупреждения. Она была в еще более сильном шоке, чем в первый раз. Сказала, что жить так нельзя, и ушла в глубокой задумчивости.

Я все же научила Чарли приносить тапки, и счастью моему не было предела! Моя любовь к этому существу была безгранична, я ощущала ее каждой клеточкой своего тела, каждой частичкой своей души. Я не задумывалась о том, настоящий ли он или плод моего воображения. Конечно, пес был реален, об этом говорили все более частые упреки соседки снизу. Чарли издавал много шума, особенно когда бегал за брошенным мной мячиком. Надо было бы это прекратить, но ему безумно нравилась такая игра. А еще ему нравилось смотреть со мной фильмы. Он садился рядом и смотрел на экран телевизора, а когда я над чем-то смеялась, переводил

взгляд на меня и клал лапу мне на колени, как бы говоря, что он понимает, в чем тут шутка, и если бы умел смеяться, то посмеялся бы вместе со мной.

В тот день я пошла на почту за пенсией – очередь была невероятная. Потом отправилась в РИЦ, заплатила за квартиру – опять очереди. Заскочила в магазин, купила яйца в картонной упаковке, Чарли такие уж очень любил. Поднимаясь по лестнице на свой этаж, я столкнулась с женщиной в спецовке. Он нес большую коробку.

«Кто-то переезжает», – подумала я.

Подходя к своей двери, я увидела, как из нее вышел еще один мужчина, в такой же одежде. Он держал в руках огромный пакет.

– Кто вы такой?! – прокаркала я обессиленным от ужаса голосом.

Он, ничего не ответив, прошел мимо. Я на негнущихся ногах зашла в квартиру, прошла, даже не разуваясь, в комнату.

Чарли не было. На кровати сидела моя дочь.

– Мама, мне пришлось... Знаю, ты бы мне не позволила, поэтому необходимо было сделать это без тебя... Так будет лучше, нельзя жить в мусоре. Да и соседка эта, Галина Николаевна, постоянно мне названивала, говорила о шуме...

Мне стало нехорошо, защемило сердце.

Я должна ей все объяснить, должна вернуть Чарли!!!

Я открыла рот, чтобы это произнести, но тут в глазах потемнело, колени подогнулись. Кажется, я начала падать...

– Мама!!! Мамочка...

Голос доносился издалека, я как будто погружалась в воду... Погружалась в никуда...

Я должна вернуть Чарли, Машенька все поймет.

Крики дочери становились все тише и тише... пока не смолкли совсем.

Полигон отходов был жутким местом, подходившим для съемок какого-нибудь фильма ужасов. Всю территорию полигона покрывал мусор, и даже солнце светило не как обычно, а тускло. Там не было слышно пения птиц, лишь шуршали полиэтиленовые пакеты на ветвях усеянных ими деревьев.

С некоторых пор местные жители начали рассказывать о том, что на полигоне стали пропадать охотники за цветными металлами. Один наркоман обратился в больницу – из его руки торчали осколки стекла, куски пластика и бумаги. Парень честно признался, что искал на свалке что-нибудь, что можно продать, и приобре-

сти очередную дозу. Он уверял, что на него напала гигантская собака, полностью состоящая из мусора. Так родилась история про мусорного монстра, которым стали пугать непослушных детей.

А потом стали исчезать и целые мусоровозы. Местные часто слышали жуткий грохот, который превращался в дикий, отчаянный вой!!!

Андрей Мацко СНЕГУРОЧКА

I Снегурочка

*– Нас ждет отличная зима! –
Промолвил внучке дед
И, бросив на спину мешок,
Ушел подарки раздавать.
И вот опять она одна,
И вечный белый снег
Ей помогал мечтать...*

«До смерти без любви»

«Стены чертогов Снежной королевы намела метель, окна и двери проделали буйные ветры. Сотни огромных, освещенных северным сиянием зал тянулись одна за другой; самая большая простиралась на много-много миль...»

Девушка с болезненно бледным лицом закончила чтение и положила книгу на столик. Несмотря на обилие странностей, «Снежная королева» оставалась ее любимой сказкой. Взять, например, это новое издание в переплете из мятой серебристой фольги, выполненном так, будто книга покрыта морозными узорами – как и во всех других версиях сказки, в этой Снежная королева жила в таких условиях, которые дедушка называл нереальными даже для Лапландии. То ли из-за обслуги, то ли еще из-за чего-то.

Их же «чертоги» были оборудованы со вкусом и вполне годились для жизни. Будь иначе – разве удалось бы ей достичь своих долгожданных восемнадцати? Только факт оставался фактом: это – всего лишь небольшая ледяная пещера, и превратить ее в замок с садом и замерзшим озером, как в любимой сказке – непосильный труд.

Взяв принесенный дедом накануне модный журнал, она бросила мимолетный взгляд на обложку, с которой глядела вычурная деваха в распахнутом пальтишке, настолько коротком, что оно едва прикрывало исподнее. И главное, в короне, кружевных чулках, обутая в наверняка безумно неудобные туфли с такими длинными тонюсенькими шпильками, что только лед колоть. Все это непотребство размещалось на фоне древнего замка.

«Возможно, где-то там бродит и мой собственный Кай», – подумалось девушке.

Вслух же она сказала: «Берегись, Герда!», и бросила журнал обратно на столик, отчего чуть не упала стоявшая там же ледяная статуэтка. Больше читать не хотелось, особенно статьи о псевдо-Снегурочках и людях, в головах которых жили тщеславие да материальные блага. Она переросла подобные истории, хотя в детстве зачитывала журналы до дыр.

Сначала было занятно: проникнуть в знания из другого, неведомого, хотя и, как она уже тогда знала, настоящего мира – недоступного, далекого. Практически сказочного. Затем интерес исчез, хотя макулатуру дед приносил из каждого своего путешествия.

Она покинула тупик, в котором располагалась комната, и прошла мимо дедовой спальни по длинному прямому коридору к выходу из пещеры. Вдоль стен стояло огромное количество резных статуэток – дед мастерил их все свое свободное время. Скоро фигурки людей и животных исчезнут, а на изготовление новых у дедушки будет целый год.

Ах, как же девушке хотелось отправиться с ними, только каждый раз на ее просьбы о путешествии в ответ слышалось лишь приевшееся «рано!» Со временем она перестала проситься, но мечта никуда не делась.

Покинув пещеру, она миновала импровизированную кухню, призванную не только готовить еду, но и защищать от диких зверей, и вышла к берегу реки. Окрестности застилал густой туман, а наглый ветер мгновенно разметал волосы девушки. Несмотря на куртку и джинсы, она всем телом ощутила его холодное прикосновение. Проникнув под одежду, ветер вызывал мурашки и ощущения, к которым Снегурочка не могла привыкнуть с детства. Размышляя, она брела вдоль заснеженного берега, следуя по еле заметным дедушкиным следам.

Почему все-таки ее так знобит? Неужели и рыбам на глубине приходится несладко? Они живут в вечном холоде, она – тоже. Нет, она не сравнивает себя с рыбой, но раз уж нарекли Снегурочкой и заставили жить на Севере – значит, должны были и защитить от мороза. Хотя бы толстой шкурой. Своей, а не из мертвых животных.

Все это, по мнению дедушки, – отголоски сказок, в которых правда теряется, а остается лишь вымысел. Он говорил, что холод в действительности чувствуют все – даже рыбы. Но она-то вовсе не сказочная, а самая что ни на есть настоящая! И нигде не доводилось ей читать про мерзнувшую Снегурочку. Огня бояться – это да, тут без вопросов. Хотя в этом она даже сильнее сказочной всенародно любимой героини – дед научил не только дружить с огнем, но и пользу из него извлекать. Главное, чтоб не в пещере. А вот по холоду надо бы уточнить, чего-то он недоговаривает.

Дедушка знал все, и верить в обратное Снегурочка отказывалась. Бывало, конечно, посещали сомнения, особенно касательно его объяснений устройства мира, да только не с чем было девушке сравнивать полученную информацию. Она видела мир таким, каким дед его показывал, и все ее знания проходили сквозь призму его собственного восприятия: учебники и книги он подбирал такие, чтобы самому иметь возможность разобраться и грамотно подсказать внучке, что да как. «Снежной королевы» дедушкина цензура не касалась. Приносить каждый раз новое издание вошло в привычку еще с тех пор как внучка только научилась читать. Сказки, да еще журналы обходились без его пристального внимания. В последних сказочных историях про современных принцев и принцесс было не меньше, чем в самих сказках. Их он брал без разбору, какие попадались. «Бульварная пресса», – буркнул он когда-то, и тут же пришлось объяснять любопытной внучке значение этого выражения.

Дед, завидя ее, помахал рукой и, прихватив ведро с уловом, зашагал навстречу.

– Знаешь, что нам сегодняшний туман готовит, родная? – спросил он, передавая ей ведро. – Если верить приметам, будет отличная снежная зима! Как спалось, внученька?

– Хорошо, дедушка. Скажи лучше, ну почему ж я так мерзну-то?

– Снова заладила, – насупился дед. – Давай дома потолкуем, у меня к тебе разговор есть. Сготовь пока завтрак, а я сборами займусь. Ты же помнишь, какой сегодня день?

Она помнила. Иногда дедушка отлучался и в другие дни, но только раз в году он собирал все поделки, которые мог вместить его огромный красный мешок, брал посох, клал мешок на сани и отправлялся раздавать подарки.

Девушка вернулась под своды пещеры, а дед, поглаживая желтую густую бороду, отправился к снастям. Стоя у проруби, он смахивал удочки и думал, с чего начать сложный разговор. Сегодня вечером предстояло выполнить ее заветное желание – сделать подарок, о котором внучка мечтала с детства. Он помнил: она хочет, но из-за постоянных отказов уже не осмеливается спросить. Она же и представить не могла, насколько тяжело ему было убедить себя, что время пришло.

* * *

Вместо обещанного разговора, за завтраком дед молчал, и девушка ошибочно приняла его задумчивость за обиду. Она решила, что ее вопрос о холоде испортил ему настроение. Как только с тра-

пезой было покончено, дед, не дав ей прибраться, наказал одеваться в дорогу. Снегурочка удивилась, но послушалась.

Они долго огибали гору, в которой, в пещере рядом с рекой, протекали годы жизни Снегурочки. Под угрозой строжайшего наказания ей запрещалось ходить в эту сторону, поэтому, конечно же, девушка частенько нарушала запрет. Но настолько далеко, как в этот раз завел ее дедушка, она заходить не осмеливалась – боялась заблудиться.

За горой их ждала еще одна возвышенность, поменьше. Достигнув вершины этого холма, они оказались на плато, с которого открывался замечательный вид. Перед ними, как на ладони, до самого горизонта простиралось белое полотно, усыпанное пригорками, лесами и долами. Но главное – впервые в жизни девушка увидела то, о чем раньше могла лишь слышать от деда или прочесть. Уходящая вдаль черная полоса. Дорога. Шоссе, по которому тянулись крошечные цветные точки-машины.

– Это трасса, внуча. По ней машины едут в город. Отсюда его не видеть, но нам туда же надобно. Тебя всегда интересовало, куда я таскаю мешок и почему не беру тебя с собой. Раньше было нельзя, понимаешь? Сегодня... – слова давались ему тяжело, – сегодня ты все увидишь сама.

Снегурочка опешила. Она стояла и смотрела как зачарованная то на деда, то на черную ленту с разноцветными жучками.

– Я обещал тебе подарок, помнишь? Долго ждал, готовился. Дома есть еще один, а вечером мы порадуем и других ребятишек. Ну, чего молчишь, красавица?! Слова кончились?

Так и не проронив ни звука, она кинулась ему на шею, обняла и крепко-крепко прижалась всем телом. Дедушка знал – так обнимают только любимых родственников, а нелюбимых дядь и тетя, даже если они дарят дорогую игрушку, которую не могут позволить себе родители, обнимают иначе. Снегурочка же рано лишилась родительской опеки, поэтому знать подобных вещей не могла. Она просто искренне, как умела, выражала свои чувства.

Девушка сияла. Из глаз лились слезы радости, тут же подмерзая на щеках, но разве будешь обращать на это внимание, когда жизнь совершает такой поворот?! Прозябая в пещере, смирившаяся с навязанными правилами, она и сама не ожидала, что таящаяся за горой неизвестность так сильно ей нужна; настолько необходима, что доведет ее до эйфории. Позже, по возвращении, она начнет приводить себя в порядок, примерять подаренный дедушкой праздничный наряд настоящей сказочной Снегурочки, и в ее мысли червячком сомнений вползет первый вопрос. За ним последует второй, третий... Неизведанность – это блюдо, состоящее из при-

горшни стимулов и щепотки страха. В зависимости от ситуации пропорции могут меняться, а в зависимости от пропорций меняется результат. К вечеру девушка закончила собираться. Снегурочке казалось, что результат сегодняшней неизведанности ей понравится.

* * *

Путь до трассы оказался неблизким – Снегурочка успела порядком утомиться, хотя они миновали лишь половину пути. Мысленно девушка благодарила деда, годами не торопившего ее с этой работой, оберегая и защищая от подобных трудностей. Он ведь не ради себя – ради нее старался.

Что надо было делать, она знала с детства. Воспитанная на сказках, книгах и дедовых рассказах, девушка, как и любой ребенок, понимала основы работы Снегурочкой. Помогать дедушке – вот и весь сказ. Единственным дополнением был втолкованный дедушкой запрет на раскрытие их настоящих имен. Это могло привести к большой беде. Какой именно, дед не уточнял, но звучало устрашающе. Впрочем, девушка сама понимала: люди не поверят, что они настоящие.

Все остальное время, если не считать редких «осторожней тут», «подтолкни» и «смотри под ноги», дед молчал. Зато стоило им добраться до широкого черного полотна, где Снегурочка увидела транспорт вблизи, дедушку понесло.

Он рассказывал ей о своей работе: о том, насколько обесценен нынче этот труд, ведь наутро никто не вспоминал Деда Мороза и его подарки – из памяти жителей города дедушку знатно подвинул заморский Санта-Клаус.

Его работа оказалась гораздо сложнее, чем думала внучка. Начиналось все с разведки. Дед приходил задолго до Нового года, подмечал людей с детьми, с колясками. Следил за ними, стараясь не попадаться на глаза, а после выяснял, что мог, о ребятишках и их родителях, заносил адреса в свой блокнот. Позже, вернувшись домой, выписывал на отдельный лист самых достойных. Ему предстояло доставить подарки этим детям.

«Поэтому письма с детскими желаниями и не работают! – осенило Снегурочку. – Потому что Дед Мороз лично отбирает ребятишек!»

Ей очень хотелось узнать, почему у него нет почтового ящика, чтобы все дети могли писать ему свои адреса и упростить работу, но все вопросы пришлось отложить – прервать дедушку с горящими глазами не получалось.

Она никогда не видела его в таком состоянии. Казалось, деда молодила сама идея приносить радость, а когда пришло время воплощения этой идеи – от старика не осталось ни малейшего следа.

Девушка даже поймала себя на ревности, ведь впервые видела того самого, настоящего Деда Мороза, жизненной целью которого являлось Счастье детей и радость в глазах ребятишек.

Оказывается, он приходил в город даже после праздников. Находил родителей, чьим детям оставлял подарки, расспрашивал их. Каково же было удивление Снегурочки, когда она узнала, что никто, ни один человек, под дверью которого дедушка оставлял игрушку, не признался в получении подарка!

«Так вот почему он грустит? Вот что его так трогает?»

Да, это раздражало, злило и заводило дедушку, однажды твердо решившего доказать, что он – настоящий, а его подарки – лучшие! Никакой заморский перец не сможет тягаться с ним, самым что ни на есть реальным Дедом Морозом!..

* * *

Город встретил их неоновыми вывесками и электронными гирляндами, такими яркими, что глаза у Снегурочки с непривычки за слезились. Но не глазеть на все это великолепие было бы преступлением.

Люди, машины, украшенные деревья и дома с их бесчисленными окнами глубоко запали в душу девушке. Разинув рот, она то и дело охала, завидев очередную неожиданность. Неожиданностей оказалось много, и это замедляло поиски необходимых адресов. Дед все понимал и в шутку ворчал, что если они будут останавливаться у каждой красивой витрины, то не успеют порадовать ребятишек.

Встреченные ими прохожие, в основном, находились в явно приподнятом настроении. Причиной тому были праздничная атмосфера и алкоголь. Об алкоголе, праздниках и странном увлечении людей переодеваться в Дедов Морозов и Снегурочек девушка знала из книг, журналов и дедушкиных рассказов. Он сталкивался с такими из года в год, и с каждым годом этих чудаков становилось больше. Переодетые люди не являлись конкурентами, а лишь старались веселить народ, наряжаясь в костюмы. А некоторые пытались таким способом заработать на жизнь.

Молодежь улюлюкала вслед Деду Морозу и Снегурочке, шутя о перегруженных санях, о них самих. Некоторые просили сфотографироваться, пугая девушку яркими вспышками, а были и те, кто, казалось, вовсе не обращал на них внимания. Дедушка шепнул ей: «Наверняка не успели заготовить все подарки, вот и ходят, озадаченные, в поисках открытых магазинов».

Поздний вечер плавно уступал место ночи, и люди стали попадаться гораздо реже – видимо, многие дошли до дома и готовились к празднику.

Хозяйки жарили-парили и накрывали, хозяева развлекали гостей, а неугомонная детвора бегала вокруг постепенно обрастающего яствами стола. По крайней мере так думалось Снегурочке. И ей совсем не представлялось, что в одном из темных дворов их поджидают неприятности.

Дедушка протащил сани вперед, она же задержалась поглазеть на большую украшенную красавицу-елку, установленную посреди двора. Уходя, девушка услышала позади смех какой-то компании, но не придала этому значения.

– Вау, какая у нас тут Снегурка зачетная! – произнес за спиной чей-то юный голос.

После этого раздался одобрителный свист, улюлюканье, а потом донеслось совсем уж обидное:

– Красавица, а на моих санях не хочешь прокатиться?

Снегурочка смутилась и ускорила шаг, но ее быстро нагнали, и кто-то из ребят грубо схватил за руку.

– Да стой ты! А как же много-много радости детишкам принести?

Девушка испугалась. Впервые в жизни она почувствовала животный страх, а потом ее с головой накрыла волна нехорошего предчувствия. Ошарашенная Снегурочка стояла, моргая набравшими слезы глазами, не в состоянии произнести ни слова.

– Это из другой песни, ребятня. Про елку, не про девушку. Оставьте внучку в покое!

Дедушка говорил нарочито громко – авось мальцы испугаются или прохожие вступятся. Он шел к ребятам с посохом наперевес, чувствуя, что компания навеселе и зная, что таким море по колено.

– Добрый дедушка Мороз, борода из ваты, уходи-ка, пока цел...

– Заткнись, шантрапа! – Дед не дал закончить обидную речевку и сделал вид, что кидается на парня.

Их было пятеро. Он не собирался никого бить, не хотел ничего плохого даже для уличных хулиганов. Просто, опускаясь на белое покрывало перед тем как потерять сознание, Дед Мороз думал о том, что все должно было произойти именно так, именно сегодня, и по-другому случиться не могло. Ведь сбываются не только заветные желания, но и наибольшие опасения.

На белый снег брызнула кровь, и дедушка упал без чувств. Рядом приземлилась деревянная палка, которой его ударили. Понимая, что натворили, малолетние преступники кинулись врассыпную.

Мир поплыл, и Снегурочка рухнула на колени. Вокруг прильнувшей к деду рыдающей внучки начали собираться люди.

Кто-то крикнул:

– Звоните в скорую!

Кто-то ответил:

– Уже вызвали...

II Снежная королева

*...Холодная, как лед,
Ну а в груди горит огонь
И тлеют в нем ее мечты...
И одиночество-река
Ее стремительно несет
Под сводом вечной мерзлоты...*

«До смерти без любви»

Время от времени по коридору мелькали белые халаты, но девушка было не до них. Она сидела у кабинета, закрыв лицо руками и обвиняя себя в произошедшем. Самое большое желание ее жизни могло унести жизнь самого близкого ей человека.

Дверь отворилась, к ней вышел крупный мужчина в маске, и от сердца отлегло. Дедушка учил, что глаза не могут лгать, а по взгляду она видела – доктор улыбался.

– Все в порядке, жить будет. И детишек радовать сможет, только вот, видимо, уже не в этот Новый год. С праздничком, кстати.

– Спасибо, и вас. А что же теперь с детишками-то делать? – совершенно искренне спросила Снегурочка.

– Оставьте детишек их родителям. Смотрите, мне нужно бумаги заполнить, а дедушка ваш голову морочит. Надеюсь, вы более благоразумны и не будете утверждать, что его зовут Дед Мороз?

Снегурочка соврала. А что ей оставалось делать? Этот мир диктовал свои законы, в нем не было места таким, как они. Стоило дедушке нарушить собственное правило, как врач тут же посчитал его сумасшедшим.

Она назвала имена книжных героев, ведь надо было что-то сказать. Говорила сбивчиво, но доктор, кажется, списал это на волнение. Он заверил – дедушка поправится, только нужен отдых. Старикан крепкий, хотя в его возрасте с такими вещами не шутят. Все порывался домой бежать. Сейчас он уснул, но пришлось вколоть успокоительное, чтобы иметь возможность беспрепятственно обработать рану и наложить несколько швов.

Доктор уговорил внучку оставить деда до утра под наблюдением. Снегурочка вышла из больницы за полночь.

Она брела по улицам, где снова вовсю веселился народ — и стар и млад. Люди встретили праздник и высыпали поглазеть на салют, отгремевший, когда девушка была в больнице, да так и остались гулять.

Она бесцельно шла в подаренном дедушкой синем пальто с вышитыми снежинками, чувствуя свою вину в происшествии с ним. Да и подарки доставить теперь не получится – список ребят остался с дедушкой, в больнице. Ведомая этими грустными думами, она и сама не заметила, как вернулась на место трагедии, пока не набрела на знакомые сани. Только сейчас здесь шло веселье, горел костер, и вокруг понравившейся ей елки люди водили хороводы, пели, танцевали...

Сани были на месте, и мешок не пропал, вот только... он казался пустым.

«Ну и ладно, – подумала она. – Если такова плата за мое желание, если это сохранит жизнь дедушке, пусть хоть с санями воруют!»

Она подошла ближе. Подмерзший от обилия влаги мешок невозможно было оторвать от деревянного настила, и под пьяные крики зовущих ее в хоровод людей девушка осознала горькую правду.

* * *

Вопросы. Они роились в голове, выбивая из действительности, заполонив собой все, не давая сосредоточиться и делать что-либо, кроме как идти куда глаза глядят по заснеженным улицам. Снегурочка не замечала светофоров и просто плыла, пытаясь разложить все по полочкам и медленно приходя к неутешительным выводам.

Ей всю жизнь лгали. Сколько она себя помнит, ее обманывали и укрепляли в своей вере.

Интересно, как давно это произошло? Когда желание дедушки дарить подарки превратилось в неконтролируемую, навязчивую идею? Как могла она не заметить изменений в единственном близком человеке? И самое главное – зачем он прятал ее от мира все эти восемнадцать лет? Жертвуя собой, ее образованием, знаниями... выращивая ее, словно какой-то скот – без права выбора, будто она не человек, а...

А кто она?

Снегурочка?

Или безымянный ребенок, воспитанный безумным стариком?

Как вообще она оказалась в пещере?!

Чувство холода, голода... теперь еще и страх...

А как же она корила себя за крамольные мысли! За то, что допускала саму возможность сомневаться в словах деда! Все ведь действительно оказалось иначе. Она-то списывала свои терзания на то, что взрослеет, но теперь...

А что теперь?

Ну, знает она правду, а проку-то от нее?

Обратно в пещеру?

Завтра горе-Деда-Мороза выпишут, и что?

Делать вид, что ничего не случилось? Пусть и дальше себе круглый год вырезает ледяные игрушки, пусть воюет с ветряными мельницами?

Сколько же лет он подкладывал детям воду? Сидя в вечно холодной пещере, она и подумать не могла, что все сделанные им с такой скрупулезностью и любовью игрушки просто растают!

Насколько же он безумен, если сам за годы своего ремесла не додумался до такой простой разгадки?!

Если бы только она знала!

Если бы он не скрывал свои чувства, обиду, раздражение... Она помогла бы, подсказала...

Да хоть бы из дерева вырезал эти чертовы поделки!

На глаза навернулись слезы. Вопросы казались такими сложными, а ответы поражали своей простотой и... глупостью?

Пожалуй, так.

Пожалуй, иначе и не назвать происходящего в течение долгих восемнадцати лет в ледяной пещере на берегу реки.

Теперь, хорошенько все обдумав, она знала, как поступить дальше.

Больше не будет секретов и недомолвок, она просто возьмет дедушку за руку, усадит за стол и серьезно поговорит.

Но это – утром.

Сейчас же, когда на большинство вопросов нашлись ответы, когда девушка, наконец, разобралась в себе, город вновь заиграл для нее всеми своими красками. Хотя нет – теперь он был краше, величественней и интересней, потому что Снегурочку переполняла Свобода.

И словно в ответ на это неведомое ранее, пьянящее чувство, колесо Судьбы крутанулось снова.

– Привет, красавица. Подвезти?

Она и не заметила, как к ней пристроился и неспешно двигался параллельным курсом красивый черный автомобиль. Ей бы испугаться и убежать после недавней истории у елки, но ведь то были уличные хулиганы, а это – симпатичный парень в машине, предла-

гающий помощь и возможность впервые в жизни прокатиться не на санях, испробовать новый вид транспорта.

Недолго думая, Снегурочка решила и неуверенно кивнула.

– А ты город хорошо знаешь? – застенчиво спросила она.

– Садись, разберемся.

* * *

– Да ладно тебе! Конечно, ни в жизнь не поверю! Может, все-таки какая-нибудь Снежана?

Они стояли на причале и, облокотившись на парапет, любовались городским озером. Под ногами медленно покрывалась инеем пустая бутылка из-под игристого вина, распитая на двоих. Снегурочка попробовала такой напиток впервые, и теперь ей было немного не по себе, хотя парень уверял, что от этого вина захмелеть почти невозможно.

Имя ей понравилось, и про себя девушка отметила, что оно подошло бы Снежной королеве.

«Интересно, а есть ли другое имя у меня?» – подумала вдруг она, но решила вернуться к этому вопросу позже. Здесь и сейчас для таких мыслей было не время и не место.

– Снегурочка – и точка. Мне тяжело об этом говорить, я не знаю, почему меня так называли.

Парень пожал плечами:

– Необычно, конечно. – Он внимательно посмотрел на нее. – А я бы называл тебя исключительно Снежной королевой.

Девушка смутилась:

– Почему это?

– Сама посуди. Аристократическая бледность кожи указывает на явную принадлежность к дворянскому роду. Грамотная речь, благородная красота. А еще от тебя прямо веет духом свободы. Скажи честно, ты с луны свалилась?

– Нет, конечно, она высоко – я же расшиблась бы!

Они засмеялись и, как по команде, замолчали. Возникла неловкая пауза.

– Ну, вдруг у тебя под одеждой крылья? – вновь заговорил Олег. – Ты не такая, как все, я это чувствую. Не городская, да и вообще... другая. Я пока не могу решить эту твою загадку. – Глядя ей в глаза, он перешел на шепот, и у Снегурочки почему-то перехватило дыхание: – Расскажешь, в чем секрет?

Она не выдержала его напора и опустила глаза, затем вовсе закрыла их, чувствуя, что краснеет. А когда взяла себя в руки и осмелилась снова взглянуть на Олега, его губы оказались совсем рядом. Ей

не хотелось сдерживаться, напротив – Снегурочку влекло прикоснуться к ним, почувствовать на вкус, она уже представила сладость первого поцелуя...

Салюты давно отгремели, город постепенно погружался в сон. До пристани, на которой они стояли в полном уединении, лишь изредка доносились обрывки далеких разговоров и одиночные взрывы петард. Мир словно завис, ожидая ее решения.

Девушка сомневалась. С одной стороны – ее до сих пор окончательно не понятое ей самой чувство свободы. С другой – перед ней стоял очередной важный выбор. Можно поддаться и долететь до конца, куда бы это чувство ни привело. Зато – впервые вдохнуть полной грудью.

Или – оставить все как есть, ничем не рискуя и ничего не меняя.

Снегурочка упивалась даже этой небольшой возможностью выбирать, и чем больше свободы ощущала, тем больше ей хотелось принимать собственные решения. Но тут перед внутренним взором по больничному коридору пронеслись белые халаты, напомнив, к чему эти решения привели.

Она мягко отстранилась:

– Видишь ту гору?

Он растерянно кивнул.

– Проводишь меня туда?

– Прямо сейчас, что ли? С ума сошла?

– Ну, как хочешь. Рада была познакомиться!

Даже если он не пойдет за ней – что с того? Зато, думалось ей, она мудро поступила, скинув все на Провидение – вот кому точно известно, как правильно поступить.

Снегурочка уверенно зашагала к трассе, откуда-то зная, что ее новый знакомый, назвавшийся Олегом, последует за ней. Его действительно так звали, в чем девушка могла бы убедиться еще с утра. Статья о молодом местном бизнесмене сопровождалась фотографией и была размещена в том самом журнале, который Снегурочка не стала листать.

Она с улыбкой уходила все дальше, считая, что научилась вести себя согласно требованиям этого нового мира, умеющего дарить как самые радостные, так и самые грустные ощущения. Снегурочка была уверена, что нашла золотую середину и поступает правильно, снимая с себя ответственность.

Если уйдет одна – значит, так должно быть. Если он решится пойти с ней – тогда это не только ее желание, но и его выбор, и, видимо, выбор Судьбы.

Камень с души упал, и Снегурочке стало легко и хорошо. Ей казалось, что все теперь будет по-другому.

И все действительно стало иначе.

* * *

Олег догнал ее, только отлучился – сказал, надо запереть машину. Вернулся с рюкзаком за плечами, но Снегурочка не стала ничего спрашивать. Ей вообще не хотелось разговаривать. Олег тоже не задавал вопросов, и первая половина пути прошла в молчании. Каждый думал о своем, пока перед трассой Снегурочка не взяла парня за руку. Олег не сопротивлялся. Они перебежали дорогу перед огромным грузовиком, разорвавшим ночную тишину зычным гудком, да так и пошли дальше, еще крепче сжимая руки. После шоссе у Олега получилось рассмешить ее, и Снегурочка разговорилась.

Она рассказывала о своей жизни, а парень не перебивал, опасаясь, что девушка стушется и замолчит. Они и не заметили, как добрались до реки.

В пещере было темно и холодно. Как и всегда, только вот раньше Снегурочка этого не замечала.

По ее просьбе Олег развел на кухне костер, а потом Снегурочка взяла фонарик и повела его осматривать пещеру. Это добавило к ее новым чувствам еще одно – стыд. Ей было неудобно рассказывать о дедушке. Мастерил фигурки, чтобы они таяли под дверями людей? Кто знает, может, когда-то лужу под дверь после Нового года находили и родители Олега...

Нет, она не откроет ему всей правды.

Для Олега дедушка просто убивал время, вырезая поделки из льда.

В комнате Снегурочки все оставалось как было. Только вот чувствовала девушка себя и ощущала окружающий мир по-другому. Она не могла объяснить ни подвернувшемуся во время этих изменений Олегу, ни себе. Но ей нравилось происходящее, хотя сравнивать она могла лишь с предыдущей жизнью, закончившейся только несколькими часами ранее. И новый открывшийся мир возможностей в одну калитку побеждал мир старый, устоявшийся, надоевший и всю жизнь казавшийся неправильным.

* * *

Мир пошатнулся и дал трещину, когда Олег ее ударил. Началось все с бутылки вина, извлеченной из его рюкзака. Они сидели у костра, обнявшись, и бокалы быстро пустели. Потом девушка постелила парню в соседней комнате, на дедовой кровати. Перед уходом он задержал ее за руку, притянул к себе и снова попытался поце-

ловать. Она отшатнулась и оставила его, пожелав спокойной ночи. Снегурочка не спала, все еще обдумывая прошедший и завтрашний день, а он просто вошел и кинулся на нее. Первый удар – пощечина, запрокинувшая голову девушки. Олег знал, что в большинстве случаев такой удар деморализует, отбивая всякое желание сопротивляться.

Это было настолько неожиданно, унизительно, оскорбительно и обидно, настолько шокировало, что Снегурочку бросило в дрожь. Она заплакала, а новый мир продолжал ее обучение. Соблазненный диковинкой мажор, получавший все по щелчку пальцев, не мог принять отказ, как не мог остановиться, насилуя девушку. Уверенный в собственной безнаказанности, он все рассчитал правильно – дед в больнице, помощи ей ждать неоткуда. Девушка лишь содрогалась от боли и слез, закрывая лицо руками.

Мир лопнул по швам, когда она нащупала на прикроватном столике, рядом с модным журналом и «Снежной королевой», дедушкину ледяную фигурку.

Голова Олега, казалось, тоже лопнула, потому что кровь была повсюду. Позднее Снегурочка осознала, что это была и ее кровь.

«Нет, это не дедушка сошел с ума, – думалось ей позже, когда она тащила тяжелое тело к реке, – это мир вокруг: суровый, злой, беспощадный – вот где кроется настоящее сумасшествие».

* * *

С рассветом девушка стучалась в двери больницы. Ей не спешили открывать, поэтому стучать пришлось сильно и долго.

Всю дорогу сюда она думала, как кинется на шею деду, как будет вымаливать у него прощение, а он-то ведь наверняка не поймет, не осознает, в чем дело.

Она шла с твердым намерением рассказать о произошедшем. О том, как эта ужасная ночь изменяла ее, помогая понять дедушку. Она не утаит даже то, как погрузила обмякшее тело парня в прорубь. Она хотела бесконечно благодарить дедушку, уберегавшего ее столько времени, вопреки ее наивным детским желаниям и мечтам, ограждая от пошлого, развратного, бесконечно жестокого мира.

Она хотела забрать его, вернуться в пещеру, и даже если не удастся переубедить в бесполезности новогодней затеи – не мешать реализовывать его мечты, совершенно безобидные для окружающих, пусть и отдающие ненормальностью.

К дедушке у Снегурочки оставался только один вопрос.

Кто она?

Дверь отворилась. Заспанная медсестра всем видом показывала желание послать гостью куда подальше. Она сдержалась, увидев кровоподтек под глазом девушки и разбитую нижнюю губу.

Сначала Снегурочка хотела назвать его Дедом Морозом, но своевременно спохватилась и ограничилась просто «дедушкой».

– А-а-а, – протянула медсестра, – тот, которого ночью зашивали. – Она сочувствующе взглянула в распухшее лицо напротив. – Вам не дозвонились?

Снегурочка настороженно покачала головой.

– Скончался он, девушка... пару часов назад... Во сне... Не приходя в сознание... Тромб...

Медсестра еще что-то говорила, но Снегурочка не слышала. Она застыла на месте, тшась осознать это новое слово. Ее нижняя челюсть произвольно подрагивала, будто пытаясь разжевать горечь, синоним которой – смерть. Слушая и не слыша, она молча глядела на женщину, сквозь женщину.

Жестокий мир нанес еще один удар и разгромно победил.

Перемолот.

Сожрал и выплюнул, не оставив больше ничего от человека, всю жизнь мечтавшего выйти к нему навстречу и, наконец, оттаять.

Медсестра замолчала на полуслове, когда Снегурочка развернулась и побежала. Женщина тщетно пыталась докричаться до быстро удаляющейся стройной фигуры.

Через силу, через трассу, по белому покрывалу со всеми его долами, лесами и пригорками Снегурочка бежала к пещере, рыдая, на ходу вытирая слезы и выбрасывая миру душераздирающими криками невыносимую боль...

Владимир Хабаров РЕЦЕПТ ДЛЯ ПОЦЕЛУЯ

Присев у стола, я достал из нагрудного кармана смартфон. Пальцы немного дрожали после погрузочно-разгрузочных работ. На что смартфон моментально среагировал, переключившись из теплого розового цвета в ядовито-желтый. Плевать! Некогда перепалку затевать. Лихорадочно начал водить пальцем по экрану, выискивая в «Контактах» нужный адрес. Где же это чертово «ноль три»? Вроде, как я слышал, бесплатный, но почему у меня его нет?

Так, перейду-ка на голосовую связь, может, что и вылезет. И чё там у нас...

Первой вылезла Баба-яга:

– Постой, милочка, не гони лошадей...

Без сожаления пролистнул ее. Не, не то! Дальше! Промелькнула квадратная рожа Мойдодыра:

– Если ты посуду не помыл и порядок в доме не навел-л-л...

Блин, дальше! А это кто? Что-то знакомое – желтенькое, круглое, румяное...

– Такси заказывали?

Пошел в баню со своим такси! Мне доктора!

Продолжил листать. Ага, вон спина в белом халате – это то, что нужно!

– Доктор?

Спина повернулась... Упс, опять не то. А так похоже!

– У меня проблема – Василиса... – промямлил по инерции, собираясь пролистнуть.

Вдруг слоноподобное лицо отделилось и полетело в сторону.

Я застыл на миг. Что за... а-а, так это маска!

Лицо Айболита выглядело как один большой вопрос – чего надо?

– Тут такое дело, – заныл я, нутром чувствуя, что попал не в добрый час. – Сидели с ней за столом, болтали о том о сем. Она хватать яблоко из вазочки, которое маман со вчерашнего вечера оставила, и давать грызть. Аж за ушами трещит, будто месяц голодала. А потом хлоп головой об стол и на полуслове заснула. Еле-еле до кровати дотащил, тяжелая, зараза. Не могла же она так на одних только яблоках отъестся...

– Короче, друг мой, Иван! Либо у нее стресс на нервной почве, либо наркотик снотворный в яблоке. Пришли-ка одно яблочко мне

на экспресс-анализ! – Доктор внезапно нахмурился. – А ты с ней, случайно, не того...

– Чего того?... – не понял я.

– Может, она беременна, и у нее токсикоз?

– Я что, дурак, что ли?! – возмутился, а у самого кошки на душе заскребли. Вдруг она действительно беременна и скрывает, подлая? – Мне еще институт надо окончить.

– То, что ты у нас Иванушка-дурачок, давно уже все знают, – миролюбиво сказал Айболит. – Да ладно, не скромничай... дело молодое, понимаю...

– Ой, доктор, она зашевелилась! – Я начал искать глазами место, куда бы спрятаться, если что... – Ой, теперь захрипела, подняла руку и тычет в мою сторону пальцем. Никак, Вия собирается позвать.

– Какой на фиг Вий? – засмеялся Айболит. – Тот уже неделю как на гастролях в Канаде, тамошний народ развлекает. Меня тоже с собой звал, мол, он сеансы психотерапии будет проводить, а я как врач помогать тем, кому плохо станет.

– И?

– Отказался. Своей работы по макушку и выше.

Я осмелел и передумал прятаться. Рука Василисы дернулась, словно по ней кто-то ударил плетью, и вернулась на место.

– Доктор, ну сделайте что-нибудь, а то боюсь, как бы она в коматоз не рухнула. Отработаю! Как пить дать отработаю... Возьму академ и прилечу. Где там у вас... Лимпопо вроде? Кем? Да кем угодно! Могу таблетки раздавать, укольчики делать, «утку» вовремя принести, лапшу на уши вешать... ну, в общем, много чего могу.

– Ладно, уболтал. Записывай рецепт. – Айболит почему-то ухмыльнулся. – Пятьдесят грамм чистого медицинского спирта, можно водки. Добавить туда на кончике чайной ложки мумие, одну таблетку парацетамола, пару листочков мяты либо Melissa, половину, опять-таки, чайной ложки меда, одну дольку лимона, щепотку соли и... немного молитвы об исцелении. Все тщательно перемешать и...

– Дать выпить? Но как? Она же неадекватна!

Доктор Айболит поморщился, словно у него внезапно зуб заболел.

– Дослушай сначала до конца, а потом вопросы задавай. Перемешать, настоять минут пять – десять, а затем нанести на тело и растереть, растереть...

– Что-то я не понял. Это как? – Смутные догадки, что меня собираются «развести», пришли на ум, но я тут же мысленно одернул

себя – докторам надо верить, они знают, как правильно лечить. И этот способ лечения мне понравился.

– «Как, как»... Ты что, только сегодня родился? – Айболит снова поморщился. – Начинаешь с пяток и поднимаешься, заканчивая на груди. И да... это, – он вдруг улыбнулся, – после окончания процедуры поцелуй ее в губы. Больше никуда... ни в коем случае, а то не сработает. То есть она может не проснуться, уж тогда точно получишь коматоз.

Экран смартфона мигнул красным цветом, затем пошла бегущая строка:

«Абонент вне зоны доступа».

Отключился, гад!

Я вскочил и бросился искать необходимые ингредиенты.

Время пошло...

Виктор Тессер СКАЗКИ ПОТЕРЯННОЙ ИМПЕРИИ

1

В черных песках Аль-Сариба живет великая рыба Му. Дни за днями скрывается она среди затонувших во времени руинах, и лишь древние колонны цвета запекшейся крови слышат шорох ее алмазной чешуи. Каждый караванщик, что осмеливается пересечь пустыню Аль-Сариб, помнит, что этот поход может стать последним – в один из дней пески расступятся, и последнее, что он увидит в своей жизни, будут железные зубы, огромные, словно горы Урука. Но на место одного погибшего приходит другой, ведь это единственный путь к затерянному городу Намибии и тем тайнам, что сокрыты в его сердце.

Те, кто вернулся из Намибии, рассказывают, что каждую полную луну дюжина девушек выходит из его ворот. Они устремляются вглубь песков, танцуя страшный танец изломанных тел, а спустя три дня одна, всегда лишь одна из них возвращается, и в глазах ее нет ничего, кроме страха. Говорят еще, что бессвязные крики, доносящиеся из ее рта, складываются в странную новую мелодию, и эти песни-воспоминания Му – и есть главное сокровище затерянного города.

2

В далекой стране гигантов под названием Ву Ма Шин живет кузнец-отшельник по имени Острый Ван. Десять месяцев в году он спит, и заросли бамбука оплетают его огромное тело, а если какой росток попытается прорасти насквозь – тут же отпадает тонкой стружкой, ибо мечи Острога Вана оберегают его дрему. Потому Вана и зовут Острым.

На одиннадцатый месяц Ван собирает все скопившиеся сны и смерти кустарников в один большой мешок и кует из них новые мечи. Лишь трое за всю историю удостоились сих мечей – Премудрый Сюэй, что некогда одним словом обрушил в Зеленую Бездну гору демонов Пху; Бегущий Ляо, что тысячу лет скрывался от рук Приходящего Первым; и Мальчик Фу, который четырежды умер на пороге кузницы Вана. О подвигах этих троих до сих пор говорят меж людей, но речь сейчас не о них.

Вот что еще известно об Остром Ване: в бороду свою он заплетает опавшие листья и живых бабочек. Когда же Ван работает в кузне, бабочки машут крыльями, стремясь влететь в огонь, ведь нет для них большего счастья, чем служение пламени, и шорох чешуек

разносится далеко вокруг, заглушая даже удары молота. Иногда какой-нибудь бабочке удается достичь своей цели, и тогда борода кузнеца загорается, и он пляшет, смеясь от боли и радости, и не спешит потушить пожар. В такие дни мы смотрим в алеющее небо и слушаем ветер, и говорим друг другу: «Видать, этот год будет лучшим из всех». И так оно и есть.

3

Под холодными водами Зеркального Озера Шеоси покоится древний город, чье имя мы не произносим никогда. Городом правит вечно юная королева-вампир Ниосики. Эпохи назад, еще до прихода Западных Льдов, она отвергла притязания Бога мертвых Шэй-Лаоя. Легенды говорят, что она посмеялась над ним, но истинная королева всегда была скромна и преданна. Легенды врут, ведь ложь обычно ценится выше.

Шэй-Лаой отступился, ведь боги тогда были благороднее, чем сейчас, но годы шли, и обида его росла. Не желал он мстить той, кого любил больше самого Порядка Вещей, но и встретиться с нею вновь не мог, ведь память богов – оружие сильнее небесного серебра. И тогда повелел он закрыть врата царства мертвых для госпожи Ниосики и жителей ее города.

Столетия минули с тех пор, и континенты сменили свой лик, но древний город стоит, украшенный поющими костями и самыми драгоценными из сокровищ подлунного мира. Жители трудятся на улицах и танцуют на площадях, веселясь и тоскуя, и рыбы снуют среди потрепанных водами тел. Бессмертные не мешают им обглаживать плоть и гордятся чистотой своих мощей. Этот город велик и славен, но мы не произносим его имени и шепчем молитвы, когда слышим тихий треск из-под воды.

Говорят еще, что юная королева Ниосики каждую ночь поднимается на самую высокую башню дворца, что лишь немного не доходит до поверхности воды, и смотрит в усеянное звездами небо. Ее серебряному смеху вторит голос Шэй-Лаоя, и день разгорается вновь.

4

На болотах Магамбы живет племя Красных Мокроступов. Племя состоит из одних мужчин – гнилостные испарения самого болота содержат странный токсин, убивающий женщин за минуты.

Мокроступы не знают войн и торговли, для них мир ограничен небольшим островком черно-зеленой травы посреди топей. Пришельцев извне они принимают за богов и демонов, оказывая всяческие знаки почтения, но никогда не слушают, что те говорят, заглушая слова грохотом барабанов и пряча глаза при встрече.

Как считается, у Красных Мокроступов нет своей письменности и даже языка, но это не совсем так. Когда один из племени хочет сказать что-то, а случается это очень нечасто, он начинает бродить туда и обратно по склизкому берегу острова, а его собратья слушают шлепанье и скрипы, таинственным образом понимая, о чем он «говорит».

Два раза в год племя устраивает то, что мы называем соревнованием сказителей. Старейшины племени поочередно выходят на берег, чтобы бродить там под лучами солнца, а остальные хлопают в такт их шагам. Довольно часто бывает, что такой сказитель подходит слишком близко к краю воды, и болото забирает его в свои глубины, где странно скрученное тело присоединяется к другим таким же. А неделю спустя племя находит в прибрежной траве нового мальчика, всегда тихо спящего.

Когда новый житель подрастает, он, дождавшись ясного дня, приходит на берег болота и смотрит вниз, на тела, навеки застывшие в вязкой болотной слизи. Его ноги подрагивают в такт ушедшей под воду истории, и связь поколений крепнет.

Владимир Чернявский БЕССОННИЦА

«Сон надо заслужить!» – любил повторять мой отец. Сам он, как и все, никогда не спал, но принадлежал к тому типу верующих, что поддерживают в себе веру, убеждая других. Конечно, все читали брошюрки с яркими картинками, как один человек жил праведно и заслужил ежедневный сон. А некоторые добрались и до толстых книг без иллюстраций, но никто не увлекся идеей сна так, как отец. Удивительно, что он, будучи взрослым, продолжал всерьез верить. Обычно детские мечтания о сне иссякают к школе, когда реальная жизнь, словно спрут, опутывает и топит в ежедневной рутине. Но отец, несмотря ни на что, грезил «иными мирами», куда человек сможет попасть, если заснет. Мне было жалко смотреть, как он истязает себя голоданием и подолгу неподвижно лежит в ритуальной кровати, ожидая, когда сон придет и унесет в прекрасные дали.

Поначалу я злился. Считал, что отец крадет время у семьи и работы. Мы могли бы хотя бы изредка гулять по ночам, как другие отцы и дети. Но потом я успокоился. Взял пример с матери. Она приняла условия игры – шила бесполезные подушки и постельное белье. Все эти «простыни», «наволочки» и масса других, непривычных, слов прочно вошли в наш обиход.

В книгах пишут, что еще сотню лет назад люди вообще не могли обходиться без сна. Время жизни сшивалось из лоскутов сонного оцепенения и спешного бодрствования. По ночам дома погружались во тьму, наполненную неподвижными телами. Сон, подобно болезни, проникал в человека еще в утробе матери и не отпускал до самой смерти.

Но однажды в городе появились «гости». Одни говорили, что гости всегда были рядом, другие верили в небесные огни и порталы. Так или иначе, гости подарили человеку вечную молодость и работу на заводе. Люди перестали болеть и стареть – выросли до тридцати лет, а после человеческие тела замирали, подобно декоративным растениям, и далее не менялись. В довесок мы больше не спали и получили в день еще восемь часов активной жизни.

На стене нашей многоэтажки висел выцветший плакат: отец, мать и ребенок идут, взявшись за руки. Улыбаются. Верхний угол плаката оторвался, но все же угадывалась надпись: «Еще больше времени для вечной жизни!» В самом низу кто-то размашисто написал черной краской: «Они украли наш сон». Отголоски споров

первых лет после появления гостей. Спустя столетие уже никто не обращал внимания ни на плакат, ни на надпись. Колесо истории повернулось безвозвратно.

Даже когда гости исчезли, мы продолжали следовать заведенным ими правилам. Люди сами устраивали свою жизнь, но она по-прежнему вращалась вокруг завода. Все получали профессию – у нас были оранжереи, теплицы, скотные дворы, ателье по пошиву одежды и ремонтные мастерские. Но при этом раз в три дня каждый отработывал свою смену на заводе. К тому же завод питал город бесплатным электричеством. Люди отказались от чадающих печей и коптящих моторов. Наступил век чистого воздуха и здоровья.

Жизнь изменилась, но суеверия и архаичные верования продолжали просачиваться в человеческие умы, словно дым от потухшего костра в щели нового дома. Люди жаждали снов и тешились воспоминаниями о прошедшем «Золотом веке». Тайные секты, подпольные типографии и рынки антикварных книг – все это непостижимым образом уживалось с гостями и дарованным человечеству бессмертием.

Доходило до того, что некоторые бросали завод. А ведь работа на заводе и давала вечную молодость. Даже младенцев несли в заводские цеха после рождения, чтобы приобщить к бессмертию. Стоило раз-другой пропустить смену, как старение съедало человека с жадностью голодного зверя. Тело быстро слабело: тряслись руки, появлялась одышка, кожа сморщивалась, падало зрение и путались мысли. Фанатиков это не пугало. Как выброшенные пожухлые цветы, они лежали по темным углам квартир в ожидании сонных грез. Но заснув, уже не могли проснуться. Коммунальные службы находили целые дома, заполненные высохшими мумиями. Говорят, так закончили все, кто еще застал появление гостей.

Я благодарил судьбу, что отец не пошел по этому пути. Мы воспринимали его увлеченность сном скорее как хобби. Казалось, он и сам постоянно балансировал между верой и безверием. То ревностно соблюдал ритуалы и предписания – лежал в кровати, читал в положенные часы главы из сонника, то, бывало, месяцами даже не подходил к книжной полке. Никто не подозревал, насколько хрупко в нем это равновесие.

В то лето мне исполнилось пятнадцать, и на заводе я перешел за взрослый станок. Один хохмач в моей смене, узнав об отце, повалился отпускать шуточки: «Эй, смотри не усни за станком! Вдруг ты заразился снами от своего папаша?» Однажды я не выдержал. Помню, как сижу на хохмаче и луплю его по окровавленной морде. Потом бьют меня. Горячая боль растекается под ребрами, вокруг

мечутся мутные тени, стены вращаются, и я из последних сил ползу в черную темноту.

Отец сутками дежурил возле моей палаты. Приносил апельсины и яблоки. Готовил по собственному рецепту раствор стимулятора для заживления тканей, менял капельницу и все расспрашивал, видел ли я что-нибудь, пока лежал без сознания. В старых книгах написано, что сон подобен смерти, а я тогда мог и не очнуться.

Брала досада, что отец не для меня старается, а ради веры своей изображает заботу. Обида крутилась, мучила, не давая покоя. Конечно, я ничего не видел, но соврал про другие небо и землю, где нет ни города, ни завода. И что людей особых встретил. Ходят они по снам, будто двери между комнатами открывают. То ли придумал, то ли вспомнил, что в отцовских книгах когда-то читал.

Капли нехотя отрывались от горлышка стеклянной бутылки и неспешно стекали по прозрачной пластмассовой трубке в набухшую вену на сгибе руки. И пока в мою кровь вливалось лекарство, я врал без умолку и смотрел, как отец волнуется. Как радуется, что вера его подтвердилась, и жизнь прожита не зря. Глаза блестят, даже румянец выступил на вечно бледных щеках.

Хотел ли я того, что случилось дальше? Не решаюсь копаться в потемках души. Кто знает, каких монстров там можно встретить? Следователь рассказывал, что многие видели, как отец поднимается на крышу, но никто не остановил. Потом уж дворники нашли его тело внизу среди кустов. Из-за моего обмана отец решил контрабандой пробраться в мир сновидений.

Хоронили скромно. Из родственников были я и мать. Тело положили на деревянный поддон, крематорский работник говорил монотонно и длинно. Я вглядывался в застывшее лицо отца. Будто незнакомый человек лежал на черных крашеных досках. Восковая мумия, спящая вечным беспробудным сном. Заиграла нестройная музыка. Когда звуки стихли, гроб медленно погрузился в печное чрево.

С кладбища вернулись поздно. В тот вечер на заводе случился скачок напряжения, и весь город остался без света. Мы сидели в гостиной в крошечной темноте. Молчали. Горе придавило каждого по-своему, и каждый переживал его в одиночестве, отделенный от мира плотной непроницаемой тьмой. Подумалось: может быть, так и выглядит сон – будто смотришь в закрытые веки.

Электричество дали ночью. В гостиной, ослепляя, вспыхнула люстра. На кухне загудел холодильник, за стеной громко заиграла музыка. Дом ожил, словно повернули ключ в механическом пианино. Я пошел по квартире, гася в комнатах лишний свет. Сбавил шаг

у приоткрытой двери отцовского кабинета. Сквозь щель виднелась лишь густая темень.

Зашел. Нашарил выключатель. Половину комнаты занимала антикварная кровать, сколоченная из дубовых полированных досок, с толстым матрасом, белоснежной простыней, одеялом и сверху – красным в желтых цветах покрывалом. В окружающей обстановке она казалась инородным предметом. Небеленые серые стены, цементный пол, занавешенное черной тряпкой окно. С потока на длинном изогнутом шнуре свисала лампочка без плафона. Свет желтый и тусклый. Деревянный письменный стол, табурет, полки с книгами.

Горло сдавил спазм. Я подошел к окну, сдернул тряпку. За стеклом растекалась темная пустота, в центре которой ярко горели огни заводских корпусов. Высокие трубы, покатыстые купола, гладкие стены – он походил на храм из книг про сновидческие грезы. Не мудрено. Даже талантливый иллюстратор должен откуда-то черпать образы для своих шедевров. Захотелось забыть, вычеркнуть из памяти все, что случилось. Чтобы ничто не напоминало об отцовских причудах, о его безумии и вере в несбыточное.

Рядом со столом на полу лежала пустая рабочая сумка. Отец клал туда сменную одежду, паек и термос. Видимо, мать уже вынула вещи. Я сгреб с полок книги и доверху набил ими сумку. Выволок ее во двор, дотащил до оврага и вытряхнул в траву. Книги высыпались нескладной кучей и белели в сумраке открытыми разворотами. Ветер шелестел страницами. Казалось, в темноте бьют крыльями гигантские светящиеся насекомые. А может, это сны покидали свои обреченные на гибель дома.

За спиной, в стороне завода, ухнуло, будто великан выдохнул воздух из исполинских легких. Может, снова авария, но я даже не обернулся. Достал из кармана бутылку с растворителем. Вылил на книги, вдыхая резкий тошнотворный запах. Следом вынул зажигалку и щелкнул ребристым колесиком. Столб огня взметнулся, обдав жаром лицо, но быстро сжался до маленького огонька. Подняв с земли листок, я поднес его к зажигалке, и когда бумага занялась, швырнул на книжную кучу. Книги мгновенно вспыхнули, пришлось сделать шаг назад, чтобы не обжечься. Пламя гудело, вытягивая к небу горячие алые языки. Внутри огня щелкало, и в стороны летели снопы оранжевых искр. Я застыл, вглядываясь в сполохи костра, откуда от книжных томов не остались тлеющие ошметки.

После выбрался из оврага, отряхнул колени и оглянулся. Внутри похолодело. Возле кострища стояла высокая темная фигура. Полупрозрачная, будто вырезанная из матового стекла. Ее контур шел мелкой рябью, вместо рук и ног колыхались длинные отростки.

Видение длилось секунду и исчезло, будто растворилось во тьме. Я заспешил домой, стараясь не думать о том, что увидел.

Вернулся в квартиру, сбросил на пороге пропахшую дымом куртку и снова зашел в отцовскую комнату. Голые полки делали ее еще более пустой и сиротливой. Подошел к темному провалу окна. Отсюда овраг было не разглядеть. Завод светился цветными огнями. Вдруг показалось, что над корпусами, заслоня звезды, парит едва различимый гигантский черный треугольник. Его нижняя сторона, подсвеченная иллюминацией, тянулась над крышами, две других терялись в темном небе. К треугольнику, словно сперматозоиды к яйцеклетке, стекались тысячи призрачных фигур, похожих на ту, что стояла в овраге. Я зажмурился, потрянул головой, посмотрел в окно – морок исчез. Но сердце уже заколотилось, а в груди поднялась горькая тоскливая волна. Снова вспомнилось об отце. Как же мне его не хватало!

Подошел к кровати. Откинул цветастое покрывало и одеяло. Будто снял кожуру с гигантского фрукта, обнажив белую сухую мякоть. Не было только косточки. Разделся и забрался в постель. Затылок коснулся мягкой подушки. Кожу обожгло холодом, пахло крахмальной свежестью. Отец каждый день лежал здесь и чувствовал тот же запах и ту же прохладу. Так же вытягивался в струнку и скрещивал на груди худые тонкие пальцы. В детстве я подсматривал за ним в приоткрытую дверь. Он очень старался. Лежал неподвижно и делал, как положено, редкие глубокие вдохи. Я же смотрел и молился, лишь бы он не уснул, и лишь бы со мной этого тоже не случилось.

Грустно и смешно вспоминать детские страхи. Детство вообще полно несуразностей. Хотелось поскорее встать за взрослый станок. Когда же это произошло, не ощутил ничего, кроме соленого вкуса крови во рту, холода металла на запястьях и тяжелой усталости, которая с каждой минутой работы наполняет тело, перемешиваясь с приступами химического энтузиазма.

Гости называют это «обменом». Вставляешь руки в круглые разъемы, и немислимая конструкция станка оживает. Гудит электричество, приходят в движение тысячи мохнатых лапок, соединяющих переплетения глянцевых труб. Телу передается нарастающая вибрация. Что-то холодное течет по спине, рукам и через пальцы вытекает внутрь станка. Кажется, что покидают последние силы, голова идет кругом, но тут невидимая игла прокалывает кожу и взбрызгивает в кровь порцию бессмертия. Наступают минуты блаженства, эйфории и бодрости. Хочется работать еще – без усталости и перерыва.

Когда я вернулся домой после первой взрослой смены, отец подмигнул и спросил: «Как думаешь, человек не спит, чтобы больше ра-

ботать?» Что он хотел от меня услышать, кроме заученных трюизмов о жизни, вырванной из лап сна, и дарованной вечной молодости?

Лежа в его постели, я вспоминал время, которое мы провели вместе, наши разговоры, споры, редкие прогулки по пустырям на окраине города. Память проворачивалась рывками, возвращая из небытия сцены детства и юности. Отяжелевшие веки закрылись, и из темноты ясно проступило его худое лицо. Отец смотрел на меня, как обычно, сощурившись, слегка наклонив голову набок, улыбаясь одними губами:

– Не бойся, сынок. Теперь я всегда буду с тобой.

Я потянулся к нему, прошептал:

– Папа, прости! – И заплакал.

Он поднял меня и усадил на колени. Сколько мне? Десять, не больше. Синие шорты, разбитые коленки, вымазанные зеленкой. Его теплые сильные руки обнимали и баюкали. Я уткнулся в мелкую клетку отцовской рубашки и плакал, покуда слезы не вышли все досуха. Казалось, внутри рассосался тяжелый колючий ком, и я смог вдохнуть полной грудью и открыть глаза.

Лампочка по-прежнему светила тусклым желтым светом. Вольфрамовая пружина внутри колбы едва раскалилась. Папа? Приподнялся на кровати и огляделся. Все те же пустые полки, стол, черная тряпка комком лежит на подоконнике, за темными стеклами – свет заводских корпусов.

Я встал, обжегшись босыми ступнями о холодный цементный пол, и тут же запнулся обо что-то ногой. Из-под кровати выглядывал округлый книжный корешок. Я поднял и повертел в руках увесистый том. Некогда синяя обложка обесцветилась, обнажив клетчатую текстуру холста, углы обтрепались и сбились. Название почти стерлось, но еще можно было прочесть: «Сонник на каждый день». Открыл наугад. Вверху пожелтевшей страницы значилось жирным: «Видеть». Пробежал глазами блеклые строчки: «Умершего отца». И дальше: «Умерший отец снится человеку, желающему вернуться в прошлое, чтобы изменить его, исправить совершенные ошибки». Да, это про меня, но прошлого уже не вернуть, можно изменить только будущее.

За спиной раздался шорох. Мать стояла, устало прислонившись к косяку.

– Ты спал? – Она смотрела с тревогой.

Я подошел к ней и обнял, вдохнув знакомый с детства пряный запах ее волос. Прошептал:

– Теперь я буду жить в папиной комнате.

Она едва заметно кивнула. Пошла к себе и через минуту вернулась. Глаза заплаканные, в руках – стопка свежего постельного белья.

* * *

На что похожи сны? На другую жизнь, которая могла бы быть, но никогда не случится. Иногда они словно многомерное отражение прошлого, а временами – путешествие в незнакомые и невозможные земли.

Осень выдалась дождливой. Часто уже с утра небо затягивали тучи, и город погружался в промозглую серость. В один из таких дней я спешил домой, натянув посылней капюшон, но все равно взгляд зацепился за выцветшую надпись: «Они украли наш сон». Наивность. Они украли целый мир. Невозможно уснуть, если ты уже спишь, если с самого рождения погружен в нескончаемый морок.

Я пытался хотя бы матери объяснить, что происходит в действительности. Что гости никуда не исчезли, что бессмертие в нашей крови скрывает от нас правду. Но мать больше волновало мое здоровье после десятков пропущенных смен на заводе.

– Со мной все в порядке, – повторял я раз за разом. – Я здоровее любого в этом городе.

Она робко улыбалась и украдкой искала седину в моих волосах. Не знаю, как мне удалось вырваться из силков, расставленных гостями. Возможно, дело в лекарстве, которое отец вкапывал мне после драки или все из-за стресса. Я словно винтик с сорванной резьбой – расшатался и выпал из старательно собранного механизма.

В своей комнате я завесил окно черной тряпкой, чтобы не видеть пустырь, над которым парила, поблескивая темным гляncем, гигантская пирамида, и сновали вокруг сотни тысяч уродливых призраков. Под пирамидой размещалось то, что раньше казалось цветными куполами завода. В действительности – куб, дырявый, словно кусок сыра, сплошь покрытый щупальцами-насосами, на концах которых извивались в диком танце едва различимые человеческие фигурки.

Призраки парили над крышами, двигались вдоль улиц, сквозь стены проникали в квартиры, и только мир моих снов оставался для них недоступным. Приходила ночь, я забирался в кровать, натягивал одеяло и засыпал. Сон подхватывал теплой волной, и быстрое течение уносило в мир, где нет гостей и завода.

Мне часто снился один и тот же сюжет об отце. Я встречаю его в незнакомом городе, на улице, заполненной шумной веселой толпой. Отец, как обычно, бледен, щурится от яркого солнца. Мы входим в подъезд многоэтажки, по гулкой лестнице поднимаемся на верхний этаж и на балконе одной из квартир продолжаем разговор, начало которого я не помню.

– Ты, наконец, понял? – Отец, перегнувшись через перила, смотрит вниз. Под нами течет нескончаемая людская река, доносится шум голосов, смех, крики, плач.

Потом отец поворачивается, и я отвечаю:

– Да, пап. Сны хранят энергию бессознательного.

Отец морщится.

– Не нужно говорить сложно о простом. В снах живут наши эмоции, желания и мечты.

– И гости питаются ими?

– Да. Гости питаются нашими снами.

Отец закрывает глаза, и я вдруг вижу на его лице сетку глубоких морщин. Как я раньше не замечал, что он состарился? Седые волосы, высохшая кожа обтягивает скуластый череп. И не отец это вовсе, а старик, что мне встретился на окраине.

Просыпался я рано. Поток сновидений выбрасывал меня в крошечную темноту комнаты, в которой светились только зеленые цифры на панели будильника. Обычно они показывали: «06:00». Лучшее время, чтобы успеть встать и собраться.

Мой дневной маршрут шел от подъезда дома к ремонтной конторе. Я получал заказы на день, выводил из гаража велосипед с коробкой инструментов в багажнике и отправлялся по адресам. Колеса скрипели в тишине еще спящего города. Яркие полосы на рукавах спецовки коммунальной службы отбрасывали блики в лучах утреннего солнца. Приходилось менять сгнившую проводку, сгоревшие лампочки и розетки. Я возвращал людям искусственное освещение, но, увы, не мог пролить свет на то, в каком мире они живут. Люди не хотели слышать правду. За исключением тех, кто был готов ради нее умереть.

Старик жил в пригороде, в пустом двухэтажном доме на нескольких квартирах. Я работал на вызове неподалеку и заметил высохшую фигуру в окне. Вероятно, прошло около месяца, как он бросил завод. Его тело одряхло, зубы и волосы выпали. На почерневшем лице живыми оставались только глаза. Старик почти не ходил. Сидел целыми днями у окна и наблюдал, как медленно растворяется пелена морока.

Обычно я заезжал к нему в конце дня, кормил, протирал влажной губкой тело. И пока на плите грелась вода, мы на разные лады вели один и тот же нескончаемый разговор.

– Подумать только, – сипел он, – я прожил больше ста лет и, оказывается, уже забыл настоящую жизнь.

Он смотрел туда, где над городскими кварталами парила черная пирамида, и начинал обычное:

– Парень, ты должен остановить их! Так не может продолжаться.

Голова его тряслась, он заходил в сухом кашле. Я подносил к его губам стакан с водой, он пил и постепенно затихал.

– Ты же знаешь, – отвечал я, – если завод исчезнет, то город умрет...

Старик прерывал меня, поднимая ослабевшую руку:

– Есть вещи пострашнее смерти... Ты должен найти депо.

Пока хватало сил, он много рассказывал о жизни до гостей. Оказывается, раньше на пустыре действительно стоял завод. К нему по рельсам шли составы с сырой нефтью, обратно – с горючим. Старик с первой нашей встречи бредил, что за городом есть старое депо с цистернами, полными топлива.

– Нужно только столкнуть состав, – старик порывался встать, – а там вагоны сами под горку докатятся до пустыря.

Старика трясло, я укрывал его одеялом и пытался кормить жиденьким супом, а он бормотал что-то бессвязное про огонь и свободу. По его щекам текли слезы, смешиваясь на подбородке с желтыми струйками бульона.

Вскоре он умер. В тот день, по обыкновению, шел дождь, коммунальная бригада грузила в фургон обернутое целлофаном тело, а в небе, перебирая щупальцами, висели безмолвные призрачные фигуры, будто стервятники, слетевшиеся на падаль.

Но старик не врал. Я взял велосипед, нашел на пустыре железно-дорожные пути и вдоль них за несколько часов добрался до покрытых диким лесом холмов. На склонах, среди деревьев, виднелись серые остовы зданий, из высокой травы торчали покореженные ржавые конструкции. Похоже, люди здесь не появлялись давно. Никто не хотел отлучаться далеко от завода, чтобы не пропустить свою смену.

Рельсы под небольшим уклоном шли в самую чащу, где сквозь бурелом проглядывали круглые бока вагонов-цистерн. Я долго пробирался вдоль состава. В нем было тридцать цистерн, и на каждой среди лохмотьев облупившейся краски проглядывала надпись: «БЕНЗИН».

Природа здесь давно воевала с железом. Я потратил остаток дня, чтобы расчистить колею, а после выбил из-под колес первого вагона прикипевшие к рельсам тормозные башмаки. Этого оказалось мало. Состав не сдвинулся с места. Я снова пошел в конец, залез под последнюю цистерну и налег на ржавый вентиль. Маховик поддался неожиданно быстро, в землю ударила рыжая струя с резким дурманящим запахом. Вниз по путям потек зловонный ручей.

Уже в сумерках я поджег траву в ста метрах от состава и, взбежав на ближайший холм, наблюдал, как огонь подбирается к рельсам. С холма хорошо просматривался город. В окнах уже зажегся свет, на улицах горели фонари, и только в центре темным пятном выделялась туша завода и чернела зависшая над ним пирамида.

Огонь подобрался к вагонам, и под ними взметнулось яркое пламя, выжигая все, что держало колеса. До меня донесся удушливый запах гари. Раздался оглушительный скрежет, и цистерны тронулись с места. Набирая скорость, состав с грохотом покатился вниз. Я смотрел, как он темной лентой подбирается к городу. Вскоре вереница вагонов пропала из вида в низине. Через долгих тридцать минут цистерны показались снова – уже на пустыре рядом с заводом и, не сбавляя скорости, врезались в его темное уродливое тело.

Вагоны вздыбились, налетая друг на друга и превращая тушу завода в бесформенное месиво, поверх которого начали распускаться красные бутоны взрывов. До моего слуха долетел глухой рокот, и следом громкий хлопок заставил зажать ладонями уши. Яркая вспышка выхватила из сумрака город. Взрыв вздулся гигантским красным пузырем, поглотив завод и большую часть пустыря. Огонь быстро достиг нижней грани пирамиды, и та, словно бумажная, мгновенно вспыхнула.

Над городскими кварталами повисло пылающее треугольное солнце. Крыши домов окрасились красным. В небе то и дело появлялись яркие вспышки. Приглядевшись, я понял, что это сгорали призраки, летящие, словно мотыльки, к пирамиде, которая медленно оседала, подминая под себя обугленные руины завода. У самой земли пирамиду перекосило, она углом врезалась в дом на краю пустыря и начала распадаться на части. Горящие обломки рушились, поднимая облака пыли, земля дрожала, по округе разносился непрерывный грохот.

Через час все закончилось. Город превратился в темную массу без единого огонька. Лишь изредка что-то вспыхивало и тут же гасло в обломках пирамиды.

В город я вернулся только утром. Ветер гонял по пустым улицам черную пыль, в воздухе воняло гарью. Наш дом покрывала копоть. Стекла были выбиты. Мать встретила меня в прихожей. Как только я вошел, кинулась со слезами на шею:

– Слава Богу, с тобой ничего не случилось! Я уже не знала, где тебя искать. Ты видел, как завод взорвался?

– Да, мам. Это я сделал.

– Что? – сдавленно прошептала она, медленно опустилась на табурет и так и осталась сидеть в коридоре.

Я прошел в свою комнату и сдернул с окна тряпку. Небо снова затянуло серым, накрапывал мелкий дождь. На пустыре собрался, казалось, весь город. Люди как муравьи копошились на обломках пирамиды, тщетно ища свои потерянные жизни.

* * *

Мать умерла через месяц. Перед самой смертью она шептала, что наконец увидит отца. Когда я нес ее тело по улицам мертвого города, дома провожали нас пустыми глазницами окон. Истошно выли собаки, навсегда лишившиеся хозяев. Уже ударили первые заморозки. Руки мерзли, изо рта, словно дым, выдыхались облачка пара. Согрелся я лишь у печи крематория. Сжег все дрова, что смог раздобыть в округе. От моей прежней жизни осталась горстка серого пепла.

Домой я больше не вернулся. Заночевал в пустой квартире на окраине. Снилось, будто стою у обрыва, а внизу несется широкий бурный поток. Красная вода пенится, идет волнами и закручивается водоворотами. На той стороне люди – впереди отец и мать, за ними, кажется, все жители города. Мать грустная, отец улыбается.

На следующий день в город вернулось тепло. Хотя ветер оставался прохладным, солнце припекало, и мне даже пришлось снять куртку и свитер. В кустах и под козырьками крыш весело щебетали птицы, вездесущие воробьи принялись купаться в пыли. Так бывает в середине осени – ненадолго возвращается лето, чтобы после окончательно уступить место холодам.

Набив рюкзак припасами, я сел на велосипед и поехал в бывшее депо. Старик бредил, что до появления гостей рельсы связывали разные города. Пути, на которых раньше стояли цистерны, тянулись дальше и терялись в густом буреломе. Я полдня пробирался сквозь заросли, работая топором и руками. Наконец лес начал редеть, и впереди показался просвет. Словно во сне я выбрался из чащи, сбросил рюкзак и устало присел на нагретый солнцем рельс.

Передо мной лежало бесконечное поле. Высокая пожелтевшая трава ходила волнами под порывами резкого мокрого ветра. Пахло прелой влагой. Рельсы, едва различимые в траве, дугой уходили в сторону горизонта.

Я вскинул рюкзак на спину и, не оборачиваясь, зашагал по шпалам.

Итни Горок ДЕНЬ ХИЩНЫХ ВЕЩЕЙ

Астронавигационная вахта – три часа. Потом звезды начинают разговаривать с астронавигатором, и он отвлекается от контроля оперативной обстановки. Особенно когда база дрейфует на гелиостационарной орбите и ничего не происходит.

Джерри Шугаймер сдал утреннюю вахту – с трех ночи до шести утра. Самое поганое время. После нее полагалось придавить ухо не меньше шести часов, до полудня. После дежурства Джерри всегда переполняла энергия. И только одно могло заставить его уснуть – чашечка крепкого горячего ароматного кофея. Да-да – то, что взбадривает всех остальных, на него действовало как дубиной по голове. Гарантированно вырубало за десять – пятнадцать минут. Как раз хватало времени, чтобы дойти до каюты и рухнуть на койку, засыпая в полете, как настоящий десантник.

Лучший кофе был в столовой на смотровой палубе, но тащить туда не хотелось, поэтому Джерри спустился на третью палубу – там, в комнате отдыха, стоял кофейный автомат. Не супер, но для снотворного сойдет, к тому же его каюта находилась в двух шагах.

В комнате отдыха никого не было. Джерри подошел к автомату и, не глядя на сенсорную панель с изображениями напитков, взял на встроенной клавиатуре несколько аккордов. Автомат заурчал и начал аппетитно фыркать в чашку.

На базе у всех несколько профессий – астронавигатор по первой специализации, Джерри был также кибернетиком, медбратом, садовником и десантником-стрелком. На базе каждый проходил курс молодого десантника ДСВ – «драка, стрельба, выживание». Поэтому Джерри смог немного уклониться от страшного удара по голове. Но он все-таки был астронавигатором, так что тьма приняла его...

* * *

В отличие от Джерри Шугаймера, Гвендолен О'Коннен Хейлафдоттир была десантником. И только потом – инженером систем жизнеобеспечения, психиатром, парикмахером и дипломатом. И когда робосушилка попыталась ее задушить манипуляторами, заодно включив обогрев на максимум, златокудрая валькирия первым делом вырвала их с корнем, а потом отключила блок актуаторов. И уже на бегу в медотсек, пугая встречных обожженным лицом, сообщила о происшествии на мостик.

* * *

Капитан Торч беседовал с профессором Дрюкенштуkenом по видеосвязи.

– Ну и как там Итни? – спросил профессор.

– Вы знаете, он нас недавно удивил. Заходит он вчера...

На экране мигнул вызов. «Красный-три». Медслужба, срочно, но не критично.

Капитан замолчал и вывел вызов на экран.

– Кэп, у меня тут Гвен из десантного. Ожог лица и шеи... ничего серьезного, но девушка говорит, что на нее напала робосушилка и пыталась убить. У меня нет причин сомневаться в психике десанта, так что...

– Хорошо, поставьте в известность Мерсьенна, это его дело.

– Да, сэр.

Медотсек отключился.

– Видите, профессор, к чему приводит длительный отдых без активных действий? Нападение робосушилки-убийцы. И это ведь десант, у них на нервы можно магнитики вешать, как на холодильник. Так вот, заходит Итни и гово...

Новый вызов открылся на окне капитана без подтверждения. «Красный-ноль». Привилегия лейтенанта Мерсьенна.

– Кэп, у меня срочный вызов из медотсека...

– Теперь уже какая-нибудь кофеварка-убийца? Мерсьенн, я ценю шутки, но...

– Так вы уже знаете?

– О чем?

– О кофеварке-убийце.

Капитан медленно начал считать про себя:

«Раз... Два... Три...»

– Джерри Шугаймер, астронавигатор, его нашли без сознания в комнате отдыха на третьей палубе, с рассеченной головой. Небольшое сотрясение, опасности для жизни нет. Сейчас в медотсеке. Удар нанес кофейный автомат сервисным манипулятором.

«Четыре... Пять... Шесть...»

– Мерсьенн, тщательно проверьте всё. Пять минут назад был вызов из медотсека, на десантницу Гвен напала робосушилка. У девушки ожоги.

– Да, кэп.

Мерсьенн не успел отключиться – несколько десятков «красных-один» вспыхнули на голомодели базы.

* * *

– Итни, срочно на мостик!

– Кэп, я же еще ничего не успел взорвать этим утром!

– Немедленно. – Кэп отключился.

Спокойный кэп – это очень-очень-очень плохо. Это значит, что мы в большой заднице.

На мостике я был через шесть секунд. Удобно быть синергетиком. А еще удобно иметь возможность перескочить в то шасси, которое ближе к нужной точке.

– Кэп!

– База атакована, сорок шесть случаев нападения автоматов на людей. Сервисники, экзоскелеты, даже зубная щетка, не говоря о кофеварке. Это по твоей части, Итни, действуй немедленно.

* * *

На полсотни актуаторов я еще не расходился. Шесть – восемь, максимум один раз было двенадцать. На базе от меня было не протолкнуться. Я постоянно сам с собой сталкивался и даже начал переругиваться.

И по ходу расследования узнал много интересного. Шефу инженерного, Роберту, атаковал экзоскелет с ангарной палубы, суицидничек... Их там используют, чтобы шаттлы с места на место двигать. Но этот лузер не учел, что наша шефа никуда без своей любимой зубочистки – ломика почти с нее ростом. Она же его использует только как указку – держит за кончик в вытянутой руке. Так что у экзоскелета шансов не было – Роберта загнала его в угол и нейтрализовала. Голыми руками. Зубочистка не пострадала, Роберта тоже. А экзоскелет списали на запчасти. А вы думаете, она просто так на спор монеты рвет и в трубочку их сворачивает?

Другим повезло меньше. К счастью, обошлось без жертв – ожоги, переломы. К полудню мы отловили всех кибердиверсантов, и я опять собрался.

Меня что-то грызло. Интуиция синергетика. Что-то мне очень не нравилось в случившемся, и я прямо так и сказал кэпу, стоя на мостике с докладом.

– Вот видите, профессор, о чем я вам и начал рассказывать утром. Всё просто...

– ВОТ! – заорал я. – Всё слишком легко и просто. Мы их слишком легко задавили. Это дымовая завеса, кэп, нас отвлекают от чего-то серьезного! Надо всё проверить заново!

– Итни!..

– Кэп!

Первый раз кричу на кэпа. Боюсь, что он может оказаться и последним.

– Мерсьенн, весь десантный корпус в усиленные патрули по всем критическим точкам.

– Да, сэр!

Мерсьенн – лейтенант десанта. И скоро станет их капитаном. Крайняя степень неучтивости со стороны кэпа базы – отдавать приказ младшему по званию по другой ветке командования, но учитывая, как спокойно и тихо он его отдал... Похоже, я убедил кэпа в эпических размерах нашей задницы. И Мерсьенн с ним согласен. Иначе он ответил бы кэпу совсем по-другому.

* * *

И реальность оказалась гораздо хуже, чем мы ожидали. Нашу базу взломали. Да, махины, кто же еще. Эти тва... тварения! тихой сапой проникли по сервисным каналам, взломали всё, что смогли, причем явно запрограммировали несколько шасси по профилю «психология людей» – махины не лезли в критически важные системы вроде оружия, безопасности или навигации, где был строгий контроль. Нет, они залезли и ждали своего часа там, где никто не предполагал угрозы – кофейный автомат, робосушилка, робо-официанты, сервисники... А потом напали на тех, кто отвечал за важные вещи – астронавигатор Джерри, глава инженерного Роберта, мастер-десантник Гвен... Хотели одним махом вывести весь руководящий состав.

Мы восемь дней чистили базу от кротов. Ребята спали по пять минут, не отходя от компов. Мне проще – могу вообще не спать. А затем я взорвался.

* * *

Не буквально, хотя пару раз я так делал. А потому, что кэп сказал:

– Вот видите, профессор, замысел сработал – Итни уловил идею командной работы. Симуляция нападения на базу...

– Симуляция?!

– Да, Джерри написал хороший симулятор атаки.

– Джерри?! Симулятор?! Да ему же по башке дали манипулятором!!!

– Итни, – улыбнулся кэп, – а ты сам это видел?

– Вот! – я вывел на экран у себя за спиной запись нападения.

– Итни, – вмешался профессор, – это цифровая запись. Повторю: цифровая. Мне повторить в третий раз, что она цифровая, или сам поймешь?

«Ит, ни, сан, си...»

– Итни, – кэп явно забеспокоился, глядя, как я стою, не двигаясь, и молчу.

«Го, рок, сить, хать...»

– Итни!

«Ку...»

– Итни Горок...

«ДЗЮ!»

* * *

Да, я знаю о таких понятиях, как «субординация», «уважение к старшему по званию» и «уважение к старшему по возрасту». И тем не менее высказал собравшейся компании всё, что думал о таких розыгрышах, и в выражениях не стеснялся. Заодно указал им на пятнадцать моментов, которые могли привести к опасному развитию ситуации. Ага, я зануда, когда мне нужно.

В итоге получил устный строгий выговор за неуставное поведение с очередным дежурством на кухне – присутствующие авансом содрогнулись от осознания того, что их ждет, и устную благодарность за проявленный профессионализм.

Ну хотя бы пар спустил. На этот раз буквально. Я для прикола вмонтировал два парогенератора в уши. Смотрелось прикольно. Но профессор Дрюкенштукен аж икнул от неожиданности. Думаю, что за пар мне дежурство кэп и вклеил...

* * *

В результате... А в результате эти умники переиграли сами себя – теперь чтобы получить чашку кофея в кофейном автомате, им надо войти в него со сложным паролем, пройти двухфакторную авторизацию, ответить на три контрольных вопроса, решить две разные капчи и показать сетчатку глаза.

А мне не надо. Я кофей не пью.

Дмитрий Данилов ПОСЛЕДНИЙ ЛЕС

Лок поднял кружку и влил в себя остатки спиртового раствора.
– Боже, какая дрянь!.. – Он поморщился и вытер ладонью небритое лицо. – Называется: «Со вкусом виски!» Ни капли непохоже на настоящее виски! То ли дело раньше!

Соседи по стойке многозначительно повертели головами, и кто-то пробормотал:

– Начинается...

Они, в принципе, могли бы заблокировать входящий канал Лока, но все уже привыкли к маразматическим разглагольствованиям этого престарелого завсегда бара Сто Восьмого Уровня. Он был некой достопримечательностью, таким развлечением после рабочей смены.

Лок молчал, и некоторые даже начали выжидательно поглядывать в его сторону. Согласно устоявшемуся обычаю, стены контактных отсеков пузырями не замутнялись, когда пузыри были пристыкованы к стойке бара. Соседи Лока сверху, по бокам и напротив могли видеть его почти лысую голову и одутловатое лицо с седыми бровями и красным клювом, который когда-то был носом.

Лок подумал, протянул руку и набрал на голодисплее: «Ром». Ровное гудение длилось секунду, а потом из крана на трубе стойки полилась коричневатая жидкость. Лок поднял свою раритетную кружку из прозрачного стекла и изучил полученное содержимое. Затем вздохнул как человек, потерявший всякую надежду, и отпил немного, морщась и крикая. В довершение он испортил воздух так громко, что это было слышно по коммуникатору всем соседям.

Спокойно выслушав насмешки вперемешку с пожеланиями не задохнуться в своем крошечном пузыре, Лок отпил еще и проворчал:

– Ром... Только название и осталось! Тот же спирт. Настоящего рома или виски никто из вас и не пробовал. Машина накачивает спирт, по ходу добавляет ароматизаторы и вкусовые имитаторы и вливает вам в стакан. Спирт делают генно-модифицированные микроорганизмы, вот в этих самых колоннах. – Он ткнул пальцем влево и вверх, где из темноты выступали контуры гигантских структур, подсвеченных собственным структурным полем. – Делают из переработанного пластика и бог знает из чего еще!

Рабочий «Минкора», корпорации по добыче минералов, висевший в своем пузыре двумя рядами выше, сказал вполголоса:

– Ставлю свой дневной заработок, что сегодня опять будет лекция о разрушении окружающей среды.

– Нет уж, – помотал головой его сосед с редким – необычно светлым – оттенком кожи. – Это у него основное меню. Все шансы, что так и будет.

– А уж запах от этих колонн, скажу я вам! – продолжал Лок. – Вы-то его не чувствуете со своими модными пленочными фильтрами, а у меня в пузыре им все пропитано. Я уже и не помню, что такое чистый воздух. Настоящий воздух, а не сгенерированный всякими молекулярными трансформаторами и прочей физико-химической дребеденью. Воздух с запахом растений, очищенный этими самыми растениями. Хотите, я расскажу вам про последний лес? Про последний лес на Земле?

Ответа не последовало. Впрочем, он и не требовался.

Лок приподнял голову и, откинувшись в своем никомушном раритетном кресле из материи без какой бы то ни было энергетической структуры, продолжил, время от времени отхлебывая из кружки. Спиртовое пойло оказывало на него парадоксальный эффект: он почти перестал запинаться, голос его обрел твердость.

– Я ведь видел этот лес, тогда, когда человек еще умел ходить. И я ходил по земле – там, внизу, куда большинство из вас никогда и не спускалось. И он стоял не меньше сотни лет, даже когда на улицах Генфы не осталось ни одного дерева, а трава росла только на крошечных газонах перед муниципальными зданиями.

Вы, быть может, знаете из обязательной образовательной базы данных Федерации, что опустынивание континента Европа произошло в несколько этапов. Первый этап начался еще перед Мусульманской Трансформацией, которую было бы корректнее называть Мусульманской Демографической Интервенцией. Во время этого вмешательства коренным удалось удержать небольшой участок Севера и Центра. В отличие от Севера, Центр уже тогда был пустыней. После установления демаркационных линий коренные начали заново осваивать землю. Мир Росс. Так звали человека, который разработал проект восстановления природы и изгнания пустыни. Будучи советником временной диктатуры, он стал инициатором закона, по которому каждый гражданин был обязан сажать по дереву в год и обеспечивать его рост и сохранность. За несанкционированное уничтожение дерева полагалась смертная казнь. Правительство обеспечивало семенами и предоставляло посадочные площади.

Законодательство просуществовало всего двадцать лет, но этого оказалось достаточно, чтобы победить пустыню. Мир Росс основал агропромышленную компанию и стал весьма богат. Это был одержимый человек. Он предвидел, что урбанизация начнется вновь и ускоренными темпами и пытался всеми силами сохранить зелень. Кроме основания Зеленых Резервов Федерации, он покупал участки земли и засаживал их деревьями.

После его смерти эти участки достались его детям, кроме одного, самого большого, который так и назывался: Лес Росса. Территория в несколько квадратных километров рядом с центральным сектором Генфы, по завещанию Мира Росса, переходила государству, с одним условием: росший на ней лес должен был быть сохранен. Если же государство оказывалось неспособно уследить за его сохранностью, то территория вместе с лесом возвращалась в общее владение наследников Росса.

Перед смертью Росс начал терять разум. Он утверждал, что если его потомки не смогут сохранить этот лес, то их всех ожидает смерть.

Несмотря на то, что Росс воспитывал как в своих согражданах, так и в собственных детях уважение к природе, зелень продержалась ровно столько, сколько и память о пустыне. Население начало вновь расти. Ему требовались ресурсы и самый важный из них – место. Государство один за другим снимало статусы резервов с зеленых территорий и, тайком продав лес, отдавало их под застройку.

Дети Росса сохраняли участки, так как хотел их отец. А внуки начали потихоньку разбазаривать эти сокровища. Один из них обанкротился, и его участок забрали кредиторы. Это послужило сигналом остальным. За десяток лет остатки земель Росса перестали быть зелеными островками. При продаже их, однако, адвокаты вскрывали старые документы, оставленные Россом на этот случай. Там всегда был один и тот же текст, написанный им самим от руки: «Его жизнь – ваша жизнь!» Такого сорта предупреждение. Но, впрочем, на него мало кто обращал внимание, хоть и предполагали, что речь идет о лесе.

К столетию со дня рождения Росса оставался только один нетронутый участок – тот самый, почти в центре Генфы. Более того, это был единственный лес на планете. Правительство долго примеривалось, как бы обойти запрет, но уважение к Россу и его наследию было сильно, и никто не осмеливался принять решение.

Но в конце концов тогдашний Первый мэр Генфы встретился с несколькими Россами и договорился с ними о том, что землю передадут обратно им в собственность на основании той самой оговорки

в завещании о неспособности государства обеспечить сохранность Леса Росса. Россы же тайно обязались тут же продать эту землю государству за весьма хорошую сумму. Потомкам, разбазарившим богатство предка, эти деньги были очень кстати.

Передача состоялась. При обратной продаже, однако, обнаружился еще один документ Мира Росса. Он предвидел, что его заветы будут нарушены. В документе Росс упомянул о том, что он с сожалением относится к решению своих потомков продать его заветную землю. Но самое интересное шло дальше. Текст содержал точное местонахождение спрятанных огромных ценностей. Росс писал, что он зарыл их в центральной точке своего леса на случай непредвиденной нужды своей семьи. Он предлагал всем Россам явиться туда и честно разделить вырытые ценности.

Разумеется, возбуждению не было предела. Нашлись все родственники Росса и множество псевдородственников. Первый мэр Генфы тут же попытался оспорить собственноручно подписанное решение о передаче земли обратно в собственность семьи Росса. К уже существующим ограждениям вокруг леса и вдоль его дорожек добавили полицейских. Сканеры действительно показали, что на глубине шести метров, под корнями деревьев в центре Леса Росса, находится ящик из радиопоглощающего сплава со стороной в два метра.

После многочисленных судебных баталий наконец было уговорено, что все Россы явятся в установленную дату в указанное в завещании место вместе с представителями Генфы во главе с Первым мэром и вместе вскроют сокровищницу.

Все Россы собрались там в назначенное время, все, кроме одного. Молодой парень Мир Росс, названный в честь предка, был единственным, кто выступал против. Вопреки решению собственных родителей, он отказывался участвовать в позорном, по его словам, деле. Он напоминал всем о заветах Росса и даже попытался поднять кампанию в сетевых газетах, но без особого успеха – городу нужно было место.

Итак, Россы, не меньше двухсот человек, с семьями и детьми – как будто на пикнике, и Первый мэр, и еще куча представителей правительства собрались в лесу. Над ним кружили телевизионные дроны сетевых каналов – им сложно было запретить доступ, и вся церемония транслировалась в Сети.

Несколько деревьев были срублены и вырваны с корнем, чтобы добраться до сокровища. Наконец ящик был поднят на поверхность. На крышке обнаружилась панель с дисплеем и клавиатурой, физи-

ческой, контактного сопротивления – голография не была развита во времена Росса. Надпись под ней гласила: «Наберите мое имя».

Дрожащими от нетерпения руками старший из Россов набрал: «Мир Росс». Все присутствующие сгрудились вокруг. Из ящика раздался голос Росса – в записи, конечно. Он сказал всего одну фразу: «Его жизнь – ваша жизнь!» Все, что могли увидеть после этих слов зрители в Сети – это надпись: «Нет сигнала». Взрыв, уничтоживший телевизионные дроны, был виден из дальних концов города. Ни один из присутствующих Россов, разумеется, не выжил, излучение и огонь сожгли их вместе с лесом менее чем за две секунды. Огонь полыхал целые сутки – горела даже земля.

Росс сдержал слово: его потомки, неспособные защитить его наследие, погибли, как недостойные его имени.

Лок замолчал. Трясущимися пальцами он вновь и вновь набирал: «Ром», словно не видя вспыхивающей рядом красной голонадписи: «Нехватка кредита».

Рабочий «Минкора» перевел взгляд с лица Лока на светившийся желтым номер его пузыря. Молча поднял левую руку, набрал на замерцавшем над его локтем голодисплее какую-то комбинацию символов и, убрав дисплей, спросил:

– А как же последний Росс, о котором ты говорил?

Голос внутри пузыря Лока огласил:

– Получен трансфер.

На этот раз стойка бара отозвалась на настойчивые манипуляции старика, и спирт вновь полился в его стеклянную кружку. Лок поднял голову, обвел глазами соседей и сказал, подняв напиток:

– Спасибо, ребята, кто бы из вас это ни был! – Он отхлебнул из кружки и продолжил неестественно громким голосом: – Про последнего Росса нечего рассказывать! Говорят, он спился или умер! – Он крякнул и пробормотал уже тише: – Да-да, он умер. Он ведь не уберег лес. Это ведь был Последний Лес...

Его рука дрожала больше, чем обычно, но он залпом допил из кружки, не пролив ни капли. Не затемняя энергетической стенки, Лок с трудом поднялся и за три-четыре ужасно медленных и тяжелых шага дошел до жилого отсека пузыря. Голопанель управления засветилась при его приближении, и он, то и дело промахиваясь, набрал координаты. Пузырь дернулся всей своей энергоструктурой и, отсоединившись от стойки, поплыл вниз.

– Спать отправился, – отметил светлокожий. – Вниз поплыл, к земле, там теплее. Пузырь у старика никудышный, климат-контроль никакой.

– Да уж, старье с негибкой структурой, – согласился его сосед и продолжил потягивать зеленого цвета коктейль из энергоемкости.

Все молчали. У них перед глазами все еще стояло обвисшее лицо Лока.

– Последний Лес... – вздохнул рабочий «Минкора» и тоже пошел отстыковываться.

Станислав Стрыгин КРАЙ ЗЕМЛИ

Они были маленькими, юркими и разноцветными. Чуфырлиус мог часами наблюдать за ними, всякий раз открывая в поведении глумзов что-то новое и весьма необычное. Но сегодня времени было бесконечно мало, и он нехотя изменил обычную плотность на бета-меандровую. Пора было домой, в Огромную багряную полость, и ойлик – да-да, это был обычный маленький ойлик – двинулся в путь по Пятой скоростной базальтовой жиле. Поворот, еще поворот – оххх, как классно он сегодня растекался на виражах! Песчанниковый поворот, и вот он уже и у большого доломитового вкрапления, а отсюда до дома, уютной Седьмой подполости Третьего горизонта, совсем немного. Прошло всего лишь каких-то полсотни лет с тех пор, как глава клана Черных ойликов, Мудрый Нумекс, разрешил Чуфырлиусу одному кататься на Скоростных жилах, а не только в пористых слоях.

– Ты ж еще слишком жиденький, сынок, – журчал он. – Подожди, какие твои столетия, наберись вот органики для начала...

– Я подожду, ага, – вспенился малыш.

Чуфырлиус был славным прослойчиком, в клане его все любили.

– Климат этого столетия будет переменчивый: давление магмы повышенное, температура ядра двадцать три – тридцать четыре статуса, – поведал Нумекс всему клану согласно «Суточному графику общения и насыщения».

Впрочем, в этом не было никакой необходимости – такое невозможно не знать и не чувствовать. Но таков обычай и этика клана, это один из Законов Великой Плотности и Расслоения Жизни. Согласно же плану развития самих ойликов, они с рождения должны перемещаться в толщах недр, активно впитывая информацию и таким образом густея и наливаясь энергией и разумом (но ни в коем случае только плотной субстанцией!).

Настроение сегодня, как и всегда, у прослойчика было хорошее. Ведь совсем недавно он с другими малышами, которым переваляло за тысячу лет, совершил путешествие вверх – выше Второго нулевого горизонта. Впервые они поднялись почти к самому Краю Земли, в Корнесферу. И юные ойлики клана почувствовали всеми структурами буйство невиданной тамошней жизни. Ученики под контролем старших потерялись о дремлющие блестящие личинки

насекомых, покатались на огромных разнообразных червях, стремительно пронсящих по своим червивым делам. И еще там были корни, корни всех видов и размеров – вот где можно было поотвиться и порезвиться от души!

– Осторожно, берегитесь медведок! Они могут выпить вас! По ошибке, конечно. Тут всегда нужно быть начеку и посматривать по сторонам, – журчали без устали наставники, демонстрируя бездонную гудронность.

Чуфырлиус задумался, взвешивая, осмысливая и переживая неожиданное. Доселе лишь незначительно досаждавший шум и вибрации стремительно прорвались вниз, где-то справа и совсем близко к Песчанниковой долине.

– Всем! Всем! Всем! Уходим из Песчанниковой долины! Вторжение неизвестного происхождения из Корнесферы! – пронесся сигнал всезнающих Нумекса и Брэндикса.

– Они, наверное, сейчас такие вдумчивые и совершенно фиолетовые! Истинный настой разумов, – шепнул Чуфырлиусу приятель Ойоло.

– Принято, растекаемся! – разлились многоголосьем ответы ойликов.

И очередное Великое утеkanie началось. Прослойчики покинули родные места, дорогие и обжитые кланом полости и Черные озера, знакомые перекаты детства. Не все успели забрать с собой даже любимых глумзов, нужно было спешить...

* * *

– Да! Да! Да, старина, мы сделали это! Иди, радируй в контору: «На пятнадцатом горизонте есть нефть!» – Старший бурильщик разведывательной платформы Николай Кириллович Гмыза улыбался, вытирая ветошкой лицо и бороду и подпрыгивая. – Сегодня мы нюсмейкеры компании! Премия светит, и этот свет я вижу прямо сейчас и оттуда! – продолжал упиваться восторгом бурильщик, тыкая пальцем вниз. – Хо-хо! Эге-гей!

Проживая в совсем иных физических условиях, по ту сторону Края Земли, борясь с неизвестными ойликамошкаркой, усталостью и желанием немного выпить, трое мужчин из клана Нефтяников наконец-то добились долгожданного результата – дорылись, нашли-таки искомое.

– Завожу рацию, шеф! – Веня Наливайко, известный на вахте как Черный Вентиль, радостно засмеялся. – Отменный, жирный ойл! – Отплясывая в тяжелых ботах своеобразную лезгинку на скользкой

металлической площадке, он вторил Гмызе. – Мы спасем этот мир, Коля!

– О да! Чтоб нам провалиться!

– Сегодня ведь можно, шеф? – Наливайко подмигнул третьему – худенькому очкастому практиканту из Сургута.

– Сегодня можно, сегодня наш день!

– Вишь, наставник твой разрешает.

И лишь серая туча назойливой кровожадной мошкеры да неделю морозящий дождь на фоне унылой лесотундры немного портили простое человеческое счастье...

«После пяти часов тяжелой и напряженной работы международного экипажа космический пилотируемый модуль пристыковался-таки...» – неслась по урочищу сводка новостей из кабины их старенького и порядком поржавевшего вездехода...

– И чего им всем там вверху надо? На Земле-то сколько, парни, неоткрытого! Да тут еще копать и копать...

Вартан Бабян КОНЕЦ ИГРЫ

– Ребята, прекратите, это не игра! – крикнула Юля.

– Не бойся, мы шутим. – Рома упивался властью над очкариком, которого Юля предпочла им. – Прыгай на крышу. Ты же джампер!

– Я в стратегии играю, – пробормотал Юра.

– И не стреляешь? Мы мочим тварей, а ты магией балуешься?

– Я не могу убивать...

– А если мы ее?.. – Рома цинично облизнулся и указал на Юлю.

– Тогда убью. Любого.

Еще один веселый лещ – и Юра был на краю.

– Неужели ради девушки не сделаешь?

Юра посмотрел вниз. Голова закружилась. Белое лицо Ромы, страшный Юлин крик.

Тридцать метров. Плиты. Арматура...

Цезарь какое-то время молчал.

– Двадцать лет назад ты возник на арене с причудливыми кристаллами в глазах. Я узнал тебя, хотя ни разу не видел магов. Моим мечом и твоей магией мы покорили полмира. Ты никогда не давал повода усомниться в себе. Но теперь...

Мерлин слушал, склонив голову.

– Поначалу ты утверждал, что Империя – греза. Игра, которой забавляются в твоём мире. Я был готов поверить: слишком ловко ты разгадывал ход событий. Но ты утратил дар предвидения, и я понял, что мир реален.

Мерлин почтительно кивнул:

– Я тоже не мог понять, как оказался в игре. Потом нашел объяснение: игра кончается, когда совершается убийство. В миг твоей победы на арене Империя стала реальностью.

– К сожалению, ты тоже не призрак... – Цезарь пожевал губами, набираясь решимости произнести трудные слова. – Свидетельством тому беременность моей дочери.

– Наши реальности соединились...

– Если из игры можно переместиться в жизнь, скажи тогда, что дальше, после жизни?

– Там нет ничего, кроме смерти... Я не хочу думать о ней теперь, когда счастлив. – Мерлин улыбнулся.

Цезарь не смог скрыть гнева:

– Ты считаешь, что роду Цезаря достойно породниться с презренным родом Мерлина?

– Мой Цезарь, забудь об условностях, – с жаром произнес Мерлин. – Ребенок с мощью Цезаря и магией Мерлина будет избавлен от твоего кровавого естества и моего слабодушия!

Цезарь покачал головой:

– Жаль, что ты потерял чувство реальности. Этой ночью с Юлией случился припадок. Лекарь сумел спасти ей жизнь. Но ребенок родился мертвым.

Мерлин побелел лицом. Потом прожег взглядом сидящего на троне Императора:

– Ты убил моего ребенка, Цезарь? Ты – чудовище!

Тридцать шагов до стены с оружием. Цезарь был спокоен. Что Мерлин может сделать: пощекотать экзорцизмом?

Мерлин до хруста в пальцах сжал рукоятку меча.

– И ты?! – прохрипел Цезарь, сползая с трона.

Мерлин открыл глаза. Где он? Слоистый целлофан, натянутый над ящиком со стекловатой, все еще пружинисто раскачивался, как гамак. Рядом барахталась Юля.

– Как нам повезло! – захлебываясь от перенесенного ужаса, пролепетала она. – Это просто чудо, что мы живы!

От парадного входа бежали мальчики. Мерлин смотрел на них, вспоминая всё разом.

– Пацаны, они живы! – голос Ромы дрожал. В расширенных глазах его испуганно пульсировало готовое вот-вот угаснуть детство.

«Они же совсем дети! – изумился Мерлин. – Какое счастье, что я не погиб. Они смогут еще долго оставаться такими же беспечными... Игра не окончена».

Николай Бондаренко ПОМОГИ МНЕ, Я ВО СНЕ...

Проснувшись, Никита потянулся и глубоко вдохнул свежий воздух. После того, как он тяжело переболел воспалением легких, родители купили ему большое толстое одеяло и стали оставлять в его комнате окна на зимнее проветривание. Две недели болезни он чувствовал слабость. Мама подолгу сидела рядом и тихонько плакала.

Помощь пришла во сне. Ему приснился человек, которому он рассказал о своей болезни. Человек внимательно выслушал Никиту, засучил рукава своей какой-то старомодной рубахи и двумя движениями снял слой грязи с детской груди. (Откуда она там только взялась?) Человек сказал, что теперь все в порядке, и Никита пойдет на поправку. Так и вышло – вскоре Никита уже был на ногах.

После этого сновидения жизнь десятилетнего мальчика изменилась. Если раньше Никиту приходилось загонять в кровать (ему не хотелось ложиться, и сон он считал просто потерей времени), то теперь спать он отправлялся с удовольствием, как на премьеру болевика.

Во сне он стал общаться с разными людьми из разных культур вне расстояний и вне времени. Как-то он их понимал, не всегда зная их язык. То он разговаривал с великим полководцем, то с великим вождем, то с путешественником, который плыл куда-то по океану на плоту. Кому-то из них просто хотелось поговорить, кто-то кого-то искал, кому-то что-то было нужно. Вот и сегодня ему опять приснился взлохмаченный мужик, который ходил и всех спрашивал о таблице химических элементов. Никиту он спрашивал об этом уже в третий раз, и мальчик решил все-таки помочь ему отыскать эту таблицу.

Никита учился в четвертом классе и химию еще не проходил. Тут требовалась помощь отца.

– Пап, ты знаешь таблицу химических элементов? – спросил он за завтраком.

– В смысле – периодическую? Да, конечно.

– Слушай, а ты можешь мне ее найти в Интернете и распечатать?

– Да не вопрос! – Отец даже обрадовался, что сын проявляет интерес к науке.

Рабочий день в школе. Илья снова плевался, Германа опять учительница взяла на ручки и качала, как ляльку. Но вот наконец-то уроки закончились, и школьный «зоопарк» потянулся по домам. И

Никита тоже поспешил домой. Дома папа, как и обещал, нашел нужную таблицу. И что же увидел Никита – какие-то английские буквы и номера... Ладно хоть есть названия на русском – вот водород, вот литий. Ну, саму таблицу он, конечно, взять с собой в сон не сумеет, и вряд ли даже нарисует, если его попросят. Но запомнить, в каком порядке стоят эти элементы, он сможет! Благо память у него очень хорошая.

Вечером Никита лег в постель, держа в голове всю периодическую систему химических элементов. Он уже научился управлять своим засыпанием. Теперь ему не надо было считать до ста или до тысячи. Он просто говорил себе, что уже спит и представлял, с кем бы ему еще хотелось встретиться. И сейчас, закрыв глаза, Никита увидел спину этого взлохмаченного мужика и побежал за ним со словами:

– Дяденька, постойте! Я нашел вам таблицу!

«Дяденька» обернулся, в глазах его Никита прочитал недоверие.

Мальчик стал рассказывать то, что заучил. Мужик в удивлении только покачивал головой. Потом они пошли на берег, и Никита веточкой нарисовал таблицу на песке. Оба были довольны результатом. Мужик похвалил мальчика и сказал:

– Большое спасибо!

Он уже собирался уходить, но Никита спросил:

– Как же вас зовут? Мы так долго разговаривали, а я так и не знаю вашего имени.

– Дмитрий, – ответил мужик. – Меня зовут Дмитрий.

И ушел, загребая сандалиями песок.

Никита тоже пошел своей дорогой, но вдруг остановился. Ему показалось, что он слышит чей-то тихий голос:

– Помоги...

Он обернулся и, как это бывает во сне, оказался в другом месте. Это был какой-то знакомый двор. В отдалении стоял серо-зелено-голубой дом с припаркованными у подъездов машинами, окруженный другими домами. Никита стал озираться в поисках того, кто звал на помощь, но голос уже умолк. Он шагнул вперед... и снова тихий голос как бы проплакал:

– Помоги...

Никита обернулся. Перед ним стоял мальчик одного роста с ним, с опухшими от слез глазами, и шептал:

– Помоги... мне... Я специально прифол к тебе во сне, чтобы ты помог мне... – Мальчик немного шепелявил.

Никита опешил. Ситуация была странной или даже страшной, как в каком-нибудь триллере... но чего только не бывает во сне!

– И как же мне тебе помочь? – спросил он.

– Ты должен найти меня там, – мальчик показал вверх, – в настоящем. Я гулял... Вдруг увидел: летит смефной такой мефок. Я побежал за ним и... упал в открытый колодец. Кажется, сломал ногу и потерял сознание. И вот я в своем сне отыскал тебя. Помоги мне! Найди этот колодец, найди меня. Иначе я останусь тут... навсегда... – Мальчик тихонько заплакал.

– Вот так да! – сказал Никита и немедленно проснулся.

Открыл глаза – было утро. Он нашарил под подушкой подаренный папой диктофон и, пока сновидение не ушло, надиктовал все, что вспомнил: открытый колодец, серо-зелено-голубой дом, машины у подъездов... Диктофоном он пользовался постоянно, чтобы фиксировать сновидения.

Был воскресный день – в школу идти не надо. Быстро позавтракав своей любимой манкой, Никита взял фонарик, надел куртку и, крикнув: «Мама, я гулять!», выскочил из квартиры.

Не стал дожидаться лифта и бегом спустился по лестнице. Выйдя во двор, он дошел до угла дома, соображая, где мог видеть этот серо-зелено-голубой дом. Осмотрел соседние здания. Нет, похожих не было. Никита немного подумал и зашагал по направлению к школе. Может, где-то там, по дороге, он краем глаза видел этот дом, только не обращал внимания? Надо обязательно отыскать его! Обязательно!

Никита перешел через дорогу, миновал детский сад и огляделся. Слева стояли старые дома, их давно никто не красил ни в какие цвета. И он повернул направо, к новостройкам.

Да, именно здесь, среди других, стоял серо-зелено-голубой многоэтажный дом с машинами у подъездов. Да, да, да, это было то самое место из сновидения!

«Почему этот мальчик выбрал именно меня? – размышлял Никита. – Как он узнал, что я живу рядом? Может, он меня видел раньше? Может, мы встречались по дороге в школу или из школы? Здесь определенно есть какая-то связь... Ну, теперь, друг, внимательнее смотри под ноги! Где-то рядом открытый колодец, смотри не свались, спасатель».

Никита прошел вдоль подъездов и не обнаружил никаких колодцев. Обошел вокруг дома – опять ничего.

«Вот тебе раз! – подумал Никита. – Что же это, всего лишь сон? Так, надо занять примерно ту же позицию, что и во сне».

Он зашагал от дома, обогнул стоящие метрах в пятидесяти от ближайшего подъезда мусорные контейнеры и увидел кучу земли. А за ней обнаружил тепловую камеру.

Да, Никита знал, что это такое – ведь его мама была проектировщиком. Она часто брала работу на дом и громко обсуждала с папой свои технические решения. Насосная станция, котельная, тепловой пункт, тепловая камера – обо всем этом Никита имел представление.

Рядом с камерой лежала крышка одного из люков. Никита подошел ближе, сердце его от волнения ухало в груди.

«Вдруг мальчика уже нет в живых? Вдруг я опоздал?»

Он присел на корточки рядом с люком и негромко позвал:

– Эй! Тут кто-нибудь есть?

Тишина была ему ответом.

– Эй?! Ты живой?! – крикнул он в сумрак колодца.

Снова тишина.

– Блин, опоздал...

Никита поспешно достал из кармана фонарик, включил его и стал светить вниз. Он старательно всматривался в освещенные участки, но ничего, кроме труб и задвижек, не увидел.

«Так, здесь его нет. – Он выключил фонарик и выпрямился. – Нужно продолжить поиски. Возможно, его уже нашли... или это был просто сон... обычный сон... Или он в другом колодце. А сейчас нужно закрыть крышкой этот, чтобы сюда никто не упал».

Крышка оказалась очень тяжелой. Приподнять ее было невозможно, поэтому Никита попробовал тянуть ее. Однако она не поддавалась его усилиям. Тогда он стал ее ворочать и толкать сантиметр за сантиметром. Весь вспотел и выдохся, но все же закрыл колодец. Управившись с крышкой, Никита изнеможенно опустился на бетонную плиту и принялся отдуваться.

Вдруг кто-то со спины налетел на него, и Никита упал.

– Ой, извини! – послышался мальчишеский голос. – Ты цел?

– Вроде бы цел, только на голове, наверное, шишка будет, как будто ботинком заехали. – Никита посмотрел на ботинки, потом на их обладателя, который, можно сказать, свалился ему на голову.

– Прости, пожалуйста, я тебя не заметил. Я увидел, как летит смефной мефок и побежал за ним, хотел его догнать. Вот подумал: забегу на эту кучу земли и прыгну оттуда за мефком.

– А ты знаешь, что тут был открытый колодец, и я его только что закрыл? – спросил Никита, поднявшись на ноги.

– Выходит, ты меня спас?! Выходит, ты мой спаситель?! Спасибо! Давай дружить! Меня зовут Амин. А тебя как? – Мальчик протянул руку для рукопожатия.

– А меня Никита.

Никита крепко пожал протянутую руку, а сам подумал:

«Значит, вне времени? Значит, не просто сон?!»

Алекс Левин ФИЛЬТРАЦИЯ

Не отрывая взгляда от экрана связи, Рэй вышагивал по гостиной. Неожиданно на Барбару напал страх из-за того, что она может потерять его. Она поймала его за рукав, прильнула всем телом, нашла его губы. Он должен принадлежать ей и только ей. Рэй казался напряженным, его тело не поддавалось ласкам. Она расстегнула его рубашку, коснулась пальцами груди. Рэй погладил ее волосы, но напряжение не уходило. Барбара, перебирая пуговицы рубашки, скользила ниже. Наконец она почувствовала, как вздрогнуло тело Рэя. Барбара откинулась на спину в ожидании проникновения. Как она любила эти первые проникновения! Барбара застонала. Но вдруг что-то пошло не так, Рэй прекратил движения и перекатился на спину.

– Что случилось? – спросила Барбара.

– Не знаю. Я не могу. – Рэй не понимал, что происходит.

На экране связи вспыхнул красным запрещающий знак X. Центр, отключив Рэю его эректильную функцию, тем самым запретил женитьбу. В сообщении им милостиво разрешалось оставаться друзьями.

Благодаря нанороботу и трансляторам информации в крови человека, Центр искусственного интеллекта знает всё обо всех – так он управляет людьми. Непослушные караются. Наказанием служит уменьшение продолжительности жизни от гарантированных двухсот лет до нуля или срок в рабочих лагерях.

Обычно Центр соглашается с выбором пар, желающих стать мужем и женой. В случае отказа несостоявшимся супругам предлагается список кандидатов, которых отбирают всезнающие алгоритмы. Единственное, чего не знают алгоритмы – это в результате каких биохимических реакций возникают чувства.

О другой женщине Рэй не хотел и думать. Максимализм молодости брал верх – ему было всего-то пятьдесят.

Рэй пробовал сохранить спокойствие, ему не хотелось, чтобы Центр знал о его состоянии. На какое-то время это удалось, затем его захлестнул гнев, но через пару минут отпустил – это Центр дал команду включить алгоритм релаксации, и вскоре Рэй заснул.

Барбара уже спала, Центр позаботился о ней раньше.

Проснулся Рэй в хорошем настроении и начал напевать арию Тореадора из оперы «Кармен». Ему приснилось, как можно обойти

Центр. Кажется, его не засекли. Ну да, следить за сновидениями – до такого даже искусственный интеллект еще не додумался.

– Чему радуешься? – подозрительно спросила Барбара. – Уж не тому ли, что нам отказали?

Рэй понял, что надо срочно уйти, иначе придется все ей рассказать. Он не хотел вовлекать Барбару. Конечно, рано или поздно придется, но не сейчас – это опасно.

Теперь главное – не думать. Стоит только подумать о чем-нибудь крамольном, как Центр тут же зафиксировывает мысль и внесет его в список неблагонадежных.

Чтобы избежать неприятностей, Рэй восстановил в памяти усыпанную фиалками горную долину, от кромки которой восходил белоснежный ледник. Это всё, что должно находиться в его голове.

Недорогая «Тесла» взмыла на триста метров, но трафик оказался плотнее, чем показывал прибор. Пришлось подняться еще на двести, и через три минуты Рэй был у стадиона. У него оставалось четверть часа на то, чтобы переодеться и выйти в поле.

Неделю назад Рэй перешел в новую команду, он даже толком не успел познакомиться с игроками. В раздевалке он узнал левого нападающего Майка. Тот улыбкой ответил на приветствие Рэя и продолжал разговаривать с человеком, голограмма которого высвечивалась на телефоне.

– Мне Центр до лампочки, – донеслась до Рэя фраза Майка.

Рэй прислушался.

– Методика отработана. Плевать я хотел на них. Я хозяин своей жизни.

За такие слова давали лет пять лагерей. О том, что Майк говорил вслух, никто не решался даже подумать. Майк заметил, что Рэй прислушивается, и изучающе посмотрел на него.

Жестом Рэй дал понять, что всё в порядке, и Майк может не беспокоиться.

На восемьдесят пятой минуте Майк с точной подачи Рэя забил решающий гол. Команда вышла в финал турнира. Отпраздновать победу Майк пригласил Рэя в бар.

– Птицы в клетке, – сказал Майк, глядя на танцующих, и глотнул очередную порцию виски.

Подобные мысли не раз приходили в голову Рэю, но он тут же старался от них избавляться. А тут Майк говорит об этом во всеуслышание, даже не понижая голоса. Неужели он настолько пьян, что его совершенно не заботит собственная безопасность?

Но Майк, похоже, был нисколько не смущен и продолжал:

– Люди даже не понимают, что такое свобода.

«Люди не виноваты», – написал Рэй на салфетке и под столом протянул ее Майку.

– Ха, только люди и виноваты! А кто ж еще? Каких-то сто пятьдесят лет назад высоколобым технарям захотелось поиграться с искусственным интеллектом, ну и доигрались, а мы теперь расхлебывай. – Майк с силой сжал стакан и залпом опустошил его.

С появлением Центра искусственного интеллекта институт стукачей практически отпал, так что своих слушателей Майк не стеснялся. Ну на самом деле, зачем нужны стукачи, если Центр читает мысли своих граждан в оригинале?

«А ты не боишься?» – написал Рэй, но передать записку ему не удалось. Майк увлекся девушкой за соседним столиком и пересел к ней.

Оставив Майка добиваться взаимности незнакомки, Рэй вышел из бара.

«Майк наверняка что-то знает», – проскочила мысль, но он тут же усилием воли заменил ее горным пейзажем.

К Барбаре он решил не идти. Перевести ее из статуса любимой женщины в статус подружки оказалось слишком болезненно, да и она ожидала от него других отношений. Он позвонил и сказал, что занят.

– Приходи вечером, – попросила Барбара.

– Я занят, – твердым голосом сказал Рэй, он не хотел опять потерпеть фиаско.

Мысли Барбары прервал звонок Билла. Они недавно познакомились на вечеринке, и с тех пор он ей постоянно напоминал о себе. В списке женихов, который после отказа пришел из Центра, Билл числился первым.

– Что делаешь? – спросил Билл.

– Завтракаю.

– Приезжай, я сделал плов, пальчики оближешь. Надоели эти тубики из магазинов. Жду!

– Извини, нет настроения. Одна грусть.

– Я знаю, ты чем-то огорчена. Приезжай! Я попробую развеять твою грусть!

«Он меня читает», – подумала Барбара.

Как только разговор закончился, сильное физическое влечение к Биллу овладело ею, раньше такого чувства она к нему никогда не испытывала.

«Да, он меня контролирует», – Барбара больше не сомневалась.

Скорей всего, Билл завладел ее секретным кодом, который использует Центр, она слышала о таких случаях. За большие деньги можно всё. Биохимические процессы, вызывающие любовь, науке до сих пор неизвестны, поэтому заронить чувство в человеке Центру неподвластно. Но вызвать или погасить физическое желание – нечего делать.

«Еще один такой звонок, и я не смогу ему сопротивляться. Куда же Рэй запропастился?» – Барбара, чтобы отвлечься, лихорадочно искала голограмму концерта «Песня года».

Очередную тренировку Майк пропустил, так что Рэй увидел его только через две недели. После тренировки Майк пригласил его к себе.

Налил в стаканы текилы, плеснул апельсинового сока и вышел. Но почти тут же вернулся со странной вещицей в руках. Вещица по форме напоминала шапку-ушанку, и была сделана из необычного материала.

– Ну вот, теперь можно поговорить, – сказал Майк, когда Рэй надел ушанку. – Ты ведь хотел поговорить? Эта штука поглощает излучение биологических передатчиков, теперь Центр тебя не читает. Шутники назвали ее «собеседником».

– А чего ж сам-то не надел этот «собеседник»? – поинтересовался Рэй.

– Это для гостей. Мне не нужно, – ответил Майк.

– В баре могли быть прослушки, но ты говорил громко, почему? – Этот вопрос две недели мучил Рэя.

– Прослушек уже давно не ставят – малоэффективно и дорого. Зачем им знать, что ты говоришь, если они знают, что ты думаешь? Но меня они не читают.

– Я люблю женщину. Центр запретил на ней жениться. – Рэй стиснул челюсти. – Мне приснился сон, что ко мне присоединен какой-то допотопный аппарат прошлого века, и из этого аппарата в меня поступает кровь. Я где-то читал, что так раньше переливали кровь.

– Что ты хочешь от меня? – спросил Майк.

– У меня два вопроса. Первый: как тебе удалось их послать? И второй: я тоже хочу, мог бы ты помочь?

– Ты на верном пути, – сказал Майк. – Есть такая процедура, она называется фильтрация. Кровь пропускают через фильтры, и она очищается от биопередатчиков, которые тебе ввели при рождении. После процедуры Центр тебя не видит.

– Значит, я должен отказаться от всех достижений биоинженерии? – задумался Рэй.

– Нет, не должен, – успокоил его Майк. – Наноробот переходит в автономный режим работы. Он будет очищать организм, например, от холестериновых бляшек без команды Центра. Повторяю, фильтруются только передатчики информации. На второй вопрос я тебе отвечу через неделю, мне надо посоветоваться.

В гостиной Барбары засветился дисплей переговорного устройства, это Рэй хотел поделиться хорошими новостями. Но ответить Барбара не могла – в этот момент она, постанывая, отвечала на движения Билла у себя в постели. Вначале она пробовала оставаться холодной, но в какой-то момент потеряла контроль и отпустила себя.

Когда Билл ушел, Барбара успокаивала себя тем, что всё кончилось. Но скоро в ней опять возникло желание близости с ним. Желание стало приходить по несколько раз в неделю, а то и в день. Каждый раз, когда появлялось желание, звонил Билл и говорил, что сейчас зайдет.

Барбара чувствовала себя игрушкой в его руках, с которой можно делать что угодно. Обращаться в полицию бесполезно. Какие тут могут быть доказательства? Ее воля подавлялась, и животное желание овладевало ее телом. Потом, когда отпускало, она понимала, что происходит. Признаться Рэю она не решалась. Да и где он, этот Рэй?

Рэй подлетел к частному аэродрому, замаскированному под поле для гольфа. Майк уже ждал его. В конце полосы стоял средних размеров частный самолет. Они поднялись по трапу и оказались в небольшом зале. Рэй надел на голову ушанку-«собеседник». Майк жестом показал, что здесь безопасно. Голос из динамика пригласил их сесть за стол.

– Представьтесь, – продолжил голос.

– Рэй Грин, пятьдесят лет. Инженер-механик.

– Есть ли у вас правительственные награды?

– Грамота за участие в разработке строительной техники для проекта освоения Марса.

– Вы представлены членом нашей организации на процедуру фильтрации. Что вас привело к этому решению?

– Центр забрал у меня любовь. Я хочу быть хозяином своей жизни, – не задумываясь, ответил Рэй.

– Знаете ли вы, что фильтрация, в случае раскрытия, карается сокращением срока жизни на шестьдесят лет или заключением в трудовой лагерь сроком на десять лет?

– Да, знаю. Часто ли Центр узнаёт о фильтрации?

– Нет, нечасто. После фильтрации центр не может вас найти. Связь обрывается. Считаете ли вы, что власть искусственного интеллекта губительна для человечества?

– Да, считаю. Случилось самое плохое, что могло случиться – люди потеряли волю, они не могут решать все сами.

– Вы заинтересованы вступить в ряды организации, которая видит свою цель в спасении человечества?

– Я не знаю, никогда об этом не думал.

– Нам нужны смелые и решительные люди. Мы приглашаем вас в нашу организацию. Мы соблюдаем высшую степень секретности, все наши люди прошли фильтрацию. Если вас заподозрят, мы отправим вас на Марс. Там есть много наших единомышленников. Мы должны вернуть людям их достоинство. Готовы ли вы присоединиться к нам?

– Да, – ответил Рэй.

– Поздравляем вас с вступлением в тайное общество «Достоинство – людям!». Проходите на фильтрацию.

Фильтрация прошла благополучно. Странное чувство посетил Рэя. Раньше он никогда не испытывал его. Оно походило на любовь, но не фокусировалось на одном объекте. Оно походило на счастье, но счастье понятно откуда исходит.

Рэй, рожденный узником Центра искусственного интеллекта, не мог знать, что это чувство называлось – свобода!

Барбара встретила его, еле сдерживая рыдания, она только и смогла произнести:

– Пришел!

Он протянул ей ушанку-«собеседник», жестом указывая, чтобы Барбара надела ее.

– Эта шапка блокирует информацию, которую твои биологические трансляторы предоставляют Центру. Короче говоря, Центр тебя не видит. Ты можешь говорить всё что хочешь, тебя не услышат, – объяснил Рэй. – Носи ее двадцать четыре часа в сутки, пока не захочешь сделать фильтрацию.

Барбара вопросительно посмотрела на него.

– Я прошел процедуру, она называется фильтрация, в моей кро-ви трансляторов больше нет. Центр меня не читает. Я свободен.

– Ты свободен? – повторила она. – Пожалуйста, женись на мне! – В ее мольбе прорывались унижения последних недель.

– Я обо всем договорился. Завтра мы пойдем к свободным людям. Они объявят нас мужем и женой. Ты готова пойти туда со мной?

– Да, готова, – всхлинула Барбара, а потом добавила: – Хоть на Марс полечу.

– И на Марс слетаем! – обнял ее Рэй.

Барбара взглянула на свое заплаканное лицо в зеркале:

– А у тебя нет шапочки другого цвета? Этот мне не очень подходит.

КАТЮХА

Уже вторую ночь Петровичу не спалось, как-то тревожно было. В хлеву корова мычала, а собака тявкала и приглушенно рычала, но лаять во весь голос не решалась – боялась. Жилых домов в деревне осталось немного, а его дом самым крайним был.

Петрович встал с кровати, перекрестился, проверил, заряжено ли ружье, и вышел. Ночь морозная стояла, мрачная. Со стороны кладбища мела небольшая поземка. Ничего такого Петрович не заметил. Собака, опасаясь, из будки вылезла, завывала, повернувшись к погосту. Петрович пульнул на всякий случай. Вдруг краем глаза ухватил слева какое-то движение. Да вроде никого... Собака опять в конуру забилась.

Петрович прислушался. Тихо, только ветер шуршит.. Да этих страшил и не услышишь, они аж плывут по воздуху. У соседа прошлым месяцем овцу обглодали, так собакам после них делать нечего было – ни одной косточки не оставили.

Ох, вон там, на дороге к кладбищу, пятно какое-то движется... Видать, они, окаянные, и есть. Вот и овцы заблели.

Петрович подошел к генератору, приоткрыл крышку. Движку было года два, тогда в райцентр завезли несколько штук китайских. Куда отечественные генераторы из продажи делись, Петрович не знал. Прошлый движок советского производства у него двадцать лет без проблем отработал, а на этих китайских надежи большой нет; может, для себя они и хорошо делают, а на экспорт – лишь бы сляпать. Зато ружье российского производства, специально в Тулу покупать ездил. Петрович залил солярки в генератор, проверил масло.

Пятно на дороге тем временем стало приобретать очертания, а потом начало делиться на части. В прошлый раз около двадцати страшил приходили, а сейчас темно, не сосчитать, но их не больше. Петрович по осени вместе с соседом каждую могилку землей присыпал, да еще камнями придавил, чтоб монстры эти не вылезали, ан нет, все равно лезут, окаянные.

Впереди страшил – Ванька Щегол, бывший сосед Петровича. Он у них, типа, за главного. Щегол аж после смерти не может про-

стить Петровичу, что того вместо него, Ваньки, в бригады выбрали и огород на десятину больше нарезали.

А за Щеглом бывшая первая деревенская сплетница по воздуху, как на лыжах, скользит. Видать, за новостями спешит ведьма старая – вот что значит любовь к профессии, в одном оборванном платьице в мороз-то! Да им нипочем.

Когда ближе подошли, Петрович еще кое-кого распознал, а остальных не смог – видать, из соседней Сосновки были. Жены своей, Катюхи, тоже не приметил, по привычке забеспокоился: куда подевалась-то? Потом смекнул, что оттуда никуда не пропадешь.

Уж близко совсем подошли, лица у всех зеленые, руки протянуты вперед, пальцы скрючены. Собака в отчаянии выскочила, с цепи рвется. Корова вот-вот хлев разнесет, в курятнике переполох полный. Петрович, хоть и готов был ко всему, а трухнул порядком, с пяти метров жажнул с двух стволов. Ванька Щегол пули на грудь принял, зашел со стороны, за левый рукав ухватил Петровича.

Тот вместе со Щеглом, вцепившись в рукав, подскочил к генератору, дернул за шнур. Молчит генератор... Дернул опять – не оживает движок! А Щегол зубами к горлу тянется. Перекрестившись свободной правой рукой, Петрович еще раз что было сил дернул за шнур. Наконец завелся генератор, и луч прожектора вдарил по толпе окаянной.

Шарахнулась толпа в страхе назад, только Ваньку Щегла луч не задел. Пальцы свои скрюченные не разогнул он, так и повис на левом рукаве Петровича.

– Ну ш-што, бригадир, – прошипел Щегол и потянулся к горлу Петровича, – поквитаемся?

Петрович замер, как загипнотизированная мышь перед коброй, пошевелиться не может. Вдруг ослабели пальцы монстра, отпустили Петровича, а сам Щегол наземь оседать стал.

Это Катюха сзади подоспела, вонзила клыки свои в шею Ваньке Щеглу, спасла мужика своего.

Только она и могла, а как с зомби еще справишься? Лишь такие же зомби, как они, могут.

Катюха развернулась и заскользила по поземке обратно на кладбище.

А Петрович ей вдогонку:

– Кать, ты прости. Я ж тогда и выпил-то совсем чуток. И как меня угораздило на всей скорости в этот столб врезаться...

Она только безразлично рукой махнула. Им, зомби, всё до лампочки.

Лия Рудис СОЛНЕЧНЫЙ КАМЕНЬ

20 марта, когда солнце перебирается из южного полушария в северное, и весна настойчиво заявляет о своих правах, во всем мире отмечают утвержденный ООН за номером A/RES/66/281 Международный день счастья. Резолюция предписывает проводить в этот день просветительские и общественно-разъяснительные мероприятия.

Так вот, в это самое обыкновенное субботнее утро, в центральном парке, на обшарпанной деревянной эстраде, возникло гигантское янтарное яйцо.

Как оно там появилось и откуда, никто не видел, да и, честно говоря, никого оно не интересовало. Яйцо одиноко стояло на подмостках, излучая из своего желто-рыжего нутра яркий теплый свет.

– Дэ-один на аш-пять. – Группа пенсионеров склонилась над лавочкой, на которой развернулась напряженная шахматная дуэль.

Туда подкатил микроавтобус с инструментами и техникой, и из кабины выпрыгнул начальник службы благоустройства Петр.

– Все, мужики, баста! Закругляемся!

Он огляделся с деловым видом, прикидывая объем работ, и заметил сияющее в полумраке сцены яйцо.

– Та-ак... – Пару секунд он решал, что делать с неожиданной помехой, а потом крикнул двоим, что выгружали из микроавтобуса огромные тумбы-колонки: – Эй, асоциальные элементы! Уберите это! – Петр кивнул в сторону сцены.

Помятого вида мужичонки нехотя поплелись выполнять указание. По боковой лесенке они вскарабкались на сцену и в раздумье остановились возле яйца.

– Мож, его скovyрнуть и покатить? – почесал за ухом первый.

– Не, давай подпихнем к краю, а там – по лестнице, – прохрипел второй.

* * *

К полудню все было готово: колонки и микрофоны установили по местам, газоны причесали граблями и метлами, и даже укромные уголки позади сцены избавились от забившейся туда старой листвы. В завершение среди деревьев натянули ярко-красный плакат «Международный день счастья», и Петр закурил с чувством выполненного долга. Яйцо оттащили за эстраду; оно стояло в грязной лужице, излучая неземной свет и не привлекая к себе никакого внимания.

Многочисленная публика до отказа заполнила узкие ряды скамеек и лениво гудела в ожидании концерта. За сценой мерзли приглашенные артисты. В своих легких костюмах они пытались согреться у полыхающего яйца, но, обнаружив только видимость желанного тепла, глухо возмущались и отходили прочь. Наконец к микрофону поднялся всем порядком надоевший представитель городской думы и, поприветствовав горожан, начал речь:

– Перечень вопросов в области устойчивого развития на период до две тысячи тридцатого года представляет собой наш план создания справедливых условий жизни для всех людей. Обеспечив прогресс в осуществлении взаимосвязанных целей, мы можем сделать людей более счастливыми и гарантировать им достойное существование.

Зрители наградили его безучастным молчанием, и он продолжал:

– Чтобы наилучшим образом отпраздновать в этом году Международный день счастья, нами предприняты усилия для облегчения страданий людей. В связи с этим давайте же воспользуемся данной возможностью, чтобы подтвердить общую солидарность в деле построения более безопасного, процветающего и стабильного будущего.

Господа и дамы вяло захлопали со своих мест. По задним рядам прокатился гомон и свист. Депутат поспешил уступить место изнывающему от нетерпения иллюзионисту. Артист взбежал на сцену, картинно поправил сползающий плащ и взмахнул руками. Публика оживилась.

* * *

Международный день счастья в городском парке длился до вечера. Когда стемнело, народ снялся с насиженных мест и, обогнув ручейками пламенеющее яйцо, столпился у просторной лужайки в предвкушении праздничного салюта.

Петр дал отмашку, и на город обрушился оглушительный раскат грома, словно над головой одновременно пальнули десятки пушек. Под низкие сизые тучи взмыли разноцветные пригоршни тающих звезд, а им навстречу нежданным ледяным душем хлынул весенний ливень. Парк наполнился шуршанием накидок и зонтов, и вскоре опустел.

Рабочие кинулись сматывать провода и разбирать мокрую аппаратуру. Петр задержался перед забытым всеми яйцом.

– Вот черт! Куда ж его теперь?!

Не придумав ничего лучше, он решил забрать яйцо с собой. Было уже за полночь, когда Петр выгрузил громоздкий сияющий объект во дворе у сарая. В гараже откопал кусок брезентовой материи и

аккуратно накиннул его на яйцо, чтобы оно не светило в окна. Потом тихо вошел в дом и, не раздеваясь, тут же забылся на диванчике в гостиной.

* * *

Воскресное утро упрямо вклинивалось в цепкий сон. Глухие удары доносились со двора и настойчиво гнали прочь обрывки видений. Кое-как разлепив веки, Петр силился найти объяснение этому стуку.

Удары прекратились, но почти тут же тишину разорвал оглушительный треск. Петр подскочил на диване и отдернул занавеску.

Его жена Вера с железной гантелью в руке стояла посреди двора и утирала раскрасневшееся лицо. Вокруг валялись рабочие инструменты, обычно запертые в гараже. Кусок брезента съехал на пожухлую траву, оголив беззащитную громадину.

Петр выскочил из дома, но было уже поздно. От сокрушительного удара глубокие трещины зигзагами побежали вниз по покатым янтарным бокам, и крупные желтые куски попадали на землю. Вера принялась разбивать их на мелкие части и складывать в ведро.

Петр опустил на крыльцо и, запрокинув голову, принялся смотреть на серое небо. Вера перенесла осколки яйца в сарай и с чувством выполненного долга ушла в огород сеять на рассаду огурцы.

Петр обвел взглядом двор, вздохнул и вернулся в дом.

ПОЭЗИЯ

Николай Проценко
МИМОЛЁТНОСТИ

ВИДЕНЬЕ ГУБ

Вас, губы, я поцеловал...
Счастливого мгновенье!
Но в поцелуе не узнал:
Вы явь или виденье?

Все это было наяву?
А может быть, во сне было?
Напрасно, губы, вас зову –
Наверное, вас не было.

APPARITION OF LIPS

I have kissed you, lips... A happy moment! But when I kissing I didn't know: are you reality or apparition?

Was all that when I was awake? Or, may be, that was when I dreamt? In vain I am calling you upon to me – most likely, there were you no existing.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ В СУМЕРКАХ

Возможно, было. Или нет?
А может – наважденье?
Какой ответ? Любой ответ.
Ведь правда – заблужденье.

Сильней звучит! Звучит сильней!..
Какая неудача!..
Опять мелодия за ней...
Не так, не так! Иначе!

И вдруг – оборвана струна!
Нежданное молчанье.
Исчезла в сумерках она.
Как призрак. Без прощанья.

DISAPPEARANCE IN THE TWILIGHT

I have kissed you, lips... A happy moment! But when I kissing I didn't know: are you reality or apparition?

Was all that when I was awake? Or, may be, that was when I dreamt? In vain I am calling you upon to me – most likely, there were you no existing.

НЕРЕАЛ**Ализанер В. Юберге
НЕЧИСТЬ**

Обломок кирпича удерживал дверь подъезда распахнутой настежь. Вадим быстро огляделся и нырнул в зеленую глубину. По лестнице туда-сюда сновали одетые как попало мужики в пыли и суете ремонта.

Вадим прошмыгнул на пятый этаж, покачнулся на досках, небрежно переброшенных через заново уложенную плитку на площадке, нашел нужную квартиру и тихонько, почти неслышно постучал, приправляя стук невнятным шепотом.

Дверь послушно отворилась, пропуская Вадима в тесную прихожую. В конце коридора на линолеуме лежал мазок света из кухонного окна. Вадим сделал пару шагов вперед и шаг вправо, в комнату. Один только шаг разделял Вадима и мальчика лет двенадцати, который сидел на полу.

Затопивший квартиру полуденный зной рассеялся, отступил, свет стал бледным, холодным, искусственным. Мальчик поднял на Вадима спокойный, отрешенный взгляд. Во рту мальчика тускло белели круто загнутые клыки, выпирали и впивались под нижнюю губу.

– Соболезную, Кириллыч, – сказал Вадим.

Мальчик кивнул.

– Ты не беспокойся, Вадюш, не впервой.

– Какие это по счету? – спросил Вадим, зябко ежась в тонкой ветровке.

– Третьи, третьи мои родители, и ведь клянусь, был хороший сын: любил, нужды не знали, только с внуками не срослось, ну тут уж я не виноват.

Вадим понимающе кивал. Они такие, люди. Если приютили, так привязываешься, как к родным.

Кириллыч резко замолчал, подался всем телом в сторону прихожей.

– Шухер, Вадюш, беги! – И бесшумно растворился в прозрачной серой тени.

Вадим воровато оглянулся.

Комната теплела, горячий полуденный свет дрожал ореолом шерстинок над пухлым старым пледом, отдыхающим в кресле.

Вадим метнулся к раскрытому окну.

– Ух, Кириллыч, тертый калач! – восхитился он, вскочил на подоконник и прыгнул вниз.

Собственные силовые токи Вадима привычно смешались с потоками мира. Мягко приземлившись на газон, он поторопился скрыть-

ся из прямой видимости. Через сорок шагов прыгнул на балкон на третьем этаже соседнего дома, прошел сквозь пустую гостиную и кухню, выпрыгнул из окна. Достигнув здания напротив, протиснулся в форточку. Старые рамы это вам не новомодный пластик с микрощелями для проветривания. Впрочем, Вадима не останавливали и пластиковые окна. Незаметный взгляду, он по мере надобности сливался с общим потоком, проникая в людские крепости, пронзая насквозь серийные старые панельки и игрушечные новостройки, разбитые бабушкины коммуналки и студии в псевдоскандинавском стиле.

Вадим дергал приржавевший шпингалет высоко на створке деревянного окна в пустой малосемейке, и чуть богу душу не отдал, когда за спиной грохнулся на пол цветочный горшок. Вадим закрутил головой, продолжая раскачивать рукоятку шпингалета.

О дверной косяк опирался взлохмаченный светловолосый парень, на вид ровесник, попирая поверженную с буфета кислицу, смешанную с землей. Пришелец снисходительно улыбался, цепко глядя на Вадима.

Вадим со всей силы рванул вниз и на себя, окно широко распахнулось, бросая в лицо печной июльский жар. Вадим одним движением перемахнул узкий подоконник и прыгнул к зданию школы, пролетел над черным чугунным забором и совершил посадку в шикарный лилейник. Школа по случаю лета стояла пустая, и Вадим, не скрываясь, побежал во всю прыть, минув тоненькие вишни, кудрявые рябины и бордовые клены, дальше через утоптанное футбольное поле... снова забор... и двором к частному детскому саду.

Преследователь промахнулся с перемещением на пару метров, едва не впечатался в стену, молча оттолкнулся обеими руками от керамогранита школьного фасада и припустил по следу Вадима.

Вадим улепетывал не оглядываясь, сквозь перекрестки в силовых потоках, наискосок через аллею к блестящему синим стеклом бизнес-центру с полукруглой крышей.

Пробегая по каштановой аллее, он краем глаза поймал белую вспышку и вовремя приметил старого знакомого, выходящего к почтамту.

– Нечистая сила! – ругнулся Вадим, сворачивая к офисам.

Скользнув в сумрачный при ярком дневном свете холл бизнес-центра, он проскочил через турникеты, не потревожив уткнувшегося в телефон охранника в костюме и при галстуке.

Лифт уносил Вадима к последнему этажу. Он привалился спиной к зеркальной стенке, сделал десятисекундный вдох и потратил оставшееся время на выдох.

Ковролин погасил шаги Вадима в пустом коридоре с запертыми кабинетами, где арендаторов, похоже, отродясь не водилось. Зал

заседаний стоял открытый, как покинутый дворец, пышный и безмолвный, глядя на Вадима десятками тусклых светильников. Солнце забралось высоко, и сквозь стекла второго света в зал лились мягкие рассеянные лучи.

Вадим бегло осмотрел панорамные окна и второй свет, взгляды его метался от одного наглухо влитого в каркас стекла к другому, дыхание снова сбилось. Сердце пулеметной очередью бахало в ребра. Закрыто, кругом закрыто, и система кондиционирования из тех, что гоняют воздух по зданию с издевательски малым притоком с улицы.

Вадим не выдержал и кинулся прощупывать окна. Ничего, ни трещинки, ни зазора.

По коридору неумолимо приближались шаги. Вадим учуял остаточную магию, задохнулся, полез от окон вверх к куполу, вжимая пальцы и носки кроссовок в силовые потоки. Добравшись до второго света, ударил в стекло ногой, с трудом удерживаясь от падения. Стекло не шелохнулось – противоударное. Он вслепую шарил по соединениям купола. Так его и застал вошедший спокойным шагом преследователь.

Первым делом парень вскинул руки, разогнал широким жестом внешние потоки, которые волнами ударились в камеры наблюдения и исказили пучок лучей, смазав запись.

– Притормози, спринтер, знакомиться будем, меня Андрей зовут, – сказал он, наблюдая тщетные поиски Вадима.

Вадим, не переставая лихорадочно искать прореху в броне второго света, по-совиному вывернул голову на сто восемьдесят градусов, глухо зашипел, выпучив округлившиеся глаза и скаля острые зубы, пурпурные, как в марганцовке.

Андрей нахмурился и взгромоздил на овальный стол один из расставленных вокруг стульев. Наскоро приклеил его ножки к столешнице нитями силовых потоков и вскарабкался на эту шаткую конструкцию. До Вадима не достал, спрыгнул на пол за вторым стулом.

– Зря упрямышься, братишка, прям как неродной, – сказал он.

Вадим бесцельно переполез по куполу, лишь бы убраться подальше.

– Выпарю из тебя золотую капельку, натурально кровными родственниками станем, – миролюбиво продолжал Андрей, сооружая башню из стульев.

Вадим впился в стык стекла и алюминиевого профиля. Костяшки его пальцев побелели, длинные ногти почернели и заострились. Профиль неохотно поддавался, чуть медленнее ногтей. Вадим сжал челюсти.

Андрей забрался на импровизированную вавилонскую башню и достал из нагрудного кармана рубашки металлические стерженьки, закрепленные в форме равностороннего креста.

Вадим едва сдержался, чтобы не завопить.

– Не психуй, Воронцов, – раздался у него в голове мелодичный девичий голос. – Протиснешься, я помогу.

Между стеклом и металлом появилась сверкающая щель в полсантиметра шириной.

Вадим прикрыл глаза и долго выдохнул. Вызвал перед мысленным взором схему древа жизни, выбрал ветвь. Проследовал по ней до основного потока. Вплел собственный ток в общую схему.

– Убьешься, сволочь, стой! – неожиданно яростно крикнул Андрей.

– И тебе не хворать, человечины кусок, – невпопад ответил Вадим, кинув прощальный взгляд на зал заседаний, где Андрей потрясал порталным крестом.

Скольких нерасторопных Вадимов он угробил, чтобы достать такой?

Вадим плюнул и растер плевков подошвой по стеклу, а потом разбежался и прыгнул с края крыши.

– Лена, подсоби, – попросил он далекую собеседницу.

Незримое крыло поддержало Вадима на лету, он пронесся меж куполов собора, над скульптурной группой памяти павших воинов и музейными танками под открытым небом, пропетлял через только что построенный жилой комплекс и плавно уцепился за теплую солнечную стену старого дома. Перебираясь как огромная неуклюжая ящерица, добрался до угла и спрыгнул в палисадник.

– Спасибо, Лен! А Кириллыч как? – Вадим замедлил дыхание.

– Позаботился, молодец, – насмешливо отозвалась Лена. – Добрался Илья Кириллович, уж почище твоего.

– А сама?

– Получше вроде, скажем дипломатично. Поменьше уже похожа рядом с ним на молодую мамочку.

Вадим хмыкнул, живо вообразив Лену со здоровым лбом на руках. Воображаемый Кириллыч с серьезным лицом убрал за ухо прядь длинных темных волос и смиренно воззрился на Вадима глубокими черными глазами.

– Всё Илье Кирилловичу скажу, – пригрозила хихикающая Лена.

Вадим с улыбкой отмахнулся и отключился от общей частоты.

Андрей взмахом руки разметал пирамиду из стульев, неспешно спустился на первый этаж и приложил к турникету порталный крест. Крутящаяся дверь покорно пришла в движение, выпустив его в холл.

Охранник за стойкой не обратил на Андрея внимания. К счастью для себя.

Нечистая сила – вот как твари называют людей. Потому как эти гады внутри местами жидкие, из той же дряни, что и внешние силовые потоки, чистой нечеловеческой природы. Гордятся, значит.

Это Андрей узнал от первого нелюдя, с которым посмертно сроднился через кровь.

– Немного до капли осталось, – сказал Андрей ближайшему подохшему каштану, поправляя крест в кармане. – А потом смогаюсь отсюда в ваш хваленый мирок, уроды.

Вечерело. Зажглись первые фонари, их огни дрожали на поверхности мелкой речки у парка. Вадим стоял у самой кромки и смотрел на воду.

Вода была такой же черной, как Великая Гладь родного мира. Если прищуриться как следует, дворец фигурного катания сойдет за Алебастровый дом, громоздящийся неровными глыбами, наполовину утопленными в Гладь.

Вадим сел на бетонный парапет и закрыл глаза. Вот бы вся людская ссылка для них, малокровных, оказалась дурным сном. Сейчас он откроет глаза и увидит громаду демона-рыбы, извивающуюся над смоляной зеркальной Гладью.

Вадим дотянулся сознанием до стекающих в Гладь ручейков Источника Черных Дев.

– Заберите меня отсюда, сестры, спасите меня, – прошептал он, поддавшись минутной слабости.

– Прости, прости нас, прости, – прошелестели бесцветные бесцветные голоса и растворились в темноте.

Людмила Тюсенкова МЕДИЦИНА

– Вот такая у них нынче медицина... – грустно покачал головой Дмитрий и выпустил струю дыма в прозрачную осень за окном. – Говорит, мол, волны настраивала, ходила к трем бабкам и двум энергологам, глину ела, воду топила из горного льда. Ничего не помогает. И сюда пришла от отчаяния, по большому секрету, чтобы подружки не засмеяли, и муж за мракобесие не ругал. Представляешь?

Собеседник мрачно кивнул.

По серому асфальтовому двору кружились мелкие желтые березовые листья, неспешно бродили плотные сытые голуби, громко переговариваясь между собой.

– Я ей говорю: «Детка, тебе фолиевую пропить надо и бэ двенадцать, но сперва биохимию сдать. В лабораторию придешь с утра, натошак». А она глаза выпучила, побелела, будто я ее ночью на кладбище зову. «А что, – говорит, – без лаборатории никак нельзя?» Стыдить ее, понимаешь, будут, что она по лабораториям таскается. Так и сказала: «Таскается»!

Собеседник вздохнул и закатил глаза. Дмитрий закурил новую сигарету. Помолчал, глядя на голубей и листья.

– Жалко ее, молодая, красивая. Самый возраст детей рожать. Ведь не дадут нормально пролечиться, и правда затюкают. Пришлось хитрить, анализы оформлять как жертву, лечение как ритуал, ну, сам знаешь...

Собеседник поджал губы и покивал.

– В аптеку на Северном отправил ее. Лишь бы доехала, не свернула никуда, там Саня знает, что смешать, чтобы и на зелье было похоже, и состав правильный. Ни одна экспертиза не подкапается. По документам, сплошная органика и гомеопатия. Саня мастер, каких уже нет. Год назад к нему парня отправил с бронхитом, тот потом приходил, благодарил. Говорит, мама у него так и померла от пневмонии, до последнего магниты прикладывали, а всё без толку. И сам подкашливал, а когда мать схоронил – отчаялся и сюда пришел. А ведь мог бы и мать спасти... Эх... – Дмитрий махнул рукой. – Хоть бы эта дошла до Сани, хоть бы пропила всё по рецепту, не бросила на полдороге...

* * *

– Ну что, получилось? – Светка, похоже, ждала под дверью – так быстро открыла. Глаза ее горели любопытством.

Надя молча покивала, глядя на подругу такими же горящими глазами. Зашла в квартиру осторожно, будто несла хрустальную вазу.

– Ну как, как? Расскажи же! Что было-то? Пойдем, все ждут! – Светка вцепилась в нее и поволокла в комнату. Там светился экран включенного ноутбука, три женских лица смотрели из окошечек онлайн-конференции.

– Надя, привет! Как прошло?

– Что-нибудь получилось или глупости это всё?

– Да глупости наверняка... Да, Надь?

– Подождите, – взмахнула руками Надя. – Дайте соберусь. – Она села на диван напротив экрана.

Светка открыла было рот, но Надя снова подняла руку, не давая ей заговорить. Глубоко вздохнула.

– В общем, так. Это работает. Не знаю – как, и не знаю, что будет потом, но у меня получилось. Я всё сделала, как Вадим Николаевич сказал. Нашла заброшку нужную, сверила по карте, кабинет высчитала... Там все эти коробки одинаковые – один бетон и мусор. Голубьями засрано, стекла битые... Хорошо хоть бомжей не было.

– А как ты кабинет вычислила? – донеслось из ноутбука.

– Да сказала же: Вадим Николаевич координаты дал. Он сам, когда ходил туда, привязку поставил, пока... ну...

– Пока что?

– Ну, пока призрак не заметил.

– Господи...

Трое на экране синхронно перекрестились.

Надя перевела дух и продолжила:

– Ну вот, я сделала всё, как Вадим учил: бумажку в круг, сверху миской этой эмалированной накрыла, слова волшебные сказала, позвала три раза...

– А какие слова? – не выдержала Светка.

– Так я тебе и скажу. Я за эти слова пять тысяч отдала, между прочим.

– Да не очень-то и надо, – тут же надулась Светка.

– Ну... в общем, надо имя назвать и сказать три раза: «Я по записи, мое время пришло». Но имя я тебе не скажу, это прямо категорически нельзя! А то больше ни у кого не сработает, и все поймут, что это я выдала.

Из экрана послышалось трехголосое удивленное бормотание.

– Ладно, ври дальше, – дернула подбородком Светка.

– Я не вру, а ты можешь не верить, если не хочешь. Но он появился. И всё пытался бумажку взять. А не мог. Накрыто же. Вот я ему и рассказала все свои проблемы. А он обругал меня и жертву потребовал. Кровь!

Надя сделала страшные глаза, и все четыре слушательницы ахнули.

– Правда?

– Ух ты! Прямо вот кровь?

– Резалась?

– Да капельку всего. Вадим предупреждал, что надо будет. У меня с собой была иголка стерильная. – Надя продемонстрировала подругам уколотый палец.

– Ну, и что дальше? Он тебя вылечил?

– Да щас. Другую бумажку дал. Буквы там непонятные или не буквы вовсе. Наверное, какое-то заклинание. Отправил в одно место, я потом посмотрела – там уже три года нет ничего, один лес. Вадиму звонила, он говорит, надо делать, как призрак сказал, и все получится. Завтра пойду.

Светка протяжно выдохнула.

– Не боишься в лес? Вдруг там тебя бомжи съедят?

– Боюсь. Но очень ребеночка хочу.

Коротко стриженная Юля в окошке конференции покачала головой.

– На что только не пойдешь... А что за бумажку он тебе дал? Покажи.

Надя достала из сумочки файл и бережно извлекла оттуда неровно оторванный кусок бумаги с несколькими неразборчивыми выцветшими каракулями, кажется, даже не русскими. Бумага выглядела хрупкой и старой.

– И что с этим надо делать?

– Ну, наверное, положить под кустик и ждать, что будет, – улыбнулась Надя. – Уж дойду до конца, раз начала всю эту канитель. И да, вот это надо Вадиму вернуть.

Она достала из файла еще более ветхий, почти прозрачный прямоугольничек с едва заметными отпечатанными цифрами и буквами. Светка смогла разглядеть только:

«Т ОН А ПОС ЕН Е АЧА 1.11. 0 .00»

* * *

– Пора? – Дмитрий выбросил окурочек в проем в бетонной стене. Оконной рамы здесь не было, остался только разошедшийся подоконник с голубиным пометом и осыпавшейся штукатуркой.

Собеседник кивнул и указал на центр комнаты. Капелька крови уже впиталась в бетон, а санитайзер, которым был начерчен круг, испарился.

– Все-таки здесь хорошо... Птицы, вон... листья... Может, еще по одной?

Темный силуэт издал тихое недовольное шипение.

– Понял-понял, не ругайся. Нельзя так нельзя. Следующего будем ждать. Нам-то с тобой еще ничего тут, а как Саня выкручивается – ума не приложу.

Молчаливый черный силуэт раскрылся широкими объятиями и поглотил Дмитрия. В пустотах бетонного остова, бывшего некогда поликлиникой, гулял ветер, гоняя желтые листья и голубиные перья.

Михаил Ямской ТРУБИ, АНГЕЛ, ТРУБИ

Славный дом у Нуяха – просторный, крепкий, глубокий. Ни единой щели в стенах, травинку не просунешь. А что на отшибе, то не беда – из деревни, кому надо, сами в лес прибегут, в гости попросятся.

Присев на замшелый валун у двери, Нуях зачерпнул из кожаного кисета сушеных листьев, заправил в рот и принялся жевать, сплевывая и поглядывая на небо. Листья вкусные, забористые, из дальнего овражка, никакая хворь с ними не пристанет. А как ягода в бурдюке перебродит, от гостей отбою не будет.

Тыях точно явится с подарками, а Грушенька, к примеру, и без ягоды что ни вечер тут как тут – спинку ей почешет, то да се, хе-хе. Отчего ж не почесать, хозяйство в полном порядке, и Грушеньке хватит, и на подружек еёных останется. В деревне-то молодые парни, кого ни возьми, безволосые да хилые – ангельский приплод, хлябь твою твердь! А девки, что от ангелов, как раз всё больше наоборот, прям чудеса. Грушенька рогатому на охоте хребет кулаком перешибает, даром что сиськи – во! Ну так кто ж ей там в деревне спинку-то почешет, окромя Нуяха?

Так-то она страшненькая ващет, Грушенька, как и все они – губы на подбородок свисают, нос туда же нацелился... но во всем главном девка девкой и нрав веселый. Погано ей в деревне, не найдет себе там пару... разве что какую другую девку, а это уж совсем срамота! Какая жизнь без настоящего мужика? А ихние эти... цветочки только нюхают, а то еще венками разукрасятся, соберутся в кружок и давай распевать хором по-ангельски – смех один, короче, а не мужики.

Траву еще потому как жрать стали, которая с зерном. От него только живот пучит, от зерна того, а ни силы настоящей, ни мозгов. Хоть бы листья жевали, так нет, тоже ангелы отучили, хлябь твою твердь! Да еще этот огонь ихний, тьфу! Мясо огнем жечь – где ж оно видано? Ты сырую тушку в соленом лимане вымочи, на солнышке распяль, да и храни потом хоть целый год, отрывай по куску да жуй под ягодки. А огнем только лес попалишь, и чем тогда жить, спрашивается? Эх, дела наши тяжкие...

Из зарослей крапивы у дома выглянул кот. Станный какой-то кот с самого утра, встрепанный весь.

– Кыц-кыц, – подмигнул Нуях. – Мышей всех передудил, так и жрать нечего стало? Ничо, погоди, солонинки тебе оторву, полакомишься.

Кот потерся о лохматую ногу хозяина, присел, глянул сумрачно. Полезный зверь кот, ничего не скажешь. Откуда только взялся, сам пришел, и мышей тут же как не бывало! А сколько они до того припасов перепортили, страх – и мяса, и сушеных ягод. Даже в дом, хлябь, забирались, ежели когда дверь оставишь...

За дальними холмами со стороны моря раскатисто грохнуло и гулко завыло, заухало, небо перечеркнула широкая белая полоса. Кот прижал уши и снова порскнул в крапиву. Нуях в сердцах длинно сплюнул темно-желтой жвачкой, обмахнул бороду мохнатой рукой.

С рассвета трубят, хлябь твою твердь, уж который раз! Неужто и впрямь последнее время настало? Хорошо хоть, догадался Нуях с утра Грушеньку запереть, не отпустил назад в деревню, мало ли что... Она и не Груша ващет, но эти их новые ангельские имена, как ни старайся, не выговоришь. А когда спинку ей чешешь, воркует так потешно: «Гру-гру, гру-гру», – иначе как Грушей и не назовешь.

Он повернул ухо к двери, прислушался. Кажись, не блажит, смиренная. А чо блажить-то, когда еды в доме завались и останется – туш рогатых в кладовой висит без счета да еще ягод разных и корешков цельные горы! Валяйся на меховых шкурах да жуй себе в охотку.

Хотя, мож, и блажит, токмо не слышать – дверь-то подогнана впритык, ни щелинки. Ничо, потерпит Грушенька, не впервой.

Вот чего у ангелов не отыметь, делают они всё на совесть! Славный дом, прям не нарадуешься...

Нуях вдруг понял, что бормочет вслух, и сам себе зажал рот ладонью. Про это громко нельзя.

С домом-то оно как вышло, хлябь твою твердь? Пошел отец в лес за корешками, тогда еще в деревне жил, копнул в овражке – глядь, а оттель звонкий камень торчит, гладкий такой, аж блестит, и в самую глубь земли уходит, не вытянешь. Оказалось – труба! Ангелы когда трубят в небе, трубу свою потом бросают, делают себе на другой раз новую, а старую подбирают, чтоб звонкий камень не пропадал. Берегут его, стало быть, и правильно, ценный он, камень. А эта труба, когда с неба свалилась, в землю вовсе с концами ушла, так что и откапывать поленились, а может, просто не нашли, давно дело-то было, когда ангелы еще только поналетели.

Труба длинная, широкая, просторная труба, а стенки хоть и тонкие, как листок, но крепкие – дубиной не прошибешь! Дверь красивая, круглая, с защелкой и ручками что внутри, что снаружи, ни холод, ни ветер не пропустит – сиди да грейся, словно та огненная змеюка в прозрачном ковчежце у ангельского шамана. У других-то в деревне норы простые, земляные, вширь не больно-то выкопаешь – обва-

лится потолок, да и всё. Вот и перебрался сюда отец, устроился насовсем, обжился в лесу.

И как только ангелы в эти трубы свои трубят? Простую-то деревянную, даже самую длинную, какой в прежние времена племя на драку созывали, от соседей отбиваться, ее хоть в руки взять получится, а эта из камня вся и прям громадина – вон, цельный дом из нее вышел! Ангел, он хоть и здоровенный, головы на три выше чело века будет, но всё одно ни в жисть такую не подымет. Всем скопом, что ль, берутся? Чудеса...

Только ежели узнают ангелы про дом, точно заберут трубу назад, к гадалке не ходи. Намедни тут один уже шастал – страхолудный, жуть! Длинный, как жердь, на голове такое круглое и острое, вроде рога, напялено, а морда вся волосней заросла и бородача косичками до... короче, до пупа. Вот только не борода она никакая вовсе! Тыхь сказывал, косички те у них, у ангелов, навроде щупальцев, ну как у морских тварей, что волна по осени на берег выбрасывает. Своими глазами видал Тыхь, как та ангельская борода сама еду брала и в пасть пихала – во как!

Нуях тогда вот так же на камне у двери сидел, листья жевал. Подгребает, значит, тот бородатый – в клешнях своих, как положено, палку длинную держит с горящим угольком на конце – и начинает балаболить по-ихнему, по-ангельски, нараспев. Ну, там, «доброе утро» сперва, это-то ясно – хотя какое оно, хлябь, доброе? – а дальше и не разберешь. У Нуяха сердце в пятки ушло – мало ли, пальнет еще огненная палка, – однако сидит он себе, жует листья, помалкивает. И тут этот ангел наклоняет свой уголек... и как саданет из палки молнией! Только не в Нуяха, а мимо, прямо в дверь. Чуть с камня не свалился тогда Нуях со страху, а потом и вовсе перепугался. Дверь-то хоть и глиной поверху обмазана, но вдруг от молнии глина отвалится, и узнает ангел свой звонкий камень и свою трубу! Однако вроде обошлось тогда. Ушел бородатый, пропал с концами, только загагулина дымная на глине осталась, глубокая, так что дверь заново обмазывать пришлось.

Чудноватые они, ангелы, короче. Так-то, в общем, безобидные, но странные... а еще до баб страсть как охочи... хлябь твою твердь, прям до дикости доходит! Зато когда Яха Злой, прапрадед Нуяха с Тыхьом, застал свою первую жену с ангелом и расколол тому черепушку дубиной, вот ничегошеньки никому не сделали, только пожурили – ну мыслимое ли дело? Чудные, ага.

Нуях зачерпнул еще листьев из кисета, забросил в рот. Кот наблюдал из крапивы, прижав уши, но не выходил, опасался. И правильно: в небе вдруг загрохотало так, что земля дрогнула под нога-

ми, а от рева труб заложило уши. За дальними холмами полыхнуло оранжевое зарево, мигнуло, замерцало грозowymi молниями. С кривой осины поднялся ворон, закружил над домом, закаркал.

Ругнулся Нуях, сплюнул через плечо, медвежий клык, что на шее висел, ко лбу прижал.

Что за дела? Неужто и правда... Еще дед отцу сказывал, что ангелы сильно трубят, когда назад на небо улетают – созывают всех своих, значит. Бывало уже такое давным-давно, а потом всякий раз приходила большая волна! Дед сам спасся одним чудом: на высокое дерево забрался, на самую верхушку, и волной то дерево так и не выдернуло, устояло оно до самого конца. Много дней на ветвях над водой болтался, пока не отхлынула, едва с голоду и жажды не помер, одни листья жевал. При отце большой волны не случилось, а теперь вот... хоть и впрямь на дерево лезь, душа не на месте.

Дом-то зальет, ежели что, хлябь твою твердь, к гадалке не ходи! Мож, и не попадет морская вода внутрь, дверь-то ангельской работы, пригнана на совесть – но воздуху надолго ли хватит? На день-другой, а потом? Потом землю размочит или волнами дом вывернет, и всплывет он, как пустой орех... только не совсем пустой, хе-хе. Тогда-то Нуях дверь и приоткроет... ежели не задохнется до той поры. Так-то отец загодя всё продумал, подкопал трубу с двух сторон, только сверху землю холмиком оставил и повсюду терновником с крапивой обсеял от ангельских глаз. Ну а что еще тут выдумаешь, в самом-то деле? Второй раз, как деду тогда с деревом, едва ль повежет. Волны, они ведь всякие бывают, раз на раз не приходится.

Хотя как знать, может, Тыха и мудрее Нуяха с отцом окажется. Сейчас, небось, уж к облюбованному кедру своему бежит, где на верхних ветвях солонина и бурдюки с водой привязаны. В дом-то к Нуяху идти не захотел, струхнул Тыха. Как тогда они, еще совсем пацанами, на долблёнке перевернулись, так с тех пор моря и опасается. Ну а прочие деревенские – кто в норе решил отсидеться, ежели у кого на холме, кто тоже на дереве, каждый на своем. Ладно, им жить, каждый сам за себя решает.

А может, ничего плохого и не стрясется сегодня, мало ль зачем ангелы трубят. Может, и завтра даже, и послезавтра. Всё будет хорошо: потрубят-потрубят они, да и затихнут... а потом и бражка созреет, и придет в гости Тыха с мясом копченым да рыбкой. От огня с дымом все ж таки толк бывает, кто ж спорит.

Одно только непонятно: зачем тот бородатый дверь огнем закоптил? Может, добро какое сделать хотел, и не надо было евою ту загогулину стирать? Они ж не злые, ангелы, так сразу и сказали, мол, помочь вам, людям, хотим – еще давным-давно, когда только

поселились на своем острове за морем и деревню навещать стали. Кто ж виноват, что толку мало вышло, хлябь твою твердь?

Земля под ногами затряслась, заходила ходуном, уже сама по себе, не от грохота труб. За дальним холмом вздыбилась черная туча и стала быстро набухать, заполняя все небо. Деревья вокруг зашумели, закачались, порыв холодного ветра смял заросли крапивы, пригнул, повалил. Нуях обернулся: кот уже ждал у входа в дом, встопорщив шерсть и став похожим на шар с горящими желтыми глазами.

Рядом с котом, у двери, покрытой еще не просохшей глиной, испуганно жались друг к другу две ободранные лесные кошки.

Нуях озадаченно почесал косматую голову.

– Хлябь твою твердь, ну ты ходок! – Поднялся с валуна, нажал на дверную ручку, и та послушно щелкнула, отпирая вход. – Ладно уж, гостевайте, полосатые, мяса на всех хватит. Пожужим, спинки почешем, а там будь что будет... Эй, Грушенька, ты где? Я дома!

Что ни говори, а славный у Нуяха ковчег.

БЛАЖЕННЫ НИЩИЕ

– Думаешь, обманет?

Седобородый старик помедлил с ответом. Затянулся чилимом, выдохнул пряный дурманящий дым.

– Не должен, – покачал он головой. – Всевышний создал джиннов, когда ложь еще не проникла в мир. Однако ты же сам знаешь: их дары всегда... о двух концах.

По вытопанной глине сельской улочки пронесся вихрь клубящейся рыжей пыли.

– Знаю, – вздохнул путник, невольно оглядев свое тощее жилистое тело в лохмотьях. – Платить я готов. – А что делать? Жена и дети голодают, последней крупы едва хватит, чтобы его дожидаться. О долгах и вспоминать неохота. – Как ты вообще догадался, куда я иду?

– Кровавое полнолуние, – пожал плечами старик. – Да и куда еще? Отсюда один путь. Только я знаю и другое: возвращаются оттуда редко. Богатые еще случаются, а вот здоровых что-то не припомню. Не понимаю, почему – ведь джинны никогда не лгут!

– Да что толку от здоровья, если живот пустой. – Путник снова вздохнул. – Лучше скажи, далек ли туда путь, хватит ли воды.

– Тебе хватит. – Старик окинул взглядом кожаный бурдючок и меч в ножнах, кивнул. – Если рука тверда, а ноги сильные, дойдешь... Но ты перечитай еще раз. Может, передумаешь.

– Да сколько можно читать! Сперва в свитках, теперь здесь... Что зря время терять. – Путник встал и потянулся, разгоняя кровь.

– самого главного обычно не договаривают, – прозвучало вслед.

Он все же задержался у обветренного древнего валуна, торчащего из колючих зарослей песчаной дюны на краю селения. По гладкой иссиня-черной поверхности струилась замысловатая вязь старинных букв:

Кто судьбу проклиняет, несчастлив стократ.

От небесного камня ступай на закат.

Если маешься телом, то станешь здоровым.

Если нищ и оборван, вернешься богат.

Дальней дороги путник не боялся, давно привык к палящему солнцу пустыни и умел обходиться глотком воды. Хуже было то, что идти в этих местах приходилось только днем. Когда темнело, он разводил тлеющий костерок из бурых колючек и спал урывками, время от времени подбрасывая в огонь щепотку сухой травы против злых духов. От стаи летучих упырей одним мечом не отобьешься.

Женщина появилась на закате третьего дня, когда под ногами вместо яростной желтизны песков уже расстился щебень, выбеленный солнцем, а на близком горизонте синели горные отроги. Она шла навстречу, зазывно покачивая бедрами, гибкая и стройная; прозрачная накидка колыхалась на ветру, натягиваясь на острых скалах. Аромат мускуса щекотал ноздри, сводя с ума.

– Иди ко мне! – Белоснежные холеные руки жадно потянулись, алые губы приоткрылись в сладкой улыбке. – Отдохни в моих объятиях, путник!

От неожиданности он пошатнулся, оступившись на горке щебня. Громкий хруст под ногой помог прийти в себя. Меч словно сам собой прыгнул в руку, лезвие замерцало огненными сполохами.

– Прочь с дороги, морок! Рассейся, во имя Всевышнего!

Красотка расхохоталась неожиданно хрипло, оскалив острые клыки. Топнула изящной ножкой, поднимая клубы песчаной пыли. Пошевелила пальцами, и пыльный вихрь собрался в тонкий сверкающий жгут тверже и острее закаленной стали. Однако путник не зря готовился к испытанию. Не успела песчаная плеть взвиться в убийственном танце, как меч просвистел в воздухе, и прекрасная женская головка слетела с точеной шеи в потоках пурпурно-черной крови.

Слетела, но ненадолго. Невероятно вытянувшись, женская рука подхватила ее и нахлобучила на место, затыкая кровавый фонтан. Снести руку обратным ударом или хотя бы отбить в сторону отру-

бленную голову путник не успел – усталость после долгого пути брала свое.

Окровавленное тело гуля почернело и раздулось втрое, покрываясь с головы до ног косматым мехом. Глаза-плошки блеснули свирепым золотым огнем.

– У тебя твердая рука и острый глаз, – опасливо прорычало чудище, уступая путь, – но мы еще встретимся. Когда пойдешь обратно! Я съем твое мясо и выпью твою кровь, а потом обглодаю кости – как у всех остальных.

Мохнатая рука с когтистыми пальцами обвела горы белого щебня, и путник вздрогнул. Только теперь он понял, что шел по раздробленным костям.

Скала джинна оказалась совсем недалеко, по ту сторону костяных россыпей. Серая и невзрачная, она едва выделялась среди других, но чем ближе, тем заметнее делались синеватые отблески из низкого пещерного входа.

Путник сглотнул горькую слюну, распухший язык во рту шуршал, как пересохший пергамент. Нет, пить еще рано, воду нужно прибегать на обратный путь.

Опустившись на колени, он помолился. Встал, обернулся, обводя взглядом зловещие белые холмы, подернутые закатным багрянцем, затем подтянул засаленную кувфию к самым глазам и решительно шагнул в пещеру.

Синее пламя охватило его, закружило, швырнуло кувырком... и выбросило наружу. Проковыляв несколько шагов, он тяжело шлепнулся на камни и забарахтался, пытаясь встать.

– Что с вами, эфенди? Вы целы? – подскочил незнакомец в белоснежной чалме и расшитом золотом халате.

Еще несколько человек, одетых как слуги, подоспели на помощь, подняли на ноги. Тяжко отдуваясь и морщась от боли в боку, путник огледелся.

Скала возвышалась все так же, но без всяких признаков входа – серая и гладкая. Между ней и костяными холмами стоял караван навьюченных верблюдов, рядом толпилась вооруженная охрана. Над дальними горами всходила круглая багровая луна.

В боку вдруг кольнуло так, что ноги снова чуть не подкосились. Мучительная слабость накатывала волнами, сердце бешено колотилось, воздуха не хватало. Путник опустил глаза, но не увидел своих ног: их скрывал уродливо обвисший живот.

– Я... я теперь богат? – сами собой вырвались слова.

Раззолоченный прислужник изумленно вытаращился.

– Конечно, эфенди! Вы уже много лет богаче всех в провинции... Как вы себя чувствуете? Надеюсь, вам лучше?

Джинны никогда не лгут, просто не договаривают. Ну и что, разве он не был к этому готов? Сколько бы ни осталось жить ему самому, детей ждет счастливое будущее. Скорее домой! Доченька... теперь у нее будет приданое!

Последние слова он невольно произнес вслух, и золоченый вытирающийся еще пуще, растерянно переглядываясь со слугами.

– Ваша досточтимая дочь, эфенди, давно замужем!

«Третий раз, – ехидно подсказал хриплый голос в голове. – А сыновья ждут не дождутся твоей смерти, чтобы поделить наследство».

Песчаный вихрь поднялся, кружась на ветру, и осыпался, успев окатить свирепым пламенем золотых глаз.

– Куда эфенди прикажет держать путь дальше? – почтительно склонился караванщик.

– Не знаю... – Путник вновь обернулся к скале, но та выглядела столь же неприступной. Второй попытки не будет – как и сказано в старинном свитке. – Куда-нибудь, – убито пробормотал он, только теперь понимая всё.

Джинны не умеют лгать... но кому нужны их проклятые дары?!

Слуга подвел верблюда с расшитым седлом и заставил опуститься на колени. Большой толстяк шагнул вперед, но вдруг оттолкнул услужливые руки и застыл на месте, угрюмо свесив голову. Затем выхватил из-за пояса широкий кинжал, сверкающий драгоценными камнями, и торопливо, словно боясь передумать, воткнул себе в горло.

* * *

Выброшенный из пещеры могучим пинком, он споткнулся, но все же сумел устоять на ногах. Огляделся – пусто, ни верблюдов, ни людей. Ясное дело – откуда у бедняка слуги? У всего есть цена, джинны не обманывают, но и своего не упустят. Кому об этом знать, как не ему!

Впереди холмы из белого щебня, за спиной все та же скала... только пещеры в ней больше нет. Ну понятно – второй попытки не будет, как и говорил тот книгочей. А зачем? Умному и одной достаточно.

Он с удовольствием окинул взглядом свое крепкое жилистое тело и даже подпрыгнул, проверяя. Ничего не болит, ни капельки! И пускай лохмотья, ведь здоровье – это главное, остальное еще успеем нажить.

Во рту пересохло, он снял с пояса кожаный бурдючок и разом его уполовинил. С удивлением вытянул из ножен меч, неловко повертел в руке. Да это же тот самый, прадедовский, заговоренный, который он продал много лет назад, чтобы добыть денег на свою первую сделку! Столько лет не верил ни в какую мистику, а оно вон как обернулось.

Теперь поживем... да еще и без хищной постылой жены с детишками, которые только и делают, что тянут деньги! Интересно, что теперь скажет тот старик из селения, что бежал за караваном и уговаривал не ехать? Да ну его к гулям!

Здоровый бедняк вернул меч в ножны и решительно зашагал к белым холмам.

ТЫРАБЕЛА

Утренний холодок, как положено, бодрил. Запахнув халат, Павел Евграфович с удовольствием оглядел с крыльца палисадник с гудящими над малиной пчелами, вдохнул аромат цветущих лилий. Блаженно прищурился на солнечный диск, что уже взбирался на небесный купол, но тут же сурово сдвинул брови.

– Эй, Федька!

Угрюмый бородатый мужик, по-медвежьи сутулый, вышел вразвалку из-за хилого деревянного строения с проваленной крышей.

– Чавось, ваш-сиясво? – пробасил он.

– Не чавось, а чего изволите! – гаркнул Павел Евграфович, вконец разозлившись. – Почему свет мерцает? Не звезды, чай, полуночные!

– Так это, барин... скакнули ж мы вчера, конвертёр тово, потек малость... да и трянуло неслабо – вон сортир как перекосило, с самого рассвету правлю. К обеду и солнышко наладим, не извольте беспокоиться.

– Ты гляди у меня!

Павел Евграфович попытлся еще для порядка, но ругаться больше не стал. Чертовы сирийцы мало того что держали монополию на движки, так еще и норовили поставить самые паршивые.

Да уж, ночью пришлось подергаться. Он утомленно зевнул. Конвертор, собака, течет на каждой кротовине! Хорошо, Федька есть. На все руки мастер: и наладить что, и курс проложить. Культуры вот только не хватает, даром что магистр... да что с них взять, с технарей. Зачем им грамота с политесами, знай уравнения решай да на кнопки жми.

Слава богу, сарай уцелел с ценным товарцем! Павел Евграфович даже причмокнул. Нет, лебезейчики эти, конечно, дрянь жуткая, воняют не пойми чем, зато в европах на вес золота. Вроде грибов, в лучших ресторанах их подают, да и не всякий гурман потянет такую роскошь. А гуанодонишки чумазые с Леры уступили, считай, даром – повезло.

Абдулка-посредник уже должен ждать в Гамбурге. Припаркуем усадьбу где-нибудь на побережье за портом и расторгнемся на славу.

Вот только... Павел Евграфович тяжело вздохнул. Если в благородном собрании узнают, беда. Потому и взял он с собой в рейс лишь верного и полетавшего уже Федьку с Анисьей, да и тем не сказал, что к чему, из дома не выпускал, пока с гуанодонами дела вел. Одно дело зерно со своих полей на осенней ярмарке сбывать, и совсем другое – унижать себя торговлишкой, по городам и весям мотаться. А куда денешься? Сынок Коленька в гвардию принят, там одна экипировка чего стоит, да и светскую жизнь вести надо, а у папеньки в сундуках ветер свищет и усадьба – изба избой, пускай еще прадед за взятие Ново-Архангельска получил крест и дворянство.

Теперь растаможка на Сириусе – и домой. Проклятые сирийцы, три шкуры дерут! Ничего, уж скоро конец пути. Земля, прекрасная Земля! *Terra bella*, как называют ее в Галактике – и когда только успели нашей латыни набраться? Уважают, улыбками встречают! Рептилоиды, погань, и те скалятся. Налоги б лучше скинули, дьяволы хвостатые! Одними реверансами сыт не будешь.

Кстати, пора бы и подкрепиться. Павел Евграфович обернулся к двери:

– Анисья, огурцов из погреба достань... и холодец. Ну и это...

Планы завтрака прервал тревожный визг сирены, на который отозвались мычанием коровы из стойла. Поверх ворот вспыхнули алые буквы:

НЕОПОЗНАННОЕ СУДНО!

Федька выронил топор и вопрошающе глянул на барина. Тот со вздохом кивнул:

– Покажи!

Достав из-за пояса пульт, Федька ткнул в него пальцем. Сегмент расписного небесного купола над усадьбой обрел прозрачность, открывая бархатную черноту космоса с россыпями чужих созвездий.

За воротами маячил хищный силуэт крейсера. Из его подтянутого брюха грозно торчал ствол протонного излучателя, похожий на производительное орудие быка Арапа.

– Никак, пираты, ваш-сиясво, – хрипло прокашлялся Федька. – Лучше уж пустить, а?

– Покомандуй еще у меня! – Павел Евграфович задумчиво пожевал губами. Откуда тут пираты? Уверяли, что сектор спокойный...

Думать, впрочем, было некогда: от крейсера уже отделился челнок. Так и есть, пираты: военные даже с торговцами не вели себя так

бесцеремонно. Дождавшись нового хмурого кивка от барина, Федька нажал на кнопку, отпирая шлюз.

Абордажная команда состояла из одного-единственного рептилоида, но зрелище было достаточно жуткое. Зеленый шипастый громил, затянутый в ремни и увешанный оружием, еле протиснулся в ворота.

С подозрением огляделся, повел приплюснутым носом и прямиком, топчя малину, зашагал к сараю, где хранились драгоценные лебезейчики для земных гурманов – изящные спиральные конусы и колбаски в фирменных коробочках с цветастыми наклейками.

У Павла Евграфовича упало сердце. Сойдя с крыльца, он на дрожащих ногах двинулся следом за грабителем, сам толком не зная, зачем. Федька меж тем лишь хмыкнул, глядя на сарай. Ну конечно, ему-то что, холопу! Чай, не его денежки на кону.

Пират распахнул дверь и заглянул в сарай, затем резко обернулся, топорща зубчатый спинной гребень. Павел Евграфович в страхе отступил на шаг.

Р Тырабела! – проскрежетал ящер, ощерив клыкастую пасть... и хрипло расхохотался.

– О да! – просиял Павел Евграфович, ощущая робкое дуновение надежды. – *Terra bella! Terra bella!*

Грубое лицо Федьки вдруг налилось свекольным багрянцем. Сжав пудовые кулачищи, он ринулся к бандиту, но замер на полушаге перед дулом наставленного разрядника. Скаля зубы, рептилоид попятился к воротам.

Р Тырабела! – вновь провозгласил он, сплюнул себе под ноги и был таков.

Челнок понесся к крейсеру, и через минуту пиратский корабль исчез со вспышкой в космическом вакууме.

Чувство невероятного облегчения мигом сменилось у Павла Евграфовича яростным гневом:

– Ты что, очумел? Скотина, холоп, запорю! Он бы нас тут всех по решил!

– Дык... он же... – плачущим голосом выдавил из себя Федька с перекошенным лицом. – Он же как обозвал, г-гад!

– Что? – Барин перевел дух и тонко усмехнулся. – Ну, грамотей! Сказать тебе, что значит *bella*?

– Будто сам не знаю! – скрипнув зубами, Федька кивнул на сортир. – Вот это вот самое, что в яме – на ихнем портовом жаргоне! И в сарае тоже... навалено, только гуанодонское и в коробках – ума не приложу, зачем оно вашему сиятельству. А *тыра* значит «жрать»!

Павел Евграфович долго молчал, потом развернулся и пошел к дому. Уже на крыльце он хмуро оглянулся:

– Ты давай, это... свое дело знай! На Земле разберутся, зачем. У богатых свои причуды.

КРОШКА ЛХУ И КОЗЯВКИ

Небо было тусклым и сумрачным, бескрайний ледяной склон отливало густой синевой в рассеянном свете. Морские бездны еще не пробудились, древние рыбы и черви застыли неподвижно в укромных щелях, рачки и ракушки в своих норах даже не грезили о весне. Рыхлая ледяная кора, так надолго покрывшая планету, уже почти сошла, но главный лед, совсем другой, тяжелый и твердый, спрессованный на дне океанов гигантским давлением соленой толщи, все еще лежал в долинах и ущельях нетронутым сине-зеленым одеялом.

Тишина тянулась долго, очень долго, но вот ее прорезал негромкий треск, и свод пещерки, где спал Крошка Лху, обвалился, засыпав его обломками. Он тревожно забарахтался, продирая глаза и разгребая подтаявшие синие ледышки – и вдруг радостно подскочил на всех щупальцах разом, переливаясь розовым и зеленым. Весна пришла! Весна!

Тут же опасно присев, малыш вытянул голову и заглянул вниз с уступа. В пещере ниже по склону спали мама Лху с папой Лху, а еще глубже, в кромешной тьме ледяного ущелья, пребывал в спячке дедушка. Туда весна еще не скоро доберется.

Крошка Лху нарочно упросил родителей позволить ему зимовать отдельно и повыше – мол, здесь теплее. На самом деле это был единственный шанс проснуться первым и тайком сплавить наверх. Иначе не отпустят одного, а какой, скажите, интерес плестись следом за взрослыми, слушая занудные наставления? Да и времени у родителей вечно нет. А дедушку лучше и не просить: строгий он, хоть и добрый в душе. Самый старый и мудрый из всех лху, его имя известно каждому!

Но почему так темно? Крошка Лху задрал голову и взгляделся. Может, солнце низко стоит? Да нет, вон оно, светлое пятно, бежит в вышине. Ах да, понятно, ведь синий лед на дне уже начал таять, и воды сверху добавилось, свету трудно пробиться. К концу весны океаны наполнятся до краев, сольются воедино, и могучие волны покатаются одна за другой от горизонта к горизонту. Вот еще почему всплывать лучше сейчас: если такая шарахнет о скалу, щупалец не соберешь.

Была и еще одна причина: воздушные козявки. Зимой, когда почти вся вода в океане сжимается в тяжелый донный лед, они всюю

плодятся на обнажившейся суше и строят себе высокие жилища из камней и деревьев. Красиво, даже папа с дедушкой хвалят – надо же наконец увидеть и самому! К концу весны, а то и раньше вода поднимется и все затопит, а волны еще и разобьют на мелкие кусочки, так что для осенних штормов уже и работы не останется.

Надо спешить, пока все спят!

Он оттолкнулся от уступа и поплыл вверх по склону, стараясь все же подниматься медленно – иначе закружится голова. В проталинах уже потихоньку пробуждалась жизнь: посверкивала многоцветьем рыба мелочь, сновали рачки, личинки крабов и прочие ползучки, кое-где уже пробивались ростки водорослей. Чем выше, тем жизни больше, а на мелком шельфе она не замирает даже зимой.

Жаль, настоящей дичи еще не найдешь. Ближе к лету выйдут из спячки на глубине пузатые чешуйчатые ящеры с острыми гребнями и длинные морские змеи, что лежат пока что во льду, обвинившись вокруг острых скал. Тогда папа отправится на охоту... Крошка Лху мечтательно зажмурился. А вдруг на этот раз возьмет и его?

А сейчас... Он снова задрал голову. Так и есть! По светлой поверхности воды, оставляя волнистые следы, двигалась цепочка продолговатых силуэтов. Киты!

Опасливо глянув за спину – достаточно ли далеко отплыл? – он выпятил клюв, выставил вперед щупальца – и загудел, завибрировал всем своим маленьким телом, выпуская зов:

– Лху-у-у-у! Ух-ху-у-у!

Эх, слишком громко нельзя, родители проснутся. Тем не менее точно нацеленный звук зацепил одного из китов, и тот завертелся на месте, корчась в судорогах, а потом стал тонуть. Маленький лху подоспел вовремя и ловко подцепил падающую тушку. Откусил сразу половину и с аппетитом зачавкал, всасывая густую красную кровь. По телу расходилось приятное тепло. Весна!

Скорее! Выше, выше!

До поверхности оставалось совсем немного, толща воды мерно колыхалась – наверху штормило. Спрятав в складках кожи недоеденного кита, он поспешил дальше вдоль склона.

И вскоре понял, что опять опоздал.

Крутой подъем сменился пологим шельфом, но не пустым, заросшим водорослями, как обычно. Еще недавно здесь жили козявки! Кривые зубья обрушенных стен, поваленные колонны... Искоренные конструкции с разбитыми прозрачными панелями торчат в разные стороны, словно голые черные ветви погибших кораллов. И повсюду жалкие крошечные скелетики, похожие на рыбы – придавленные камнями, обгрызенные крабами.

Всю красоту успело затопить! Стоило ли ради этого провести всю зиму в одинокой неуютной пещерке?

А только, если вдуматься, зачем нужна красота, если она не вечна? Поглядел и забыл. То ли дело океан, особенно весной! Весна приходит из года в год, без обмана.

Вообще-то, эти козявки бывают даже опасны. Когда разведется их слишком много, перессорятся да как начнут между собой воевать! Вынырнешь неосторожно и получишь огнем и дымом прямо в физиономию – мало не покажется. А иногда успевают так развоеваться, что могут и серьезно покалечить. Папа говорит, они вообще вредные, отравляют воду. Когда попадают, топят их кораблики, а дедушка как-то раз обрушил целый остров! Мама даже плакала тогда потихоньку.

Конечно, хоть и вредные, а козявок жалко. Живут-то всего ничего – сколько поколений сменится за одну только зиму, и не сосчитать. А тут новое половодье – и начинай строить все сначала! Такого и врагу не пожелаешь. Вот научились бы дышать в воде, другое дело... да где ж им научиться, бестолковым.

А в следующий миг Крошка Лху увидел такое, что чуть не умер от страха. С трудом удерживаясь, чтобы не пуститься наутек – разве тут убежишь! – он сжался в клубок и зажмурился, побелев от клюва до последней присоски.

Издали, с возвышения среди развалин, раздувшись от пунцово-ярости и воинственно протянув щупальца, ему грозил... сам дедушка!

Вот только странно... Крошка Лху чуть отодвинул щупальце и глянул одним глазом, потом другим. Развернулся и посмотрел обоими.

Да нет же, дедушка совсем близко! Но тогда почему он такой маленький? Не может быть!

Ах вот оно что! Подплывем-ка еще ближе.

Посреди площадки, выложенной белыми плитами, возвышалась темно-красная скала, а верхушка ее была вырезана в виде рассерженного старого лху. Вроде того как мама иногда вырезает фигурки для бус из кораллов, но здесь работа куда сложнее! Каждая черточка передана один в один, каждая присоска, даже морщинистая кожа и чуть обвисшие складки вокруг клюва и налитых гневным пурпуром глаз. Потрясающе!

Крошка Лху невольно усмехнулся. Понятно, почему дедушка тут злой – ведь только таким его козявки небось и видели.

Нет, но какие мастера! Пожалуй, все же стоило проснуться так рано.

За развалинами начинался лес. Вернее, чаща из обломанных пней, а сами стволы и ветви когда-то росших на воздухе деревьев

плавали наверху, колыхаясь вверх-вниз уродливой кашей. Штормовые волны поработали на совесть. Чтобы не продираться сквозь мусор, Крошка Лху не стал приближаться к самому берегу и всплыл раньше. Раскинул щупальца по сторонам и завис у самой поверхности, мерно поднимаясь и опускаясь вместе с водой и выставив наружу только глаза.

Однако предосторожности оказались излишними. Берег был пуст, да и мало кому пришло бы в голову оставаться здесь в такую погоду. Волны накатывались одна за другой, обрастали пенными гребнями и с грохотом обрушивались прямо в древесную мешанину, перемалывая ее в щепки. Если кто из козявок и выжил, то прячется дальше – там, где за черными скалами вздымается в облака высокая гора.

Интересно, что останется от этой горы, когда на дне растает весь тяжелый лед, океан разбухнет вдвое и волны заревут, набирая полную силу? Хорошо если маленький островок. Как найдут тогда пропитание остатки козявок на голых бесплодных вершинах?

С сожалением глянув на огрызок кита, он откусил еще кусочек – совсем маленький! – а остальное, размахнувшись, зашвырнул подальше в лес. Пускай хоть напоследок перекусят, бедолажки... И как они только до сих пор не вымерли все до единой?

Внезапно океан вокруг дрогнул и запенился, всё тело ощутимо трянуло.

Папа зовет! Сейчас будет ругать...

Крошка Лху сжался, подбирая щупальца, и кувырком ушел в глубину. Задержался лишь на миг, чтобы отломить и взять с собой верхушку красной скалы с резной фигурой.

Может, дедушка Кту, когда проснется и увидит ее, не будет больше так суров к несчастным козявкам.

Николай Лебедев СОСЕДИ

Р

Над селением занималось осеннее утро. Все приготовления были завершены: лошадь запряжена, обменный фонд в виде ящика с банками маринованных белых грибочков и нескольких мешков с молодой картошкой аккуратно уложены на телегу. Не хватало лишь одного: команды старшего – его Учителя.

– Ратмир! Опять ты всю сбрую запутал, непутевый. Элементарное же дело, разве трудно научиться? Что в последнее время с тобой происходит? – Учитель нахмурился и провел ладонью по лицу, отгоняя остатки минувшего сна.

«Откуда я знаю? – подумал Ратмир. – Что-то заволкло глаза. Дичь какая-то привиделась...»

А привиделось ему, что он едет в какой-то диковинной длинной колеснице. Кажется, в давние времена это называлось поездом. Ему неуютно и тревожно: все сидящие рядом люди поголовно в масках, закрывающих нижнюю часть лица. Всего лишь миг, и наваждение пропало. Тревога осталась. Учитель об этом рассказывал месяц тому назад, о поездах и прочих бесполезных теперь механизмах. Обещал устроить Ратмиру экскурсию на это кладбище машин:

– Тебе в будущем не помешают лишние знания. Что я говорю! На поверку лишних знаний никогда не бывает. Убедишься воочию, каких технических высот достигли когда-то наши с тобой предки. Да и статус у тебя сейчас высокий – Ученик. Необходимо ему соответствовать, преемник.

Увидеть на этой свалке что-либо путное Ратмир не надеялся. Все там давным-давно проржавело насквозь. Однако обижать старого человека отказом он не мог. Тем не менее все это были далеко идущие планы, а сегодня ему предстояло множество иных дел. Во-первых, необходимо сгонять на телеге в соседнее селение. Там для них с Учителем изготовили из металлического хлама нужные детали. Во-вторых... В-третьих...

«Еще чуть-чуть, и машина будет готова. Наставник говорит, что она будет быстрее лошади. Что-то мне в это не особо верится».

Я

Ярослав ехал на работу. Сегодня ему не повезло – вагон опять попался старый. Этот вагон несли в компании с восьмью такими же по тоннелю метро, противно и громко свистел тормозными колодка-

ми и сильно раскачивался из стороны в сторону. В такт с этой качкой мотались головы немногочисленных пассажиров, сидевших через одного, а иногда и реже. Те из них, кто не уткнулся в свои гаджеты, самозабвенно спали.

«С этим надо что-то делать... Просыпаться раньше, тогда и повозка тебе достанется согласно статусу».

Последняя мысль была явно не его, а того, кто до сих пор сидел в голове. Ярослав поспал бы сегодня на пару часов подольше. Досмотрел бы очередной захватывающий сон, в котором он – важная «шишка» в мире сновидений...

Он попытался встряхнуться.

«Понедельник, будь он неладен! Нет, работать надо начинать со вторника – это неоспоримый факт».

До сих пор страшно хотелось спать. Не помог ни утренний душ, ни крепкий кофе... Мерещилось какое-то село и прелестная Велена – внучка Учителя.

«Чушь какая-то в голову лезет! Какая Велена? Какой Учитель?»

* * *

– Ты кто? – спросил его накануне отец.

По воскресеньям Ярослав навещал родителей, живущих по соседству. Не был исключением и вчерашний день. Когда он пришел, отец только что проснулся. Это в двенадцать-то часов! Он сидел на диване и с удивлением смотрел на Ярослава. Его явно что-то беспокоило.

– Сын твой, – автоматически ответил Ярослав пожилому человеку. Больному, страдающему типичным в этом возрасте недугом – частичной потерей памяти.

– Мне кажется, что тебя подменили. – Отец внимательно разглядывал Ярослава подслеповатыми глазами.

Странное что-то с ним творится, думал Ярослав. Отец никогда так долго не спал. Выпив в шесть часов утра свой традиционный кофе, он начинал шуршать старыми газетами, восстанавливая память. Необычная сонливость напала на него два дня назад. И снилось ему что-то странное – то он за грибами ходит, то на рыбалку... Среди развалин, поросших вековым лесом...

* * *

Ярослав вышел из автобуса и направился к зданию института, утопающему в зелени загородного леса.

– Сегодня мы с вами займемся расчетом завершающей стадии эксперимента с сильноточными пучками протонов. К концу дня мне нужна красивая финальная модель, – без вступления начал руководитель, не давая Ярославу ни минуты, чтобы настроиться на работу:

шум метро, автобуса и загадочные видения все еще преследовали его.

«Ага! Займемся! Это в данной ситуации означает, что расчеты буду делать я. Ванька точно не будет. Он говорит, что у него после этого мигрень. Хитрые черти, свалили все на меня! Делать нечего, будет вам красивая модель!»

Ярослав обреченно пнул ножку стула, на котором восседал ухмылявшийся Иван, поднялся и направился готовить кофе. Выпить его сегодня предстояло немерено.

Месяц назад их отдел получил грант от заморской организации на создание модели этого самого эксперимента. Как получил? Загадка. Шеф молчал, а им, его подданным, было фиолетово. Главное тут – зарплата и премии. А они всех устраивали более чем.

Ближе к обеду Ярослав все-таки заснул. Ловко запущенная им программа завершила очередное вычисление, мозг возрадовался успеху и решил сделать заслуженный перерыв.

R

Сегодня Учитель говорил о далеких временах. О катаклизме, который чуть было не погубил всю планету. Что тогда произошло, Ратмир знал лишь понаслышке. Теперь вот узнал кое-какие подробности, но ничего из сказанного не понял. Как, впрочем, этого не понимал и его наставник.

– И что, никто не знает, что стряслось? – спросил Ратмир.

– Никто. Слишком внезапно это случилось. На, если хочешь, сам посмотри.

Учитель вытащил из стола артефакт – настоящую тетрадь и протянул ее Ратмиру.

– Записи каким-то образом связаны с катастрофой, – пояснил он. – Если разберешься в них, обещаю тебе бочонок пива.

– А где вы их взяли?

– Задумали расширить наше хозяйство, разобрали завалы. Под ними нашли старинный сейф. Вскрыли, а там – тетрадь. Похоже, на этом месте в древности ученые работали. Дерзай!

– В сейфе больше ничего не нашли? – Ратмиру вдруг нестерпимо захотелось пива.

– Нашли, но эту информацию сейчас вряд ли кто сможет прочитать. Пластиковые носители. Раньше это называлось электроника. Однако я могу и ошибаться.

Листы потрепанной временем тетрадки были испещрены непонятными Ратмиру закорючками.

«Формулы», – догадался он.

И лишь на последней странице шел нормальный текст.

«Ни в коем случае не повторяйте моей ошибки! – было написано там. – Никогда не воплощайте мои идеи в жизнь! Хотел сжечь эти расчеты, но вовремя одумался. Вдруг кто-то в будущем пойдет моим путем. Так вот, этот путь ошибочен!!! Ни к чему хорошему он не приведет! Все, писать больше не могу. Везде горит. Нашей Великой Империи, соединяющей четыре океана, больше нет. Нет у нас больше привычного мира. Разрушен».

«Вот же интриган мой Учитель! Знает же, что ничем не рискует. А я уже размялся! Не видать мне пива».

Прочитанный на последней странице текст сильно взбудоражил Ратмира, накрепко застряв в глубинах мозга.

Я

Неожиданно Ярослав вздрогнул и проснулся. Он сидел за своим рабочим столом.

Из головы не выходили страницы тетради, которые он только что видел во сне.

«Формулы! Это же мои формулы, которые я только что преобразовал в изящную модель эксперимента! Чудеса».

Фотографическая память, которой Ярослав всегда гордился, восстанавливала сейчас все фрагменты сна. До мелочей.

«Нет, не моя. Многие знаки и математические символы мне неизвестны... Хотя сути это не меняет».

Страшная от безысходности запись на последнем листе тетради засияла перед его еще сонным сознанием:

«Нельзя!»

«Что же мне делать? Странное предупреждение! Мистика».

Ярослав пребывал в полной растерянности до тех пор, пока дверь в их с Иваном кабинет не распахнулась. В дверной проем буквально ввалился Шеф. Был он зол и буен.

– Сволочи! Чтобы я еще раз связался с этими американцами!

– Боюсь спросить... Что случилось? – Ярослав уже был в кабинете один. Его коллега, почуяв неладное, секундой назад незаметно просочился за спиной матерящегося начальника в раскрытую настежь дверь. И растаял за ней в бесконечности.

– Зарубили! Грант наш отозвали, вот что случилось! Санкции, видите ли!

«Вот и разрешилась моя фэнтезийная ситуация... Ну и черт с ними, с деньгами! Всех денег все равно не заработаешь. А вообще, странно все это...»

ЯР

– Порядок! Источник угрозы ликвидирован в зародыше. Еле-еле мы с вами успели. Пришлось слегка поманипулировать в их реаль-

ностях. Адаптировать языки так сложно!.. Некоторых случайных свидетелей немного зацепило, фокусировка-то у нас слабенькая. Сейчас синхронизация реальностей полностью восстановлена. – Техник по управлению структурированной энергией победоносно взглянул на своего руководителя.

Главный Хранитель Информации облегченно вздохнул:

– Слава Великому Сознанию! Не хватало, чтобы опять все повторилось. – И добавил: – Два раза на одной и той же планете – это уже перебор.

– Но в разных реальностях, Шеф... Вспомнили дела минувших дней? Виноват, проспал тогда. Сны снились просто фантастические! И еще: не могу же я в каждый земной компьютер заглядывать. Во всех реальностях! Сообщения об этом открытии у них тогда были? Не было!

– Ладно, не гунди. Фантастические! Трепач. Как, кстати, их соседи из той реальности, которой не повезло?

– Восстанавливаются помаленьку. Скоро паровые машины начнут строить.

– Понятно. Значит, лет двести – триста в запасе у нас есть. Не прозевай на этот раз!

– На этот раз не прозеваю... Шеф, как вы думаете, они будут вспоминать о случившемся?

– Не думаю. Так, иногда. В своих снах.

Роман Фомин ХРОНИКИ СЕКУЛЯРНОГО МИРА

Главы из романа

Станция Ямато

Его фигура вырисовывалась черным силуэтом на фоне панорамы за стеклом. Над бугристыми плечами, меж натянутыми эполетами лоснящегося темно-синего пиджака, шишкой выступала бесшьяя лысая голова. Свет в помещении был неярким – зеленоватые люминесцирующие швы вдоль стен и потолка распространяли тусклое мерцание.

Она подошла, семена, наклонив голову в учтивом поклоне. На ней было традиционное узкое кимоно-юката с воротом, открывающим шею, свисающими квадратными рукавами и широким поясом.

Встала чуть поодаль. Он не обернулся, продолжая смотреть в марево за окном.

– В комнате посветлело, когда вы вошли, – сказал он. – Вы такая белокожая. – Вероятно, увидел отражение в стекле.

– Спасибо. Это аугментация, – пояснила она негромко. – Специальный отбеливающий фермент. К вашим услугам, Накамура-сан.

Он продолжал вглядываться в окно.

– На эту картину можно смотреть бесконечно.

За стеклом, если только можно было назвать стеклом усиленный прозрачный плексиглас, выдерживающий титаническое давление, разворачивался зеленовато-матовый пейзаж.

Округлые постройки, щетинясь лучами прожекторов, точно липы разместились среди разноуровневого ландшафта. Меж ними беззвучно, словно в кинотеатре не работал звук, перемещалось множество разноразмерных округлых капсул – сплюснутых и вытянутых. Впрочем, хаотичным движение казалось только на первый взгляд. В действительности оно подчинялось строгим правилам. Направления было четко выверенными – параллельными и перпендикулярными. Крупные эллипсоиды двигались ближе ко дну; в верхнем эшелоне неслись на большей скорости мелкие шарообразные кабины, оставляя едва заметный трассирующий след. Тут и там медленно плыли вверх гроздь пузырей.

Она деликатно ждала, соединив перед собой маленькие белые ладони.

Он подал голос:

– Наши предки когда-то смотрели так в звездное небо. А мы теперь смотрим в толщу океана.

Подобный гигантской грибнице подводный комплекс Ямато вытянулся подковой на пологом уступе Японского желоба, на километровой глубине. Второй подводный город – Идзумо, скрытый кряжами и отрогами желоба, располагался в нескольких километрах к югу.

Вид из окна ее не интересовал, однако из вежливости она попыталась проследить за его взглядом.

Несмотря на пространную панораму, открывающуюся с верхнего этажа, взгляд не цеплялся ни за что определенное. Броуновское движение в театре глухих. При всей его интенсивности отсутствие звуков давило на уши. Все что выпадало из размытых конусов света, дифрагирующих, интерферирующих, проглатывала пустота и тьма.

Она вообще не любила наблюдать за движением в воде. В памяти ее неизменно всплывали многоярусные залы по выращиванию эмбрионов корпорации «Мэцукэ». Скрученные тела почти неподвижно висят в капсулах с желто-красной амниотической жидкостью. Полумрак, тишина. Эмбрионы с особыми модификациями ДНК словно в сильно замедленной съемке изменяются на глазах. Наблюдать за такими было еще страшнее. Время там замирало, загустевало, точно студень.

Взгляд ее на миг затуманился, и тут же она зафиксировала укол сканера. Следом внутренняя система безопасности передала попытку проникновения.

С учетом параноидального экранирования и шифрования коммуникаций в доме Суитицуки, а также дотошного сканирования посетителей на входе, Накамура-сан был оснащен по последнему слову техники.

Опознанный тип сканирования – возбуждение нейронных связей. То есть в виде обрывочных визуальных форм он увидел, о чем она думала. Такое чтение требовало колоссальных энергетических и вычислительных затрат.

Гость повернулся и поклонился. Массивная нижняя челюсть и выпуклый торчащий лоб с надбровными дугами. Словно застарелые пласты гриба-трутовика на дереве. И неожиданно яркие, живые глаза – карие радужки с зелеными прожилками. Возраст неопределенный.

– Задумался над картиной за окном, извините, – сказал он. – Не могу сказать с уверенностью, с вами ли здоровался на первом этаже. В доме Суитицуки, говорят, все на одно лицо. На всякий случай, здравствуйте, Кагуя-химэ.

– Все в порядке, – вежливо ответила Кагуя. – В доме Суитицуки деликатность и комфорт клиента прежде всего.

Снова укол сканера. Что ж, в эту игру можно играть вдвоем. Идентификация гостя по внешним данным не дала результата. Внутренние электрические и химические сигналы зашумлены, меньше-го она и не ждала. Кагуя передавала в систему вторичные паттерны – мимику, манеру изложения, сарказм.

– Вы знаете, я уважаю научный прогресс, – продолжил он. – Однако эксперименты с геномом корпорации «Мэцукэ» мне не по душе. Я, разумеется, отдаю себе отчет, что во многом благодаря корпорации «Мэцукэ» мы выжили глубоко под водой. Но их химеры последних лет просто ужасающи.

Яркие радужки вперились в нее, отслеживая реакцию. Генно-модифицированных эмбрионов корпорации «Мэцукэ» он явно разглядел в ее мыслях. Выражение лица Кагуя не поменялось.

– Я слышала точку зрения, – учтиво ответила она, – что главные причины страха коренятся в манере человеческого восприятия. Мы привыкли к свету и предложенной эволюцией гуманоидной форме. Темноту и очертания, непохожие на нас, мы считаем уродливыми и пугающими. Однако теперь мы живем на дне океана, где наиболее подходящей была бы форма глубоководных слизней...

Интеллектуальная нейронная сеть обрабатывала информацию, включая в поиск замечания, словарный запас, потенциальные интересы. Подделывать внешние данные было легко, но нельзя подделывать образ мыслей. Дом Суитицуки пользовался самой современной системой распознавания личности, имея доступ ко всем закрытым базам данных безопасности.

– Под эту логику ведь крайне легко подтянуть любую евгенику и геноцид, не так ли? – подхватил он.

След Накамуры-сана обрывался в порту, куда он прибыл из Идзумо. Словно до того его вообще не существовало. Очевидно, подставная личность.

Бинго! Идентифицирован. Наиболее вероятное совпадение – Казуо Васанабэ, фрилансер-наемник. Хакерство, проникновение, взлом. Вольнолюбивые взгляды неоднократно высказывались на научных конференциях и в сетевых форумах. Активный сторонник возвращения на поверхность. Наступил на хвост паре больших корпораций. Вознаграждение за поимку живьем более чем щедрое.

Новый укол сканера.

– Не бойтесь того, что отыщете, Кагуя-химэ?

– Нет, – коротко ответила она.

Панели на боковых стенках комнаты беззвучно расползлись в стороны, и в комнату вступили еще две Кагуи. Розовые кимоно-юката, пояса, мраморно-белые лица с подведенными красным глазами под пышными прическами. Ладони покладисто сложены перед собой.

– Что ж, вижу, слухи о доме Суитицуки правдивы, – Накамура блеснул белыми зубами.

Кагуя-химэ вытянула к гостю ладонь в приветственном жесте. Изящный запястно-пястный сустав разошелся, обнажив металлическую изнанку, из центра которой выступил тонкий стержень. Почти сразу же прозвучал приглушенный треск, и парализующая молния костлявой нитью протянулась к Казуо, блокируя нервные окончания и нейтрализуя аугментации. Следом протянулись вторая и третья. Кагуи-клоны одинаково вытянули руки, словно приветствуя гостя. Он дернулся, крепясь, потом тяжело опустился на одно колено. Новый спазм – и Казуо, потеряв сознание, грузно рухнул навзничь.

Дело сделано. Кагуя отправила уведомление о поимке Казуо Васанабэ в систему регистрации заказов для охотников за головами. К подтверждению прилагалась видеозапись захвата.

Ответ поступил почти мгновенно:

«Вознаграждение будет переведено на счет исполнителя по доставлению тела объекта».

Подпись: «Казуо Васанабэ».

Стоп. Какая-то чушь. Казуо не мог заказать сам себя.

Следующее сообщение:

«Вы прошли проверку, Кагуя-химэ. Буду в доме Суитицуки завтра в 8:00, чтобы обсудить заказ. Считайте сумму за мою поимку задатком. Казуо».

Ангара

Стояла ночь, завораживающий зимний сумрак. Небо заслоняло тяжелое пухлое покрывало туч. Такую плотную пелену облаков не просвечивало даже дневное солнце, когда описывало над горизонтом низкую зимнюю дугу.

Кайрос шел, методично переставлял ноги, разгребая ровный рыхлый снег. У него за плечами возвышался бочкообразный, плотно прижатый к спине рюкзак одного серебристого цвета с комбинезоном. От Кайроса в чащу убегала цепь следов: две борозды с провалами ступней. Далеко позади, на лесной плеши, тлели почерневшие остатки параплана.

Мимо плыли согнутые тяжелым инеем ветки деревьев и сгорбленный дырявый кустарник. В черной вышине порывистый ветер ворошил колючую шапку елового леса.

Четверть часа спустя Кайрос вышел к краю леса. Деревья здесь расступались перед спуском к реке. Длинные ветки раскачивались из стороны в сторону, будто махали кому-то на невидимом другом берегу.

На короткий миг он оглянулся: сенсоры уловили движение в чаще. Никого, только двойная кусочно-непрерывная полоса следов во мраке. Кайрос проверил датчики. Температура снаружи: минус двадцать шесть по Цельсию. Температура внутри. Состав воздуха. Уровень заряда батарей.

Он сделал осторожный шаг, другой, выступая на открытую местность. Поднял голову, всматриваясь в плотное одеяло туч. Посторонних объектов нет. Еще шаг.

Едва выступив из-под защиты леса, Кайрос почувствовал, как ветер ощутимо толкает его в правый бок. Длинная ветка, качнувшись, погладила его по рюкзаку, словно пытаясь удержать.

Навигационный прибор показывал, что до пункта назначения два километра. Кайрос меланхолично проверил лямки рюкзака, ремни на поясе и предплечьях, и начал спускаться.

К деревне он вышел со стороны реки. Рядом с берегом лежали выставленные на полозья перевернутые лодки, занесенные снегом, словно замерзшие черепахи. Он двинулся вверх по заледенелой дорожке, подгоняемый свистом ветра. Задиристая поземка то догоняла его, то, внезапно устав, припадала к земле. Кайрос шагал, штанины терлись друг о друга и тихо шелестели, как и рукава теплоизоляционной куртки. Вжик-вжик.

Из-за поворота, у съездившихся зарослей рябины, над снежным валом показалась расческа штакетника. Кайрос остановился и повторно основательно просканировал местность. В деревне наверняка есть живность, собаки. Они не дадут ему войти спокойно, станут лаять, поднимать шум. Требовалось максимально подготовиться к тому, что его заметят.

Первым делом он проверил тяжелый, закрытый мягким кожухом прибор на правом предплечье. Отстегнул капот, провел пальцами по панели, открывая зеленую голограмму состояния. Из рюкзака за спиной донесся тихий хлюпающий звук. По лицевой маске Кайроса на уровне глаз побежали цифры. Времени достаточно, но нужно поторопиться.

Он размеренно вышел на широкую улицу пустынной, точно вымершей деревни. Головы он не поворачивал, однако сканеры послушно пронизывали покосившиеся заборы, ворота, бревенчатые срубы и выцветшие бараки силикатного кирпича. Отдельные здания были заброшены, тянули в небо почерневшие стропила, смотрели

укоризненно пустыми глазницами окон. Ветер волок по дороге меж сугробами поземку. Сканер засек собаку. Еще одну.

Кайрос остановился у низкого дома под двускатной крышей, с парой узких прямоугольных окон. Из кирпичной трубы тянулась тонкая струйка дыма. На одной стороне крыши чернели солнечные зарядные панели: снег на них не задерживался. Ворота чуть приоткрыты, связаны металлической цепью.

Сенсоры показывали, что за воротами стоит угловатый, старенький, промерзший насквозь электроболид. За болидом – сдвоенный отапливаемый сарай с живностью: куры, корова. У крыльца – конура, в ней свернувшийся калачиком крупный мохнатый пес на цепи. Не спит.

Войти в дом полагалось без шума. Этому препятствовали засов на глухой калитке и цепь на воротах. А также пес, который поднял голову и прислушивался к вою ветра.

Кайрос шагнул к приоткрытым воротам, протянул правую руку к свисающей цепи. Из агрегата на предплечье выдвинулись металлические стержни. Тонкое шипение плазмы – и цепь распалась, он едва успел подхватить концы, чтобы не брякнуло.

Аккуратно, стараясь не шуметь, Кайрос потянул створку ворот, собирая волну снега. Морозные доски предательски скрипнули. Кайрос осторожно шагнул во двор. Оперся о вытянутый угловатый нос болида, засыпанный снегом, протискиваясь к тропинке.

Звякнула цепь. У самого крыльца его ждал огромный косматый пес.

Зверь опустил голову, морща черный нос и обнажая клыки, готовясь к прыжку. Звук, что он издавал, не был рычанием – скорее, раскатистое утробное рокотание.

Кайрос отреагировал быстро. Выброшенная рука – и парализующие лучи впилась в собаку. В морозном воздухе блеснул разряд, бегущий по едва видимым проводам. Пес рухнул как подкошенный, где стоял, словно под фигуристом-новичком разъехались коньки.

Растрепанная крупнотелая Пелагея в необъятной мешкообразной ночнушке едва продрала глаза ото сна. Протерла лицо сухой ладонью. Она спала на раскладном диване в углу просторной комнаты, занимающей все пространство сруба. В соседнем углу высокий шкаф отгораживал низкую лежанку, на которой похрапывал Василий. К противоположной стене примыкала массивная беленая печь. В доме царил сумрак: свет едва сочился из отороченных изморозью окон.

Ей померещилось, что хлопнула дверь в сенях, и у порога кто-то копошится. Она приподнялась на локтях. И правда, у двери шевелилась темная фигура. Не совсем отдавая себе отчета, она села на диване, откинув одеяло. Спустила полные ноги на пол. Потянулась и щелкнула выключателем. В комнате вспыхнул свет.

Фигура у двери замерла, потом выпрямилась и повернулась. Перед Пелагеей предстал высокий, под потолок, человек в светло-сером комбинезоне, перетянутый ремнями и увешанный устройствами. Правую руку выше запястья накрывала массивная панель, охватывающая предплечье целиком. На груди и у пояса висели черные плоские приборы, похожие на рации. Левое плечо венчала черная округлая башенка, точно перевернутая чашка, с поблескивающим глазком камеры. Голова с прозрачной лицевой маской укрыта капюшоном. Под массивными ботинками на толстой подошве набегали лужицы талого снега.

– Кто таков? – спросила Пелагея, морщась.

Незнакомец произнес что-то на неизвестном языке. Пелагея нахмурилась. Рука сама собой потянулась под подушку.

– Кто, говорю, таков? Не разумеешь по-нашему?

Тот помедлил секунду, беспомощно глядя на нее из-за маски.

– Здравствуйте. – Голос у него был ровный, словно безжизненный. – Извините за вторжение.

Только сейчас Пелагея обратила внимание на то, что у его ног, прислоненный к полке для обуви, стоит большой бочкообразный рюкзак и лежит огромный пес.

– Кто таков будешь? Откуда явился? А Полкан чего разлегся? Вот еще охранничек. Уснул, что ли?

Незнакомец повернул голову в направлении ее взгляда.

– Да, спит. Я его временно оглушил и принес сюда, чтобы не замерз. Проснется через два-три часа. Я к вам ненадолго.

Голос звучал сухой констатацией. Без эмоций, почти без интонации, с четкими слогами.

Он снова согнулся, повернувшись к рюкзаку. Послышались звуки расстегиваемых лямок и замков.

Василий за шкафом гулко хрипло вздохнул и поднял голову. Заросшее лицо с глубокими рытвинами, как на поломанном кирпиче, повернулось к Пелагее. Та осторожно тянула из-под подушки продолговатую засаленную рукоятку. За ней показалась колодка с предохранителями, пока не выбрался целиком почерневший обрез двустволки.

В это время незнакомец закончил возиться с ляжками, откинул чехол, и над рюкзаком возникло облачко пара. Пахнуло словно бы парным молоком.

– Чего это? – пробормотал Василий, со скрипом поднимаясь на лежанке.

Заметив предостерегающий взгляд жены, он замер. Голова его с непропорционально большим лбом, выпуклыми глазами и мочалкой-бородой в пол чуть потрясывалась над худыми плечами. Он едва слышно присвистнул. Ружье Василия висело на вешалке, как раз за копошащимся в рюкзаке неизвестным.

Кайрос наконец разобрался с таинственными путами, освободил содержимое рюкзака и выпрямился. Повернулся к Пелагее и протянул руки. На его ладонях лежал ребенок. Мокрый, с поблескивающими плечиками и лодыжками. На вид месяцев шести – восьми от роду.

Ребенок не спал. Глаза его были приоткрыты, он гримасничал, щурился на свету. На большой голове – светлые растрепанные волосы.

– Это – ребенок, – проинформировал Кайрос.

– Сама вижу, – смущенно сказала Пелагея, поводя плечами. Ей вдруг стало совестно за сжатый в руках обрез, захотелось спрятать его обратно под подушку.

– Пол – женский. Имя – Аянами. Я оставляю ее вам.

– Оставляешь? – переспросил Василий хрипло и откашлялся. – А нам на што?

– В противном случае она погибнет.

Кайрос шагнул вперед и протянул ребенка Пелагее. Она от неожиданности выронила обрез, и тот оглушительно рухнул на пол.

От звука девочка вздрогнула. Брови ее скривились, щеки поплзли вверх, а рот приоткрылся, словно она собиралась зареветь. Но вдруг передумала, лицо расплылось в неопределенную задумчивость, распахнулись большие серые глаза.

Пелагея подхватила девочку, прижала давно забытым движением, удобно устроив в люльке, образованной толстыми руками и грудью.

Кайрос отшагнул назад, к рюкзаку.

– Кое-что еще. – Он нагнулся и снова выпрямился.

В руке он сжимал то ли обруч, то ли застегнутый ремень серебристого цвета, пальца в два толщиной. По матовому ободу бежала тонкая линейка подсветки.

– Важное устройство для ребенка. Название: «Серебрум-актио-моментис». Стимулирует мозговую деятельность. Нужно

использовать каждый день. Пожалуйста, надевайте ей на голову, когда засыпает.

– Чертовщина! – крикнул Василий. Голова его все еще покачивалась над тщедушным телом.

– Здесь можно варьировать размер. – Кайрос показал Пелагее замок. – Сейчас прибор полностью заряжен. Заряда хватит на пять тысяч часов. Подзаряжается автоматически – кладете на теплую поверхность, например, на печь. Или на солнце. Устройство водостойкое и ударостойкое. Берегите его, оно очень важно для Аянами. Иначе она не выживет. – Он будто бесстрастно зачитывал текст. – Устройство включается автоматически, как только будет надето на голову ребенка.

– Янами, – повторил в сердцах Василий. – Вот же ж имя-то!

– Постой-ка, – встrepенулась Пелагея, отрываясь от гукающей девочки. – А ты потом вернешься за ней и заберешь? – Она помнила смутно старую сказку, где за таинственным подкидывшем обязательно приходили. – Мы тебе инкубатор, что ль?

– Нет. Никто не вернется. Это теперь ваш ребенок. Берегите его.

Кайрос положил «Серебрум-актио-моментис» на стоящую рядом тумбочку и опять порылся в рюкзаке. Теперь у него в руках разместились несколько небольших металлических слитков и прозрачная пластиковая коробочка, полная блестящих разноцветных камешков.

– Ваша оплата. Здесь драгоценные камни: алмазы, корунды, бериллы. И слитки: платина и золото.

Он уложил их на тумбочку рядом с прибором.

– Это все.

Кайрос обвел взглядом комнату вверх нахмуренной растрепанной Пелагеи и покачивающегося Василия, вперившего в него стеклянный взгляд, точно кобра смотрела на факира.

– Подай-ка головной ремень этот, – сказала Пелагея. – Прилажу. Названия мудреные.

– «Серебрум-актио-моментис», – повторил Кайрос, протягивая ей прибор.

– Серебро, так пусть и зовется.

Удерживая девочку одной рукой, она уложила ей на голову обруч. Световой индикатор на внешней стороне мигнул зеленым. На лице девочки появилось новое выражение довольной заинтересованности.

– Гляди-ка, нравится ей серебро. А ейное имя-то поди запомни. Нами или как там? – Пелагея подняла глаза на Кайроса. Повернулась к Василию. – Как он сказал?

– Сокровища проклятые! – Василий теперь вперился в стол, явно разговаривая с кем-то, кого ни Пелагея, ни Кайрос не видели.

– Настькой буду звать. Точно, Настена! – воскликнула Пелагея.

– Аянами, – повторил Кайрос, но его уже не слушали.

Кайрос нагнулся и закрыл рюкзак. Щелкнул замками, затянул лямки. Потом надел его, застегнул ремни на поясе и на груди.

– Прощайте!

Не дожидаясь ответа, он распахнул дверь в предбанник и вышел.

– На улице-то морозина! Куда собрался? – сказала ему вслед Пелагея. Слишком, впрочем, увлеченная девочкой.

Хлопнула входная дверь.

– Штоб его! Туда небось вернулся, откуда пришел.

Василий поднялся и как был в семейных трусах поковылял к ружью.

– Полкан-то ишь развалился! – Он пнул мохнатый бок. Ноль реакции. – А с псом что?

Кайрос вышел из деревни в том же направлении, откуда пришел. Спустился к лодкам. Поземка хлестала его по ногам. На этот раз он не пошел по дороге вдоль берега, а направился прямо поперек реки. Датчики четко фиксировали глубину и толщину льда. Вполне безопасная даже для тяжелого Кайроса.

Он шел около получаса, утопая в сугробах по колено. Ветер волок ворохи снега по занесенному холмистому руслу.

Наконец Кайрос остановился. Примерно середина реки. Во все стороны километры занесенной снегом степи, придавленные псориазным шелушащимся полотнищем туч.

Потянулся к панели на правом предплечье. Над ней послушно поднялась голограмма. Кайрос пошевелил в ней пальцами в перчатке.

Сигнал отправлен.

«Кайрос-4 выполнил миссию. Аянами передана родителям».

Кайрос застыл, точно выключился. Изваяние человека посреди снежной степи. Тридцать секунд, минута. Пришло подтверждение приема, и Кайрос ожил. Пальцы снова запорхали над прибором.

Потом он опустил руку, но прибор продолжал светиться. По нему бежали цвета, он издавал тихие звуки. Кайрос стоял, глядя перед собой, туда, где за полем реки, над черным вспученным берегом, расстился на необъятные квадратные километры лес. Тайга.

Три, два, один.

Что-то вздрогнуло в рюкзаке за спиной Кайроса. Раздался хлопок – и он исчез в столбе огня. Пламя будто от вырванной газовой

горелки держалось красно-синим султаном несколько секунд, растапливая, отбрасывая клочья снега и водяного пара. Потом остатки того, что было Кайросом, с глухим шумом провалились в образовавшуюся полынью. Через несколько секунд порывистый ветер растворил черный дым, смешав его с белой снежной крупой. Еще минута – и водяной глаз закрылся, покрывшись коркой льда, постепенно заметаемой колючим снегом.

Либретаун

Захария пыхтит, взбираясь по гулкой металлической лестнице. Полосы света с клубящейся пылью рассекают площадку верхнего этажа. Он осторожно пролезает в висающую на одной петле отогнутую металлическую дверь, стараясь не зацепить острые края, и выбирается на крышу. Оглядывается. Проем бетонной коробки с покосившимся дверным косяком смотрит на него, криво улыбаясь. Слышится шуршание, шорох шагов, сорвавшаяся каменная крошка перекаристо отсчитывает этажи. Это поднимается следом Ай-ай. Разве она отпустит его одного.

Над головой купол чистого неба, прозрачный, бездонный, со спящим фонарем-солнцем. Если смотреть вверх, весь мир кажется голубой бесконечной сферой. Перед тем как подойти к краю, Захария заглядывает в перекинутую через плечо плетеную сумку – проверяет, все ли на месте.

С края крыши, за невысоким бортом, открывается желто-серый вид с редкими пятнами зелени. Сыпь разноэтажных заброшенных построек, разбегающаяся многоугольная сетка дорог, как будто кто-то уронил на землю чиненую-перечиненую рыбацкую сеть. Захария упирается руками в теплую стенку и смотрит вниз. Двадцать отвесных этажей с пустыми глазницами окон. Чувство угрожающей высоты скатывается с затылка волной мурашек. Высота всегда завораживает. Как и раскинувшийся во все стороны мертвый город. Захария любит смотреть вот так – сначала отвесно вниз, на этажи, постепенно поднимая взгляд на крыши низких полуразрушенных домов. Он помнит все здания до одного, как четкую, в высоком разрешении картину – с востока, где постройки сливаются с зелено-желтыми холмами и лесом, до запада, где город упирается в океан. Каждый раз Захария проверяет себя: все ли на месте, не изменилась ли картина.

Взгляд его ползет выше, к отчетливо видимой границе города. Постройки резко обрываются полем белого песка, причем у отдельных домов отхвачена часть, словно исполинский повар резал их ножом как хлебные калачи. Полоса песка простирается на две-

три сотни метров и упирается в ярко-желтую дорожку с едва выраженным округлым горбом. Дорожка блестит так, что невозможно долго смотреть, однако именно ради этой желтой кишки Захария приходит сюда. Идеально ровная, она бежит из глубины материка, с востока, где тянется среди прерий, сквозь леса и неровности ландшафта, ярко отороченная белоснежной песчаной зоной отчуждения. С другой стороны дорожка уходит в океан, проваливается в него хребтом гигантской змеи с лоснящейся желтой спиной и пропадает.

В деревне Захарии ее так и называют – Великим Змеем. По мнению Захарии, кишка больше напоминает верхнюю часть трубы, похожую на те, что протянуты в каналах под городом или висят, ржавые, вдоль стен в заброшенных домах. О диаметре такой трубы, правда, можно только догадываться. Захария подносит к глазам половинку бинокля, которую принес с собой. Под определенным углом на лоснящейся дорожке видны линии, как будто чешуйки. Туловище Змея неподвижно, но если вглядеться, видна дрожь, едва уловимые колебания воздуха. Белая песочная зона тоже не случайна. Она определяет расстояние от желтой дорожки, на котором нет ничего живого.

За спиной Захарии копошится Ай-ай. Она исполняет одинаковый ритуал каждый раз, являясь сюда за ним. Опасливо подбирается, присаживается на корточки за его спиной, нервно морщит нос и шурит черные, без белков, глаза. Потом вдруг пугается, в два прыжка оказывается у лаза с крыши и сидит там, дергая бритой головой на длинной шее. Затем ритуал повторяется. Все живое боится Змея. Дикие звери, да что там звери – люди не ходят в город. Один Захария.

На западе переливается на солнце океан, едва заметным швом сливаясь с куполом неба. Градиент палитры воды от зеленовато-ультрамаринового до белого-прозрачного. Неестественная белизна там, где желтая блестящая змея рассекает воду, убегая за горизонт.

– Ну что, Ай-ай, что у нас сегодня новенького? – Мальчишеский надломленный голос Захарии звучит непривычно резко в неподвижном городе Змея. – Это наш семнадцатый поход. Повезло с погодой. – Захария пристально вглядывается вдаль. – А полоса песка, по-моему, расширяется. Здание у берега обвалилось.

Он откладывает бинокль и облакачивается на шершавый поребрик крыши. На шоколадной коже Захарии, на предплечьях и запястьях выделяются белесые пигментные пятна. Он уже привык к ним, почти не обращает внимания на кляксы белой, почти прозрачной кожи с розовой изнанкой. Пятна покрывают его целиком: торс,

ноги, курчавую голову. Одно, напоминающее формой материк Австралию, раскинулось на левой щеке. Старик Фолами из деревни назвал пятна меткой Великого Змея. Худой, с торчащими ребрами Фолами тот еще болтун, но люди его слушают. Лицо Фолами, изобретенное морщинами и оспинами, напоминает Захарии высушенный город Змея ночью.

Белые пятна на коже – ожоги. Захария получил их, когда во время одного из первых своих путешествий в город подошел слишком близко к Змею.

Его наказывали, предупреждали, но он не поверил, выступил в зону песка из тени обрубленных зданий. Он успел сделать только с десяток шагов. Сначала чувствовал приятное тепло, при том что жара стояла еще та. Потом будто все вокруг наполнилось электричеством, и волосы по всему телу встали дыбом. Что было дальше, он помнил замедляющимися вспышками стробоскопа. Кожа вдруг взорвалась ожогами. Везде: на лице, на затылке, на животе. Сирена, бьющая в уши пульсаром, оказавшаяся его истошным визгом, когда он катался от боли по песку. Вытащила его Ай-ай, она уже тогда повсюду болталась за ним. Белые пятна на коже – те самые следы.

Больше Захария не пытался подходить к кишке или трубе. Однако все равно навещает город, забирается на высокое здание и часами смотрит, что делает желтый горб, рассекающий землю. Представляет порой, что Змей вскинется и вынет из воды исполинскую шею. Захария тогда, скорее всего, не выживет, никто не выживет, но зрелище того стоит. Как титан Кой из древнегреческих мифов, олицетворение земной оси.

– Вид сегодня отличный, ни облачка, – говорит Захария. – Не бойся, Ай-ай, подходи ближе.

Ай-ай слушается и подходит; подсовывает колючую голову ему под ладонь. Выражение ее лица непрерывно меняется. То она морщит нос и фыркает, то настороженно смотрит по сторонам, а то вдруг оборачивается к Захарии, доверительно смотрит в глаза. При этом настойчиво избегает глядеть в сторону Змея.

Он ласково гладит ее. Ай-ай – человек, притом взрослый, женского пола, вот только ведет себя как дикое животное. Темная кожа, черные, без белков, глаза, подвижный чуткий нос, чуть что – звериный оскал. Передвигается чаще на четырех, поднимается на ноги редко, только когда совсем безопасно. В деревне Бакемуса, где живет Захария, она признает лишь несколько человек, на остальных скалитесь и не подпускает.

Такие как она живут в лесах дикими стаями. Девочку Ай-ай нашли раненой на окраине леса и, пожалев, спасли. Скорее всего, она так бы и вернулась к своим, если бы не повстречала и накрепко не привязалась к малышу Захарии. Она послушно позволила матери Захарии приучить себя к одежде, к отхожему месту и носит с той поры протертые короткие штаны и рубаху с коротким рукавом. Говорить, правда, так и не выучилась, умеет только рычать и мычать нечленораздельно. О том, что одежда приходит в негодность и требует замены, ей тоже нужно напоминать.

Через голову Ай-ай перекинут ремень с крепкими кожаными ножнами. С ножом она не расстается, умеет им пользоваться, точить и брить голову. Насмотрелась на деда Фолами – его Ай-ай тоже признает. В общем, порядочно понабралась от людей из Бакемуса.

Захарии недавно стукнуло двенадцать, а Ай-ай, судя по виду, около восемнадцати. Она дикая, но ответственная и верная. Уходит, охотится, но всегда возвращается. А если Захария собирается в поход – тут же отыскивает его и сопровождает.

Захария сам дал ей имя. Она отозвалась на него легко, словно только и ждала, чтобы ее назвали. Ай-ай – название особого лемура-руконожки с тонкими длинными пальцами, которого Захария никогда не видел, но знает о нем. Захария вообще много знает такого, о чем не может рассказывать землякам.

Взгляд его убегает за гладкую лоснящуюся спину Змея. Трудновато разглядеть другую сторону с такого расстояния. Это – наилучшая точка в заброшенном городе, откуда виднее всего кишка. Дед Фолами говорит, что на обратной стороне – ничего, одна лишь смерть, но это только его домыслы. Нет никого, кто мог бы подтвердить или опровергнуть его слова.

Захария подносит к глазу половинку бинокля. Он различает леса странного, близкого к пурпурно-рубиновому цвета, туманы и облака, точно сгустки дыма, поднимающиеся и опускающиеся к шапкам деревьев вопреки ветру. Среди холмов и деревьев – вспышки света и костлявые линии молний. И никакой жизни. Ни разу Захария не заметил на той стороне ничего живого. Может, и прав дед Фолами, что там преисподняя, или страна Тартар, как называют ее древние греки, и перебраться туда никому не под силу, кроме как за монетку старцу Харону.

Солнце поворачивает к закату, и Захария со вздохом отрывает взгляд от запретного мира, охраняемого грозным стражем.

– Что, уже пора? – унылый вопрос обращен ни к кому.

Ай-ай оживляется, едва не прыгает оттого, что они собираются уходить. Захария нехотя отступает к косому дверному проему, на

ходу убирая бинокль в сумку. Ай-ай теперь впереди, ловко ныряет в дыру, отороченную ржавыми металлическими углами, но тут же показывается на обратной стороне. Убеждается, что Захария идет следом.

Он медленно и осторожно спускается по лестнице, чувствуя назойливое внимание Ай-ай. Иногда она ведет себя хуже матери, со своей заботой. Захария, впрочем, рад, что Ай-ай рядом. Не то чтобы он боялся, но пустой город порой вызывает щемящую пустоту где-то в желудке.

Продуваемый ветрами заброшенный подъезд отзывается на шаги гулким шелестом. В полосах света пропала утренняя легкость, Захария будто видит в них золотые пряди, свет тяжелеет, пригибается к земле. Воздух наполнен сухим запахом камня и пыли. Захарии бьет в ноздри здешняя необитаемость, но он привык чувствовать то, чего не могут чувствовать другие. Слышать и осознать в свете, воде и воздухе. Тончайшие невидимые грани, оттенки, вибрации, важные подсказки.

Дорогу домой он помнит наизусть. Захария вообще многое помнит наизусть. Тропинку, по которой ходил однажды. Картинку или карту. Прочитанные книги из немногих сохранившихся, уроки и навыки.

Вместе с Ай-ай они выходят из подъезда с широкой террасой и толстыми облезлыми колоннами. Захария не раз задумывался, что за здание служит ему смотровой вышкой. Многоквартирный жилой дом или гостиница? Улица разбегается перед ним в обе стороны потрескавшимся выцветшим асфальтом. Тишина, горячий ветер тащит безжизненный ком травы.

Захария уверенно направляется прочь из города, ловко ступает плетеными сандалиями, перескакивает через глубокие трещины в асфальте. Горб Змея остается позади, да его и не видно с земли – загораживают дома. Высоких зданий в городе мало, многие разрушены или обветшали так, что опасно в них заходить.

Дорога остается широкой, но дома постепенно мельчают, пригибаются к земле. От отдельных остались одни крошащиеся остовы стен с глубокими оконными впадинами, точно молящиеся, воздевшие к небу изувеченные руки. От таких Захарии бывает не по себе, и он старается поскорее пройти мимо. Ай-ай, напротив, чувствует себя свободно, весело срывается с места и носится среди развалин.

Город отступает, и вместе с ним пропадают последние островки асфальта. Вокруг трава и заросли плотного непроходимого тамариска. Домов больше нет, только высушенные солнцем свалки, по-

лузанесенные песком, под пористыми зелеными крышами акаций. Золоченое солнце тяжело висит над холмом, загораживающим океан. Но все еще ощутимо греет шоколадную щеку с белесым пятном.

Вот и знакомый холм, место для короткого привала. Торчат остатки одинокой кирпичной стены и навалены ветки. Захария оставливается здесь передохнуть всякий раз по дороге в город.

Он садится, прислонившись спиной к старому плетню, который сам соорудил. Достает из сумки завернутую в тряпицу просяную лепешку. Отрывает половину и протягивает Ай-ай.

– Держи.

Та брезгливо морщит нос, недовольно отводит голову. Она предпочитает мясо, вполне удовлетворится сырым, если поймает какого-нибудь суриката.

– Нам еще часа два топать, не упрямясь.

Ай-ай, в точности как большая кошка, принимается возиться и вертеть головой вокруг лепешки. Захария знает эту церемонию, он ждет. Встала, отошла, вернулась. С четырех конечностей уселась наконец по-человечьи, раскинув колени и подтянув пятки, удерживая перед собой жилистые руки. Поморщилась, посмотрела исподлобья, точно укоризненно спрашивает у Захарии, зачем он заставляет ее есть эту дрянь. Наконец берет лепешку руками и начинает откусывать мелкими кусочками.

Захария вытягивает ноги и принимается за свою часть. На зубах скрипит пыль, но он почти не замечает ее – привык.

Почему он отличается от других? С мальчишками его возраста ему скучно. Взрослые его сторонятся, хотя он раньше других освоил как ухаживать за кукурузой и сорго и запускать пращу. Поэтому он и проводит большую часть времени один. Особенно с тех пор, как мать отдала ему Мовенти. Захария вынимает из сумки серебряный ремешок и в который раз восхищенно осматривает. По нижнему краю – едва заметная нитка подсветки. Интересное название – «Мовенти». Похоже на красивое имя.

И ведь работает только с ним одним! Мовенти перемеряло полдеревни. Или, может быть, только он чувствует.

– Ай-ай, хочешь еще разок попробовать? – Захария тянется с ремешком к Ай-ай.

Она не реагирует. Мовенти не вызывает у нее ровно никаких чувств. Понюхала в самый первый раз, а дальше словно и нет серебряного кольца. Ай-ай косится на Захарию темным глазом, не отрываясь от сосредоточенного поедания невкусной, но сытной лепешки. Тогда Захария сам нахлобучивает Мовенти ей на голову. Нитка света пропадает. Ай-ай замирает и перестает жевать. Терпеливо

держит на голове бесполезную штуковину, потом мотает головой и сбрасывает.

Захария смеется и поднимает Мовенти. Облокачивается на плетень и кладет ободок на голову.

Нет никакого звука или сигнала – ничего. Просто становится очень легко и хочется прикрыть глаза. Он расслабленно ложится. Голова словно распаивается изнутри, и сквозняк тащит, уносит вон мысли. Захарии свежо и приятно, ощущения обостряются и утончаются, словно гармонически настраиваются струны. Свет раскладывается радугой, запахи, осязание разворачиваются непередаваемыми спектрами, но не шквалом, а плавно. Захария погружается в сон.

Ай-ай озабоченно смотрит на него, развалившегося с блаженной улыбкой, раскинувшего руки и ноги. Взгляд ее задерживается на нем ненадолго, она поворачивается и глядит настороженно по сторонам. Ветер гоняет по багровеющим в закате пустошам всполохи пыли и травы. Ай-ай припадает к земле, голова опускается ниже лопаток, точь в точь львица-защитница, и застывает.

Павел Парфин ЗОЛОТОЙ ДРАКОН

В начале апреля было холодно. Весна дразнила намеками на будущее тепло и взбалмошную, необузданную зелень. Весна, которую так любят люди и птицы, была еще впереди.

Город был похож на человека, который только проснулся и теперь бродит в поисках умывальника. Тротуары, закисшие от недавней зимы, медленно подсыхали. Голые деревья тосковали в ожидании почек. Пока Керуак был на работе, Юти выходила в город и бесцельно гуляла по улицам. Нет, конечно, у нее была цель, затаенная, как ее плод, который она вынашивала в чуть округлившемся животе. Юти нравился апрель, чувство вины, с которым он обнимал все живое. Подобно беременной женщине, апрель вынашивал дитя, не ведая, что из этого выйдет – весна-девочка или весна-мальчик.

Юти дружила с воробьями и деревьями. Выходя из дома, она брала для птиц хлебные крошки. Она бы с радостью подкармливала и деревья, но не была уверена, что деревья – вегетарианцы. У Юти был знакомый клен. Она часто ходила мимо него в магазин и обратно. Клен был похож на большого счастливого человека, однажды так искренне открывшегося жизни, что небо застигло его в этот миг и навсегда увековечило с распростертыми сверху от восхищения ветвями-руками. Клен рос особняком, поодаль от других деревьев и был похож на фонтан. В начале апреля этот фонтан был черным, клен молчал, прислушиваясь к сладкому току, который исподволь уже начал подъем из глубин, из царства корней, направляясь вверх, к черным веткам. Рядом с кленом, глядя его шершавое тело ладошкой, Юти чувствовала себя язычницей, мифическим существом. Она, скорее, предчувствовала, чем знала, что вот-вот наступит момент, и этот таинственный ток, который сейчас бродит в недрах клена, родит клейкие мякиши, разверзнет их и в один прекрасный день хлынет наружу ни с чем не сравнимыми зелеными струями.

Юти обнимала клен и шепотом рассказывала ему о своем ребенке. Дерево не только слушало, но и вещало. Это, кажется, оно посоветовало женщине рассказывать ее малышу обо всем, что ей встретится на пути. С утра до вечера Юти ходила по городу, переходя с одной улицы на другую, и, что-то нашептывая себе под нос, рассказывала зародышу о своей жизни. Долгое время она не могла понять, что он думает по этому поводу. Но однажды эмбрион – этот

золотой дракон, морской конек, который еще не догадывался, кем ему предстоит стать под конец, – однажды ее зародыш отозвался. Он заговорил с ней языком образов. Сменяя друг друга, как слайды, эти образы поселились у Юти в мозгу. Они были ужасны! Женщина боялась их, потому что не понимала, что они значат. Мозг, даже не пытаясь их разгадать, бил тревогу.

– Керуак, вот что я подумала, – сказала она мужу. – Я хочу сделать аборт.

Керуак тогда ничего не ответил. Не спросил о ее токсикозе и не посоветовал сходить в церковь. Муж сделал ей сладкий чай с лимоном, напоил им жену и, уложив в постель, рассказал сказку. Это была история о маленьком золотом драконе, жившем в Золотом царстве. В царстве все было из золота: царь, его подданные, дома и даже деревья. Поэтому никто не ценил золото, а главное – не мог отличить золотого царевича от золотого бродяги, золотого ворона от золотого дракона. Никто не мог отличить одного золотого тельца от другого, оттого они казались чужестранцам и непосвященным сплошным золотым маревом, слепящим, как летнее солнце.

Однажды золотой дракон, двигаясь наугад, набрел на золотые ворота, слившиеся с золотой крепостной стеной. Дракон отворил ворота, вышел вон... и в тот же миг перестал быть золотым драконом. Он превратился в кого-то иного, невзрачного и несовершенного, но кто отныне обладал замечательным шансом – быть узнаваемым...

Керуак не рассказал и половины сказки, когда заметил, что его жена крепко спит. Он посмотрел, как она по-детски шевелит губами, и, улыбнувшись, поцеловал ее. В этот момент ей приснилось, как среди бела дня на нее напал вор. Юти шла по центру города, и в нем, на удивление, не было ни души. Вора что-то тяготило, видно было, что ему нечего терять. Он прижал Юти к стенке и размахивал перед ее носом ножом. Она так испугалась вора, что в тот же миг перестала бояться своего ребенка, его жутких образов, которые он рождал в ее воспаленном мозгу. Женщина вдруг приняла своего будущего ребенка таким, каким он был, скрытый стенками ее живота. Юти больше не пугали его неизъяснимые образы, она сама стала одним из них – превратилась в золотого дракона. Вероятно, вид дракона и впрямь был ужасен, потому что вор, уронив нож, тут же убежал.

Утром, проснувшись, Юти обнаружила, что муж уже ушел на работу. Она умылась, позавтракала и отправилась на прогулку. В городе потеплело, и в воздухе наконец запахло долгожданной весной.

БАБОЧКА ДИКА

В саду порхали красно-фиолетовые бабочки.

Дик остановился возле старого покосившегося абрикоса, вынул из-за голенища сапога широкий охотничий нож и принялся копать. Поглядывая на красивых бабочек, безмятежно круживших над его головой, он насыпал землю в маленькое пластмассовое ведро.

Земля нужна была для цветка, который Дик купил своей новой мечте. Он хотел привязать ее к себе покрепче – еще неизвестно, кому мечту, поэтому задумал подарить ей комнатный цветок.

Дик копал с воодушевлением и веселым напором. Земля, как и весь сад, была очень старой, намного старше Дика, и тот чувствовал эту разницу в возрасте, вдыхая ее влажный прелый запах... Раз – и нож едва не рассек что-то белое и продолговатое, совсем крошечное – размером всего с четверть мизинца. Это был кокон. Дик положил его в ведро с землей и зашагал домой.

Дик держал дома скворца, ему и хотел скормить кокон. Однако сделать это ему помешало неожиданное открытие: кокон вот-вот должен был раскрыться. Лежа на комьях земли, он вдруг стал сжиматься и разжиматься, вздрагивать и изгибаться, словно стараясь скинуть с себя шелковистую оболочку. Завороженный необычным зрелищем, Дик решил дождаться появления бабочки. Но этого не случилось. Дернувшись еще пару раз, кокон замер, больше не проявляя никаких признаков жизни. Это насторожило Дика.

«Может, бабочка умерла?» – подумал он.

Дик взял нож, которым копал в саду, и легким быстрым касанием прошелся вдоль кокона. В месте разреза выступила мутная водичка, кокон начал морщиться и наконец распался, и из него выпала бабочка – красно-фиолетовая, такая же, как те, что летали в саду.

Новорожденная неподвижно лежала на полу, не шевеля крылышками и даже не пытаясь взлететь. Дик осторожно коснулся ее двумя пальцами – бабочка не шелохнулась, лишь едва-едва повела усиками.

«Ага, жива!» – обрадовался Дик.

Он закурил и распахнул настежь окно в комнате. Вместе со свежим воздухом из сада влетела стайка бабочек. Они стали тревожно кружить над несчастной подружкой. Вместо того чтобы вспорхнуть и присоединиться к крылатым гостям, та вдруг стала скукоживаться и чахнуть прямо на глазах у Дика.

– Эй, а ну пошли вон! – крикнул он и принялся отгонять назойливых бабочек от новорожденной. – Вы сейчас ее совсем заморите!

Бабочки улетели, а та, которую он насильно вытащил из кокона, осталась.

«Преждевременные роды», – пронеслось в голове у Дика.

Видимо, бабочка недоразвитая. Может, все-таки скормить ее Чезу?

Дик поднес бабочку к клетке, где дремал сытый скворец – перед ним стояло блюдце с почти нетронутым кормом. Однако стоило Дикю только приоткрыть дверцу, как бабочка внезапно затрепыхалась в его пальцах.

– Да ты какая-то контуженная!

Машинально отдернув руку, он разжал пальцы – бабочка беспомощно упала на пол.

Глядя на нее, Дик подумал странную вещь:

«А может, ты просто-напросто голодная?»

Он снова открыл дверцу клетки, забрал блюдце с кормом и поставил его перед бабочкой. Тотчас ее крошечное тельце пронзили конвульсии, бабочку затрясло, словно в лихорадке, она стала изгибаться всем телом – и вдруг оказалась возле самого блюдца. Утопив усики в корме, она жадно накинулась на еду. Дик был вне себя от происходящего, он не знал, то ли ему кричать от восторга, то ли звать на помощь пожарников. Почему именно их, в ту минуту он вряд ли мог объяснить. Дик был в шоке от того, что бабочка ела птичий корм.

Через два дня она заметно растолстела и увеличилась в размерах – но так и не научилась летать. Дик мало-помалу привык к бабочке, а она к нему. Она узнавала его, вероятно, по теплу, которое излучало его тело. Скворец подозрительно тараторил из клетки на бабочку, а та как ни в чем не бывало уминала его еду.

Мы с Михаилом узнали об этой бабочке, когда Дик пришел с ней в «Полонез». Прихлебывая виски, мы вдвоем смотрели футбол, который показывали по телевизору, висевшему слева от барной стойки, практически напротив нашего столика. Дик присоединился к нам немного позже. Он не любил футбол и, в знак протеста заслонив собой телевизор, не захотел снимать кепку. Вот тогда мы и увидели Берти – так Дик назвал свою бабочку. Она сидела на его кепке, уставившись на нас живыми, как ртуть, глазенками. Это было настоящее чудовище! Жирное, с толстым телом, лоснящимся от полупрозрачной слизи, но с очень красивыми крыльями. Дик насыпал на стол горстку крошек и, сняв бабочку с кепки, посадил ее рядом с крошками. И вдруг она принялась все это жрать!

Затем Дик взял у меня стакан и капнул из него на стол – Берти стала пить виски.

– Убери ее, – насупившись, потребовал Михаил. – Иначе я ее прихлопну.

– Не прихлопнешь, – уверенно покрутил головой Дик. Отодвинувшись от стола так, чтобы с наших мест снова можно было смотреть телевизор, он добавил: – Берти безумно любит футбол.

И точно: бабочка повернулась к телевизору и замерла, поводя туда-сюда выпуклыми бусинками глаз.

– Прикольно, – усмехнувшись, обронил я.

Неожиданно трансляция игры прервалась, и начался экстренный выпуск новостей: камера выхватила кусочек центральной площади, где люди в шлемах и со щитами теснили наседавшую на них толпу.

– Митинг! Митинг! – Бар немедленно загудел, как улей. – Чего мы здесь сидим?! Пошли и мы на митинг!

Бар мигом опустел. Михаил убежал вместе со всеми, остались лишь мы с Диком.

– А ты? – спросил я у Дика, продолжавшего смотреть новости.

– Я бы туда не пошел, – нехотя отведя взгляд от экрана, признался он. – Но она хочет. – Он показал на бабочку – ее тельце дергалось от судорог, глазки вспучились и грозили вот-вот лопнуть. – Понимаешь, я перед ней в долгу: я не утерпел и раньше времени достал ее из чертова кокона.

– Ну и что? – не понял я.

– Как что? Она родилась недоношенной, поэтому неспособна летать. Я кормлю ее и стараюсь всячески ублажать.

– У тебя крыша поехала, Дик! – Я покрутил пальцем у виска.

– Нет, просто у меня, кроме скворца, никогда никого не было. Даже настоящей мечты... А тут – бабочка, которая ест птичий корм и любит телек. Согласись, такое не каждый день бывает.

– Да, но...

– Я пойду с ней на митинг!

Дик стукнул пустым стаканом по столу, посадил Берту на кепку, нахлобучил ее на голову и направился к выходу.

– Но это же опасно! – крикнул я ему вдогонку.

Сам я решил не идти на митинг, потому что никогда не любил массовых скоплений людей.

На полпути Дик неожиданно вернулся, и я обрадовался – неужели он услышал меня?

Он протянул мне большой охотничий нож.

– Спрячь... От греха подальше...

И ушел из бара.

О том, что произошло на площади, где столкнулись митингующие и полиция, позже рассказал мне Михаил. Вдруг в центре людской круговерти оказался Дик. Он отчаянно жестикулировал, призывал к примирению, но рев стоял такой, что были слышны лишь обрывки его слов. Дика начали бить – вначале свои, а потом полиция. Кто-то заехал ему по голове и всмятку раздавил бабочку. Никто не знает, что она пережила до этого, очутившись в людском месиве, глядя сверху на остервенелых людей, чью сторону приняла – митингую-

щих или полиции. Но после одного-единственного удара бабочка превратилась в мокрое пятно.

Митингующих с площади никто не разгонял – они как-то сами собой рассеялись, рассосались, словно им дали команду извне. А Дик еще часа два стоял один посреди пустой грязной площади. На его голове медленно подсыхала кепка, на которой раздавили бабочку. Сочувствуя другу, Михаил хотел было проводить его домой, но Дик грубо послал его подальше и не сдвинулся с места.

Когда он наконец вернулся домой, то застал у себя новую бабочку. Как ни в чем не бывало, она порхала по комнате, кружила над клеткой и даже, кажется, заигрывала со скворцом, дразня его взмахами красно-фиолетовых крылышек. Заметив Дика, бабочка доверчиво села ему на плечо. Но тот, чуть поморщившись, взял ее за крылья, просунул в клетку и скормил скворцу. А потом, без всякой паузы, выкинул в окно цветок, для которого копал землю.

Ведь Дик так и не встретился со своей новой мечтой. Несколько дней позже я узнал – не от него, а от совершенно посторонних людей, – что его мечта сгинула в тот же день, когда на площади погибла и его любимая бабочка.

Михаил Востриков КАК ЩЩЕЦ ТУМБОЧКУ СОБИРАЛ

Борис Вениаминович Щщец, промышленный заклинатель пятидесяти лет, бочком протиснулся в дверь с коробкой под мышкой. Припухшую физиономию его окропляла свежесть, ведь день стоял приятный: Борис ступил в новую жизнь. С мыслью зацементировать этот порыв души поступком из поступков, Щщец заимствовал в цеху волшебной сборки мебели тумбочку оттенка спелой папайи, дабы обновкой в доме озаглавить свое перерождение. Руки его горели до пальцев – скоро он разложит панели на полу и зачерпнет волшебной пыльцы; горело нутро – крикнет заклятье, и тумбочка соберется! Горели у Щщца и трубы, что обратило бы его в хмурую тучу, если бы не прохлада пузыря в кармане. Заметим, что не одним возлиянием крыл Борис минуты уныния, лелея на задворках мозга клад, катая, как леденец на языке, истомную думу: возносило его над челядью тайное знание, сила сборки мебели чарами и – тут он благоговел – без инструкции.

— Один во всем свете умею, — нашептывал он с хитрой улыбкой.

Плюхнув коробку в комнате, Щщец поспешил на кухню. Хрустнула пробочка, сверкнул в стакане декохт и умаслил глотку заклинателя. Как и всякий колдырь, Борис не терпел в быту двух вещей: ручного труда и душевных терблений, ибо по рукам они били мелкой дрожью, на лоб выгоняли бисеринки пота, а трубы прожигали почище бензина в дровяной печи. Благо судьба избавила его от хлопот обывателей, одарив мебельным волшебством.

Раздухаренный, Щщец истерзал коробку, и ему предстали заветные панели цвета спелой папайи. Сыпанув поверх пудры из мешочка, он заголосил заклятье на тайном языке сборщиков мебели. В конце, выдержав паузу, прикрыл глаза.

— Тумба, соберись!

Стучат детали, вгрызаются саморезы, запрыгивают в отверстия шканты, – под опущенными веками человек из инструкции плющится исполинским щщецовским сапогом, – лаает собака... Собака? Щщец метнул взгляд на открытую форточку, затем на парящую в воздухе тумбочку и опешил: та грудой так и лежала на полу. Неужто навоображал?

Борис запустил пятерню в жидкие волосы. Семнадцать лет отбарабанил в цеху, мебели собрал на город с небоскребами, волшебной пудры расшвырял целое нагорье – а так не плошал. Желчное расположение забоксовало по его осоловелому существу, разжигая позыв вспрыснуть. Откушали-с четверть пузыря.

— Голова садовая! — воскликнул вдруг он. — Пудру надо бережнее бросать!

Чахлый червяк сомнения всего на миг опутал его думы, но уже упал искромсанным когтистой хваткой заклинателя. С видом мудреца он бережно ссыпал порошок на верхнюю панель и прочел заклятье.

Но деревяшки предательски не шевелились.

Восстал червяк. Разросся, выпустил клыки, подозрительно похожие на змеиные, и наметился на сердце Щщца. Борис вспыхнул до ушей. В тягостном чувстве он стиснул пузырь, и откушанье его не знало мер.

Прошел час. Щщец с ретивостью пьяного десантника терзал себя и все вокруг тщетными попытками чудотворства. Под конец в голове у него так шумело, что бедолага швырялся предметами и горланил «Интернационал» вместо слов силы. Его тайное знание, единственная отрада и любовница, не раз баюкавшая на ласковой груди, изменила ему, грязным ногтем ковырнула мозг, вызвав тяжелый абсцесс. Вот поползла по воспаленным извилинам капля гноя: «Я покорю тебя, собака фанерная». Зазмеилась струйка: «Это все она, сучья бумажка!» А вот лопнула натянутая жилка: «Она знает о твоей силе и поклялась извести ее на корню! Мсти!»

Щщец пронзил драконом взглядом сумрак коробки, где таился его всезатмевающий враг, корифей коварства, сокрушитель сознания – инструкция по сборке. Он шагнул к ней, но вдруг осекся: за спиной хмыкнули. Заклинатель крутанулся с воплем:

— Кто смеялся?!

Вдруг белый стол побагровел и затрепетал, давя в себе хохот. Следом прыснул диван, и шакально так, гаденько. Взорвавшись облаком слюны, скрипя, захихикал по-тюленьи шкаф, залихватски стуча дверцей. Гогот чашек, стульев, самой квартиры заполнил уши.

Обмер Щщец. Бетонным столбом обратился. Скажи ему кто вчера, что диван, который он до последней капли спиртного оборонял от жены при разводе, взбунтуется, он бы плюнул под ноги собеседнику, а, возможно, и по зубам съездил. Бумажка, чье имя он презирал и страшился, провела его вокруг пальца, обдала благородную фамилию Щщца смердящим позором.

— Измена! — вопил несчастный, бросаясь из комнаты.

И тут свет прозрения вонзился ему в ум. Запустив пальцы в карман, он достал коробок. Спичка не чиркнула – взвизгнула, как колесо о дорожку, и звучно упала на ковер. Вылетевший из квартиры Щщец уже не мог видеть, как пламя ластится к шторам, поигрывая текущими мускулами под шкурой, наваливается на стол. И как плаваются едва заметные стяжки, скреплявшие панели цвета спелой папайи.

Нашли Щщца у бумажной фабрики с веткой сирени в руках, и свезли в лечебницу.

ВО СЛАВУ ОТЕЧЕСТВА И НА ЗАВИСТЬ ВРАГАМ

Минуло четыре часа с тех пор, как на левом берегу Москвы-реки утвердила верховенство ночь. С мычанием лили рыжий свет городские фонари, погоняя мрак дальше, дальше, в укромные закоулки и подворотни. Катила свои воды река, сменившая дневной буро-болотный капот на черное платье с россыпью бликов плавленого свинца.

Уснуло сердце столицы. Спала звезда Спасской башни, спали кресты собора Василия Блаженного, угольные на фоне белой луны и оттого повергающие в необъяснимую дрожь. На миг могло даже почудиться, что и Куранты, улучив момент, замерли в полудреме, однако заметить то было некому.

Что же внутри стен? Вдруг часовые перечерчивали территорию шагами или неспящий дворник курил под стенами Большого Кремлевского дворца? Часовые в каморках растянулись на стульях и давили, как говорится в военных кругах, на массу, – то же и дворник. Черная сгущенная бездна навалилась на Кремль. Птицы и звери, обитающие на его территории, сочли бы эту часть города онемевшим нагромождением кирпича и металла, – сочли бы, однако теплится еще в окружном мраке единственный признак жизни и цивилизации. Было им окно Сенатского дворца, в котором горел свет.

Если бы в это мгновение случайный наблюдатель посмел заглянуть в то окно, ему предстала бы картина поразительная и настораживающая. А предстал бы ему мужчина зрелых, почти преклонных годов, стоявший на лесенке у гигантского библиотечного шкафа, наружности... неопределенной, тем более что в этой истории она не играет роли. Достаточно упомянуть, что волосы его были всклокочены, а лоб перечерчивали полубезумные морщины.

Гримаса на лице, резкость движений, ореол назлектризованности вокруг мужчины – все говорило о том, что им движет навязчивая цель. И в самом деле, он порывисто хватался то за одну книгу, то за вторую, третью, и, что удивительно, словно бы не смотрел на названия, а только на состояние обложки: старая или нет? Судя по кипе книг на полу, поиск нужной шел уже не первый час.

Ах, и заломили бы руки ценители старинных изданий!

Внезапно на глаза мужчине попался бежевый корешок из мягкой кожи, и лицо его осветилось надеждой. Он рывком выхватил книгу и повернул. На обложке красовался пентакль. Глаз опытного оккультиста без труда узнал бы в коже человеческую.

Мужчина распахнул книгу и выискал нужное место, притом так скоро, что явно давно водил знакомство с этим древним трудом.

Пробежав глазами страницу, он резво спрыгнул с лестницы и тут же рухнул на колени.

– Так, уверенным движением руки... – пробормотал мужчина дрожащими губами, очерчивая на полу круг. – Дальше свечи из пчелиного воска...

Он достал из кармана пять небольших свечек и расставил на круге. Каждую поочередно зажег.

– Так, дальше... Зайти в круг... руки раскинуть... произносить громко и четко... – зачитал он из книги, которую положил открытой подле себя.

В это мгновение тот самый непреднамеренный очевидец (как жаль, что его не случилось!) пришел бы в окончательное недоумение, а затем, вероятнее всего, лишился бы чувств.

Прежде всего, мужчина, как был, на коленях заполз в нарисованный круг и развел руки в стороны. Затем он громко воззвал к небесам на ужасно искаженной, ломаной латыни; трижды повторил он свое заклятье. В этот момент свечи выбросили пламя ввысь сантиметров на десять – так подскочит огонь на газовой плите, если крутануть ручку, – а затем все как одна задушились до крошечных искорок.

А дальше случилось то, что бросало вызов всему познанному и всем человеческим законам: воздух над головой мужчины пронзила яркая зеленая трещина и пошла разрастаться вширь. В трещине, как на экране, картинка сменялась картинкой. Затянутое зловещей мглой плато; антарктические хребты; черные и мутные, будто в толще океана, обелиски. Словом, картины, производящие сильное впечатление.

Сосредоточенное и взмокшее лицо человека не показывало и тени удивления, что говорило об одном: все шло согласно плану. Мужчина потянулся в карман и достал перочинный ножик. Чирк – и с ладони покатались красные бисеринки.

Тем временем трещина явила мужчине... Сон? Непременно горячее наваждение, ведь предстал ему Млечный Путь, но как будто бы совсем с иного угла. Внезапно звезды перегородил какой-то черный объект, и из трещины показался будто бы живой отросток. Он пребывал в постоянном движении и оплел руку человека, потянулся к ране на аромат крови. Миг – и щупальце присосалось к разрезу, стиснув руку до синевы.

В расщелине же, откуда выплыл отросток, показался огромный пульсирующий глаз.

– Жертва... принята... Теперь... желание. – Мужчина откашлялся и возвысил голос: – О Ты, бдящий за гранью непознанного! О Ты, по-

стигший глубины всемогущества! Услышь мою мольбу, ибо я уповаю лишь на твою милость! Моя любимая родина прозябает в разрухе и голоде. Там, где некогда высились небоскребы, теперь лежат груды железа и щебня. Где были плодородные земли, теперь смердящие болота. Люди умирают от давно позабытых недугов. Прогресс обернулся деградацией! Если бы четыре года назад мне сказали бы, что Африка, запуская по пять спутников в месяц, будет насмехаться над нашей космической программой, я бы плюнул собеседнику в лицо! Я испробовал все, и даже близкие отвернулись от меня и готовятся ударить в спину! О Великий, сотвори чудо, ибо только оно спасет мое отечество!

Не дрогнуло щупальце. Едва ли пошевелился и смотрящий из бездны глаз, но на короткий миг могло почудиться, будто в нем проскользнула одобрительная и лукавая искра.

* * *

Переместимся на полтора года вперед. Переместимся не только во времени, но и в месте, а именно на восемьсот семьдесят километров восточнее Кремля, в поселок городского типа под названием Бетоноводово. Любопытный, имеющий к себе хоть крупицу уважения, знал, что название поселок получил в честь завода по производству бетоноводов для бетононасосов, расположенного на окраине, – больше того, автор данных строк даст руку на отсечение, что новорожденным поселка в первые минуты жизни на картинках объясняли строение роторных и поршневых бетононасосов. Вот какую важную роль играл бетоноводный завод в жизни поселка.

Четыре месяца назад он закрылся.

– И хорошо, что закрылся, – пробормотал Николай Александрович Морда, руководитель и один из двух работников Регионального центра регистрации, надзора и обеспечения исполнения фольклора.

Неизвестно, бросок костей ли затронул семейство Морд или же провидение ковырнуло его ногтем, однако сорок шесть лет назад на свет появился младенец, внешне полностью отвечавший своей фамилии. Лоб, щеки и даже белки глаз этого ребенка (крепкого, если не сказать мясистого) прорезали пульсирующие жилки, глазами навывахе он напоминал жабу, а толстые пальцы рук находились в постоянном мельтешении, будто из-за расшатанной нервной системы. После первого вздоха малыш Коля Морда залился не плачем, как все дети, а багрянцем от шеи до бровей и сделал такое кислое лицо, что стало ясно: будет государственный служащий.

И вот, спустя почти полвека, Николай Александрович стоял на крыльце конторы. Думал он о том, какие невероятные события за последний год потрясли его любимую родину и какой кувалдой блаженства саданули по темечку граждан. По совести, мысль эта занимала большую часть страны, но Морда этого знать не мог.

Потягивал Морда папиросу, глядя на горизонт, как тут из-за дальнего дома впереди показались три фигуры. Во главе шагала высокий мужчина угрюмого вида с густой бородой, следом – женщина и худосочная девочка лет одиннадцати с какой-то клеткой в руках.

Морда отщелкнул бычок нарочно мимо урны и зашагал обратно в свою контору. У самой двери он остановился и с гордостью протер рукавом латунную табличку: «Центр фольклора».

Было лето и было душно. Внутри конторы жара помножалась на капустный чад и становилась почти осязаемой массой. Капустой несло от Ивана Семеновича, охранника и второго из двух работников Центра. Он уплетал самодельные голубцы.

– Вас бы, Иван Семеныч, на благо отечества. В банку закатать. За химоружие сойдете.

Охранник был невозмутим. Охранник неотрывно внимал телевизору, висевшему на стене.

– Мы ведем прямое включение с космодрома Байконур, – говорила журналистка в экране, – где уже совсем скоро совершится шестнадцатый за этот месяц запуск носителя на околоземную орбиту. Пока заканчиваются последние приготовления, зададим пару вопросов разгонщицам основного модуля...

Николай Александрович еще подержал глаза на экране, затем уткнул их в газету. В таком же положении он находился, когда спустя минуту на пороге Центра фольклора возникла уже описанная троица – очевидно, отец, мать и дочь.

Отец остановился и в нерешительности окинул взглядом контору.

– Здравс-с-сьте... – угрюмо протянул он.

– Иван Семеныч, – бросил поверх газеты Морда.

– Иду, иду.

Охранник нехотя отвел глаза от телевизора и прошел к троице.

– Ноги расставить, руки в стороны, – бесцветным голосом скомандовал он.

Иван Семеныч похлопал отца по рукам и ногам, торсу, затем проделал то же с матерью и дочерью.

– А за... – начала было мать.

– Согласно статье девятьсот седьмой части третьей Кодекса фольклора каждый входящий в государственное учреждение должен быть обыскан на предмет запрещенного волшебного инвента-

ря, в число которого входит: а) четырехлистный клевер, б) подковы, в) порошок из панцирей божьих коровок, г) кроличьи лапки, д) счищенный с трубочиста пепел и так далее, – на автопилоте прострочил охранник.

Семейство подступило к столу с табличкой: «Руководитель отдела Н. А. Морда».

– Велено было жену и дочь зарегистрировать, вот я и привел, – сказал отец.

– Ну и почему так поздно? – бросил Морда и барски развалился на стуле. – Регистрация идет уже полгода.

– Были причины.

Тут мужчина понурился и отвел глаза, в которых, как в объяснительной записке, читалось: «Я тянул до последнего, потому что боялся за жену и дочь, ведь ты, псина раскабаневшая, поручишь им nepотребщину, и если кому и страдать в нашей семье за злополучную регистрацию, пусть это буду я один». Вот какая длинная фраза читалась в глазах (половина в одном, на радужке, половина – в другом, вокруг зрачка).

– Ладно, – чинно протянул Николай Александрович и занес ручку над табелем. – Заполняем анкету. Фамилия, имя, отчество.

– Кийко-Зайко Ирина Федоровна, – подала голос женщина. – А вы, это самое, скажите, а что регистрируют-то?

Морда скривился в недоумении.

– Об этом уже полгода не смолкают.

– Так вот и мне так на улице сказали, а я не верю, говорю, врешь, пес, врешь, собака, а он мне «не вру», говорит, ну я тогда размаху-то взяла, да как зарядила в лоб (будет мне врать, собака!), а он тогда «милиция! милиция!», а милиция говорит, дура, работы по всей стране как четыре месяца отменили, говорят, не нужны работы, коль есть флок-клор и, говорят, кажи документ о регистрации, а я говорю, нету, а они мне тогда «ну иди тогда регистрируйся». И вот я здесь.

Поняв, какого кадра ему ветром надуло, Морда обреченно вздохнул.

– Вы хоть бы телевизор включали.

– Так нету. И муж на улицу не выпускал, говорит, схлопочешь регистрацию и повесят на тебя какое-нить гнусное занятие, как на меня бороду. – Тут она заговорщически подалась вперед. – А вы на кой ему бороду велели отрастить?

Морда сморщил морду в мину недовольного чинуши.

– Согласно постановлению Государственного фольклорного комитета пятьдесят один процент мужского населения страны обяза-

ны носить бороды для отражения потоков неудачи, направляемой на нас завистниками. Это строго контролируется. К слову...

Морда достал из стола линейку и измерил бороду мужчины. Результат записал в табель.

Мужчина гневно дул ноздри.

– А, это, говорят еще, работа не нужна, – продолжила мать семейства. – Это как понимать?

Николай Александрович презрительно скривился.

– Всякая трудовая деятельность на территории страны считается упраздненной. Все блага человек теперь получает при помощи узаконенных народных поверий. Словом, да, работа не нужна

– А деньги? – вырвалось вдруг у женщины.

– Иван Семеныч.

Охранник грузно прошкандыбал в подсобку. Вышел он оттуда с предметом настолько необычным, что стоит привести точное его описание: была это медная жаба с тремя лапами, держащая во рту монетку – проще говоря, восточная денежная жаба. Невысокое качество ее говорило о том, что отлили ее наспех, и была она одной из тысяч, разбросанных по всей стране.

Не своим жабьим видом жаба была необычна – тут-то, наоборот, жаба как жаба. Дело в том, что восседала она поверх продолговатой металлической платформы – проще говоря, на ящичке, – в которой, как в банкомате, тянулась продолговатая щель для купюр.

Охранник поставил ее на стол и опять ушел на свое место.

В этот момент семейство заметило за охранником дверь, от вида которой все втроем поежились. Веяло от нее холодком, и была она словно затянута черной дымкой.

Николай Александрович смерил отца семейства взглядом, как портной – заказчика, пробормотал что-то вроде: «Трое членов семьи... Луна в Тельце и Козероге... Меркурий во втором доме...» – и громко и радостно объявил:

– Три раза!

Он выхватил изо рта жабы медную монетку и трижды провел ей по хребту.

Задрожала жаба. Вихляниями по всему жабьему телу и ящичку пошла. Польшнули алым ее стеклянные глазки, заливая всю контору демоническим сиянием, и вот уже казалось, что с минуты на минуту испустит она молнию цвета крови и разверзнет под собой землю до самой преисподней... но она только звонко дзынькнула и затихла. В щели же возникла толстая стопка пятитысячных купюр.

– Будете приходите каждый месяц и получать... – Морда было указал на стопку, но та исчезла. Глаза у семейства стали, как подожженные слоны: огромные, горящие, бегающие. – Мда, семейка.

В эту минуту дочь опустила на пол громоздкую клетку, которую держала в руках.

Николай Александрович же взял другой табель со стола и вчитался.

– Как я говорил, работы упряднены... Однако каждому гражданину нашей державы необходимо иметь добровольное общественно-полезное увлечение. Вы поздноват, у меня для вас вариантов – по пальцам пересчитать.

– Да мне бы хоть что, раз надо...

Морда на мгновение задумался.

– Вы девственница? Ах да, извините. Гм, тогда с другой стороны... Вы кофе любите? В предсказатели пойдете?

– Как это?

И Морда пустился в долгое метафорическое изложение того, как в московском НИИ кофейной гущи научный персонал, не жалея сердечно-сосудистой системы, ежедневно опрокидывает в рты свои галлитры кофе. Пустые чашки сдаются на анализ машине-прорицателю, и ровно через три минуты та тугой струей изрыгает прогноз на целых пятьдесят лет вперед. Не преминул Морда и ввернуть – тут молния возбуждения скользнула в его взгляде, – что «взору нашего отечества отныне подвластно будущее, и ничто не укроется от ее лелеющих очей!»

– Я... больше чай люблю.

– Да! – выпалил вдруг он и опять уткнулся в таблицу. – Да, тогда не стоит. Тем более там дольше двух месяцев пока не засиживались: инсульты. Зато потом до конца жизни свободен... Гм... А сношения любите?

Все семейство от этого подскочило на месте сантиметров на пятнадцать, каждый по-своему: муж – от возмущения, дочь – от непонимания и любопытства, а жена – от неожиданности и, что греха таить, тусклой надежды.

– Ну как вам сказать... — покраснев, замялась она.

Морда смерил ее взглядом.

– Хотя нет, не подойдете, жиру бы побольше.

И опять глаза Морды затянул туманец горячности. Стал он с пылом рассказывать, как отечественные труженицы, игнорируя натертость чресел, повышают урожайность на полях нашей страны. Одна тучная женщина, взятая на пашне, удобряет собой двадцать

квадратных метров земли, да с такой мощью, что «мы уже в Заполярье арбузы растим! Хвала славянской традиции!»

– Нет! Нет! Нет! Нет! – тут же прострекотал он лихорадочно. – Все не то... А, вот выход! В космонавтику пойдете? – Он уже хотел начать рассказывать подробности, но вовремя бросил взгляд на телевизор. – Ага, глядите! Как раз, возможно, ваши будущие коллеги!

– И вот, – говорил диктор за кадром, – на взлетно-посадочную полосу выходят разгонщицы. Каждую встречают долгими продолжительными аплодисментами...

В кадре возникли пять женщин в ярко-оранжевых, как у американских астронавтов, комбинезонах и поджаро прошагали к объекту – челноку, как уточнил диктор. И благодарим покорно, что уточнил, поскольку объект этот ну никак не походил на летательные аппараты дофольклорной эры. Была это продолговатая капсула на шасси без каких-либо признаков двигателя, с рядом из пяти сидений, приделанных сзади. Спереди же тянулись два штыря, меж которых замерла без движения запряженная чахлая кобыла.

Тут кадр приблизился, и на боку челнока стала отчетливо видна ярко-малиновая надпись «В.0.3».

– Разгонщицы, по местам! – скомандовали громкоговорители космодрома.

Женщины расселись на пять сидений. У каждой под рукой оказалось по большой красной кнопке.

– Челнок на старт!

Кобыла – вида настолько полумертвого, что еле перебирала копытами – выкатила установку на взлетно-посадочную полосу. Ребра тщедушного тела выступили сквозь кожу, а из глаз катились слезы.

Замерли без дыхания зрители вокруг космодрома. Заледенели ученые и техники. Время прекратило свой бег в ожидании чуда.

Семнадцатого за месяц.

– Готовность! Три... Два... Один... Пуск!

Иллюминатор челнока отлетел в сторону, и на свет показалась рука космонавта – щуплого юноши. Рука сжимала хлыст. Щелчок по спине кобылы – и летательный аппарат покотился по рулежной дорожке со скоростью улиткиного шажка.

– Первая разгонщица пошла!

Женщина справа с размаху ударила по кнопке, и ее кресло камнем рухнуло на асфальт. Тут же налетели врачи, специалисты, репортеры – все хотели знать, как чувствует себя та, кому выпала великая честь.

Но автор данных строк не ошибется, если скажет, что вовсе не женщина заслуживала внимания, а то, что происходило за ее спиной. А было там следующее: если раньше несчастная кобыла тащила «В.0.3» дай бог шагов по десять в минуту, то теперь семенила ногами в бодрой рыси с видом, который язык не поворачивался назвать убогим. Не понуряла она голову с признаками скорой кончины в глазах, но возрожденно глядела вперед, словно приняла дозу живительного снадобья.

– Вторая разгонщица пошла!

По толпе зевак, еще не искушенных новой методикой космических пусков, прокатился вал удивленных вздохов. Там, где секунду назад скакала неказистая пегая, теперь мчала во весь опор тонконогая белорожденная. Копыта сходились под брюхом и разметались в карьере настолько лихом, что, казалось, всю взлетку лошадь перемахнет в три скачка. От челнока исходил басовитый раскатистый свист.

«Ж-ж-ж-жвах!» – лязгнул металлический трамплин в конце пелосы, и челнок взмыл в воздух.

– Третья разгонщица пошла!

На высоте в полкилометра от челнока отделилась точка и медленно спланировала на парашюте. В это мгновение толпе зрителей на земле могло почудиться, будто бы лошадь вовсе перестала перебирать ногами – будто бы опустила все четыре ноги, и затянулись они сплошными металлическими башмаками, из-под которых бьют струи реактивного пламени.

– Четвертая разгонщица пошла!

Челнок давно ушел в точку, от которой, как от падающей звезды, тянулся хвост – то был реактивный выхлоп, в чем уже не приходилось сомневаться. Зрители, глядевшие на запуск в бинокль, заметили, что лошадь теперь стала наполовину металлической.

– Пятая разгонщица пошла!

Наметанный глаз опытных работников ЦУПа безошибочно определил бы две вещи: что посредственную плоть окончательно вытеснил могучий металл и что скорость летательного аппарата достигла сорока восьми тысяч километров в час.

– Воз на кобыло-бабьей тяге успешно вышел на околоземную орбиту! – спустя время раздалось из динамиков, и толпа взорвалась ликованием.

Четыре пары глаз оторвались от экрана в Центре фольклора. В глазах детских светилось непонимание, в женских – недоумение с примесью страха, в одних мужских – тревога за близкого человека

и гнев, а в других – экстатический, чуть не повергающий в обморок экстаз.

Внезапно последние глаза встретились с первыми.

– Ты! – Морда наставил на девочку палец. Красный, как и все его тело. – Ты тоже послужишь своему обществу! Ты пойдешь в медицину!

И он рывком швырнул семье газету, на развороте которой красовалась фотография двух людей: лощеной напомаженной женщины в белом халате и под руку с ней – девочки лет двенадцати с лицом таким жутким, что мать и отец вздрогнули. Цветом кожи девочка напоминала не столько человека, сколько парафиновую куклу, скулы ее торчали острыми косточками, будто выструганные ножом, а в глазницах застыли две черные тени. Держалась девочка так, будто и не держалась вовсе, а висела на ниточках, привязанных к потолку.

В газетной шапке красовалось жирное: «Кровь девственницы, или лекарство от всех болезней!»

Статья занимала всю первую страницу. В ней языком красочным и превозносящим объяснялось, что вот уже четыре месяца, как по всей стране упраздняются больницы и травмпункты. Медицина переходит на новый уровень. К чему хирурги и санитары, когда у каждого гражданина будет при себе индивидуальная аптечка со всем необходимым: высушенным листом подорожника для местной анестезии (размять и втирать в место поражения) и флакон с кровью девственницы (для приема внутрь), излечивающий все известные и неизвестные недуги?

Дальше следовали фотографии то безнадежных раковых больных, то искалеченных в автокатастрофах, то многолетних коматозников и даже одного шизофреника – до и после. Результат повергал в шок. Всего один флакон крови девственницы выправлял телесные и душевные недуги за две минуты.

В конце тремя короткими предложениями благодарили двенадцатилетнюю Таню, донора-героиню.

Кийко-Зайко оторвались от газеты: отец с красным одеяльцем перед глазами, мать – давясь всхлипами. Глядя на родителей, пустилась в рев и дочка. Затем, как будто ища хоть какого-то утешения, она нагнулась открыть клетку, которую давно поставила под стол.

Раздалось мяуканье.

Эйфорическая слезная пелена – казалось, всоси ее пипеткой и получишь чистый дофамин – вмиг улетучилась из глаз Николая Александровича. Ее сменил дистиллированный, как и всякое духовное расположение человека на грани умопомешательства, ужас. Он

вскочил со стула и с невероятной для своих килограммов быстротой отбежал в дальний конец конторы.

На руках девочка держала черную кошку.

– Э-эт-то... Эт-то... – заикаясь, бормотал Морда.

Тут, словно силы начали оставлять его, он осел на пол и огромными, как задние колеса трактора, глазами посмотрел на охранника Ивана Семеныча.

Последний вскочил со стула и ринулся к той самой двери, окутанной темной дымкой.

Всего шаг оставался охраннику до двери, как внезапно она распахнулась сама. На пороге в багровом ореоле и облаке трупной приторности возник человек странной и пугающей наружности. Череп покрывали клочки жестких волос, лицо затягивала задубелая щетина, одежда была настолько пестро-бойкой, что из глаз выбивала слезу. На ногах же красовались лаковые штиблеты с белыми гетрами.

– П-полиграф... П-полиграфыч... – промямлил Морда и показал на кошку.

Тот, кого назвали Полиграфом, подлетел разом и схватил кошачий залив. Если бы в это мгновение кошка увидела его песьи оскал зубов и азарт в глазах, с бедной зверушкой случился бы инфаркт.

Как только черную кошку унесли прочь за зловещую дверь, Морда распрямил ноги с такой прытью, будто в родовом древе его были блохи. Вновь поменялась его наружность: он словно еще сильнее раздался вширь, а физиономию затянул такой багрянец, что головой Морда стал похож на всем брусникам бруснику. На лице его с неистовостью тысячи прожекторов вспыхнула экзальтация настолько сильная, что в глазу разорвалась жилка, а реденькая шевелюра вздыбилась над макушкой. Меж волосенок проскочила электрическая искра.

Он подскочил к девочке, которая к этой секунде уже давилась всхлипами из-за любимой кошки, и с силой обезумевшего прижал к себе. А затем с благоговейным трепетом прошептал:

– Ничего, дочка, ничего... Все во благо... Все во славу отечества и на зависть врагам!..

ИЛЬИЧ СПАСЕНИЯ

*«Коммунистам не читать!
Все совпадения с реальными людьми случайны».*

Неизвестный автор, 1921 год

– Учиться, учиться и еще раз учиться! – прокричала голова на штыре.

Компьютер, по обыкновению, трактовал предсказание скрежежом из динамиков:

– Вас ожидает трудная пора в учебе. Посему возьмите выходной и наберитесь сил.

Высокая студентка в очках с благодарностью кивнула и вышла из Мавзолея. Над входом вспыхнула табличка «следующий».

В полумрак Мавзолея шагнул сухонький старичок в пальто и встал перед белым железным коробом, над которым восседала на металлическом штыре голова Владимира Ильича Ленина. Высокий противовандальный короб был напичкан проводами, как червями; лампочки, как цветные клопики, перемигивались, шуршали вентиляторы – ни дать ни взять заледеневший во времени террариум. Один глаз вождя был широко-широко, до жути так распахнут, а на месте второго красовалась огромная красная линза.

Вдруг линза вспыхнула и просканировала нового посетителя. Защелкали механизмы в железном нутре под вождем, загудел и задребезжал на манер микроволновки компьютер, и вдруг – такой же микроволновочный «дзынь»!

Глядя в упор перед собой, Ильич разлепил губы. Полился чуть картавый голос:

– Красный карлик, ч-ч-черти, ч-ч-черти!

Старичку говорили, что предсказанию Ленина дивиться не следует, и все же сказать, что он не удивился – солгать, поскольку старичок обомлел. Но тут пришел на помощь компьютер, вновь пояснивший слова Владимира Ильича:

– Вас ждет путь войны, и будет он вымощен кровью. А вы встанете во главе своего воинства.

Несчастный дедушка выкатил глаза и безмолвно вытянул губы, словно собирался спросить нечто начинающееся то ли на «а», то ли на «э», но тут вспыхнуло табло «следующий». Пришлось ретироваться. На выходе, впрочем, его губы тронула лукавая улыбка.

Впервые наружные камеры зафиксировали мужчину, назвавшегося профессором Теодором, как раз об эту пору. Высокий, с густой черной копной волос, в сером костюме-тройке и таком же сером берете, он стоял в очереди перед Мавзолеем и хозяйски смотрел ок-

руг, сложив руки на черную трость. Когда очередь сдвигалась, каблук его иностранных кожаных туфель цокали по брусчатке, а трость в царственном движении выбрасывалась концом вперед. Глаза его скользили по алой стене Кремля, по граниту Мавзолея и по буквам «ОРАКУЛ» там, где раньше красовалось «ЛЕНИН». Лицо его избороздили следы многолетних морщин скуки, и казалось, будто разглаживаться они начали какой-то день или два назад.

Двигалась очередь, и уже стали различимы стенды с фотографиями у самого входа. Сверху над фото красовалась огромная поясняющая надпись: «ГРАНДИОЗНОЕ ОТКРЫТИЕ НАРОДНОГО ПРОРИЦАТЕЛЯ». От снимков веяло назлектризованностью, такой бодростью духа, что страшно было подумать, какое оживление царило здесь в день запуска Оракула.

Вот на фото снуют, как фуражиры по муравейнику, рабочие в контрольной проверке перед гала-представлением. Глазами стервятников солдаты и полицейские высматривают подозрительных элементов. Вот стоит на главной трибуне мужичонка в пиджачке с серьезным лицом и хитренькими зенками, снизу его цитата: «В этой связи считаю необходимым отметить подвиг тех, кто разрабатывал проект «Кибер-Ильич». Благодаря новым – не имеющим аналогов в мире! – кибернетическим разработкам Ленин-оракул поведет народ России в светлое будущее. Предсказания его безошибочны!» А вот он же перерезает красную ленточку перед головой вождя мирового пролетариата, и снизу подпись: «Запуск Народного Оракула после двух лет работ». Далее шли фотографии чинуш, военных; даже попов, окропляющих Ленина святой водой. В самом-самом конце же висело одно-единственное изображение команды ученых с подписью: «Те, кто спроектировал машину-прорицателя и подарил России будущее».

Нутро Мавзолея поглощало человека за человеком, как длинную связку леденцов, и профессор Теодор приближался к его темному зеву. Уже слышался картавый голос Ильича:

- Черт возьми, Надежда Константиновна, отведаем чайку!
- Вам следует отложить все дела и провести время с семьей, – как всегда точно объяснял его слова компьютер.
- Сальварсан! Ртуть! Висмут!
- Ваша болезнь неизлечима.
- Узилище! Дискриминация! Разрушенные узы братства!
- Перенесите поездку во Францию на двадцать три дня и четырнадцать часов.

Караульный на входе позже вспоминал, как, бдительно глядя по сторонам, украдкой переметал глаза на брюнета в сером костюме и берете, с тростью, исполненного манящей и демонической властью. Возможно, будь брюнет чуть менее статен и жесток в осан-

ке, чуть более, скажем, горбат или имей красный хвост и копыта, злосчастий не случилось бы. Но имеем что имеем, и злосчастья постучались в дверь. Началом им послужил не сказать даже толстый, а свинообразный дяденька, в ярости мявшийся на месте прямо позади человека в сером костюме. Судя по всему, профессор умудрился как-то наступить толстяку на ногу или задеть иным образом, поскольку свинообразный даже не взвился, а будто раскололся надвое от хлынувшего наружу потока желчи!

– А ну! Ты! Гад! – выплевывал он по слову. – Отрастил ласты! Куда по ногам, собака шелудивая! Глаза разуй, шавка!

Теодор отскочил в сторону и поглядел на собеседника растерянно.

– Уважаемый, прошу простить, но я вас и пальцем не тронул!

Вмиг лицо свинообразного затянуло пунцом, и, часовой божился, на лбу проступили слова: «Ну держись, жужелица!»

– Ты! Ты! Ты хоть знаешь, кто перед тобой?! Ты сам-то кто будешь, гнида?! – подался он вперед, бочковидная грудь и пузо ходили вверх-вниз.

Профессор невозмутимо залез в карман пиджака и протянул собеседнику визитную карточку. Тот презрительно покосился на нее, в руки не взял. На лицевой стороне успел разглядеть лишь напечатанное иностранными буквами «d-g Theodor» и какую-то начальную букву фамилии.

Толстяк явно счел этот небрежный жест надменностью. В один миг пунец его лица превратился в спелую рябину, руки затянуло красной сеточкой, кулачки, плотные, как два узелка, заходили из стороны в сторону. Выплевывая звук «ып!», он вдруг как сгребет пиджак профессора, что тот аж на цыпочки привстал, и как засадит ему по уху. Бедолага так и осел на брусчатку.

Тут стоит пояснить, что чувствовал в этот миг господин Теодор. А чувствовал он, что его многолетняя тоска, не преклонившая колени ни перед хмелем, ни перед рискованными предприятиями, ни даже перед целенаправленно расшатанным до нестабильности либидо, сдает позиции. В ту минуту, когда слуги донесли Теодору об Оракуле с Красной площади, безошибочно предсказывающем будущее для простого народа, огонек живости шмыгнул от его пяток к макушке. Размякшее от скуки тело подтянулось, а душу поразило грозным валом интереса. Вот какое, достойное расположение духа и прервал тучный баламут.

– А ну прекратить! – гаркнул стоящий неподалеку полицейский.

– Возьмите себя в руки! Взрослый мужик, тоже мне! – Тут, поняв, что не хочет бумажной волокиты из-за очередной стычки в очереди, он добавил: – Отойдите от мужчины, пропустите вперед десять человек!

Не оборачиваясь, толстяк зашагал вдоль очереди, шипя нечто похожее на «ментяра».

Теодор медленно поднялся и отряхнулся, но то был уже другой человек. Подобие себя прежнего, он весь как-то очертился дьявольскими тенями. Благородная выдержка во взгляде иссякла, глаза, два холодных клинка, глядели мстительно, источая зло. Тому, кто в этот миг осмелился бы взглянуть в образ высокого профессора, могли вдруг почудиться на нем чернотный плащ, подбитый не тканью, но огнем, и широкая шпага на боку. Серый берет же на миг приподнялся бы чем-то, очень напоминающим рога.

Не иссяк в нем гнев, и когда подошла его очередь. Внутри голосил Ленин:

– ... тыя растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников!

Профессор уже занес ногу над порогом, но вдруг осекся. Перечертив глазами очередь, он метрах в двадцати увидел своего обидчика-толстяка, злобно мявшегоса с ноги на ногу. Теодор пуще прежнего осщерился оскалом.

Никто не знает, что внушал он Кибер-Ильичу, ибо свидетели заявляют, будто внутри Мавзолея замерли все звуки. Писк железного нутра вождя, скрежет динамиков, микроволновочный гул – даже вентиляторы онемели. Поразительное дело, но и в базе данных не осталось сведений о вопрошающем и предсказании для него. А что осталось, так это бесконечный лог ошибок, спровоцированных толстячком с багровой от натуги физиономией.

Стоило ему войти после десятка посетителей, глаз в штатном порядке его просканировал. Заполнились массивы, заработали алгоритмы просчета будущего, ответ уже почти прозвучал, но вдруг...

– Каждая кухарка должна научиться управлять госу...

Ну понятно, куда клонит рожа картавая! Толстяк заалел от гнева. Сейчас башка будет его попрекать и говорить, как в фирме подчиненными управлять!

– Госу... су... су... — заикался Ильич.

– Государством! — злобно вскричал толстяк.

– ...ка!

И тут изо рта под усиками хлестнул такой крепкий поток брани, что толстяк обмер, и спелая рябина его схлынула, а глаза обесмыслились. Бедный Ильич произносил порочности, которых при жизни не то что на язык, а в мысли не допускал. Как он только не поносил свинообразного: по семье до третьего колена прошелся, внешность распек, о любовных пристрастиях заикнулся и довершил это все изощренным пожеланием смерти в муках, воплях и смраде гниющего тела. Внутри Мавзолея случилась давка от желающих глянуть на стелящего мат вождя, а интернет потом разрывался от

записей Ленина, извергающего неслыханные речи. Кто-то залез на железный блок и хотел заткнуть голове рот, но чуть не лишился пальцев, другие колотили дедушку, швырялись ботинками – все без толку.

В итоге людей вывели, а Мавзолей оцепили. Додумались задержать толстяка, но с ним к концу дня случился удар. Бедняга не пережил треволнений и вечером того же дня испустил дух в затхлой камере СИЗО.

* * *

В следующий раз профессор Теодор появился на записях камер спустя три дня, когда Народного Оракула вновь открыли после диагностики. Мерно прошелся он к очереди, но теперь в каждом шаге его пружинились задор и предвкушение, начисто смывшие отпечатки скуки. По сторонам он глядел на манер сидящего в засаде кота, перед которым вдруг возникла мышь. Даже ореол неземной тьмы вокруг его силуэта схлынул. Не влез он теперь в драку, не стал причиной скандала, даже ни с кем не заговорил, а мирно ждал, пока очередь всосется в Мавзолей.

А очередь, надо отметить, заметно разрослась после инцидента. Многим хотелось поглядеть, не разыграет ли опять в народном пророке матершинник, другие намеренно пытались вывести бедную голову из себя, но тщетно. Мимолетный порыв, казалось, больше не повторится.

Смещалась очередь. Двадцать человек толпилось перед входом, десять, пять. Можно уже было расслышать голос изнутри и шорох динамиков:

Дзынь!

– Купи веревку, хорошая веревка!

– Ожидайте общения с капиталистами, чья ретивость повергнет вас в негодование, – объяснял предсказание компьютер.

Дзынь!

– Мухомор обладает личностью, и личность его гораздо сильнее человеческой!

– Ваше неумеренное обжорство приведет к смерти от болезненных язв, – пояснили динамики крючковой бабуле. Она всплеснула руками и стремглав понеслась прочь.

Подошла очередь Теодора. В отличие от прошлого раза, заявляли очевидцы, теперь внутри воцарилась вовсе не тишина, а живейшая беседа, при том двусторонняя, словно вождь встретил давнего товарища: картавый голос лился неумолчно. Какие мысли закладывал долговязый профессор в кибер-голову, впрочем, неизвестно, потому как свидетели разобрали только: «Ну, старина, это вновь я»,

радостный картавый возглас «мессир!» и чмокание, словно кому-то поцеловали руку. Пробыл профессор в Мавзолее не более минуты, но голове этого хватило по макушку.

Вновь странность завладела дедушкой. Поначалу все шло как обычно, однако позже предсказания Ильича приобрели форму шпилек.

– На каких харчах пузо отрастили, батенька? – кричал он майору в форме, однако компьютер невозмутимо пояснял:

– В вашей военной части случится вспышка кори.

Майор смутился, но все же побрел прочь. Поди разбери, что там у Ильича в электромозгу, но ведь еще ни разу не ошибся, всё предрекает точно!

– От тебя разит, женщина! – изрекла голова, просканировав девочку лет одиннадцати.

– Ваш дед смертельно болен, – рапортовал компьютер, и глаза у нее влажно заблестели.

А вот дальше пошла чертовщина: два человека дождались только уколов о крепости их уз, хотя оба не состояли в отношениях и были мужчинами. Следующие два не добились от Ильича ни слова, в третьего он плюнул.

Под конец же случилось жуткое. Вошел мужчина: ни стар, ни млад, ни толст, ни худ – самый обыкновенный. А голова ему:

– В конце апреля Дерулед выдвинулся из Мадрида с белой курицей под мышкой, чтобы стреляться с Жоресом. Жорес выдвинулся навстречу из Парижа со скоростью три фута в секунду, сжимая в руке мешочек конфет «Юбилейная тянучка» – двести грамм. Сколько конфет останется у Жореса к концу пути, если учесть, что одна конфета содержит мышьяк, другая – кокаин, а в ночь с тридцатого апреля на первое мая белая курица станет черной и снесет яйцо?

Ни стар ни млад обомлел. Челюсть его опустилась куда-то в район пупа, а глаза стали, как два колеса от КамАЗа. Влачили секунды. Предательски молчал компьютер, а зал наполнило свинцовое безмолвие. Внутрь просунулись головы тех, кто случайно услышал невероятные слова вождя.

– Что? – выдавил из себя ни толст ни худ.

Дважды крикнул Кибер-вождь и устремил красный глаз на мужчину.

– Правильный ответ: задача не имеет решения, поскольку конфеты молочные, а молоко нейтрализует мышьяк!

Тут красный глаз как раскалится до ярко-рубинового, да как изрыгнет на несчастного тугой пучок фотонов. Миг – голова его обрательась в ничто, два – полтела как слизнуло, три – и на месте человека лежала теперь черная горка пепла, а остатки сеялись в воздухе. Бешено загоготал компьютер, и гогот его напоминал стенания

грешных душ в преисподней. Писк лампочек и шум вентиляторов смешались в омерзительную какофонию, стискивающую нутро острыми когтями.

Голова Ленина медленно повернулась к трепещущим в страхе очевидцам. С бешеным криком «нас ждут великие дела!» вождь принялся на манер космического бластера поливать лазером людей, гранит, красные плиты, стилизованные под знамена. Еще и еще ярко-рубиновый луч прорезал полумрак Мавзолея, и лишь чудом никого не задел. Только стены пожег.

Усмирить вождя не смогли ни кибернетики, от которых вождь заливчатски отстреливался, ни пули, отскакивавшие от противоударного системного блока. Лишь когда Мавзолеей полностью обесточили, Ильич онемел, и глаз его потух.

* * *

В последний раз профессор Теодор возник на Красной площади спустя неделю после трагической гибели вопрошающего. Теперь же очередь заметно оскудела и состояла исключительно из бесстрашных духом и повредившихся умом, поскольку какой обыватель полезет к спятившей голове с лазером в глаз?

Так или иначе, вновь стоял себе профессор на брусчатке Красной площади, стоял-топтался, и в лице его обозначились перемены. Даже на плохеньких записях с камер было видно, что отлив скуки под напором прежних гнева и азарта теряет силу. Вернулись морщинки, лоб затянуло сенью. Мстительный оскал, прежде поднимавший оба уголка губ и являвший на свет белоснежные зубы, превратился в легкую ухмылку, даже глаза не исторгали былой огонь. Словом, очеловечилась потусторонняя фигура.

Топтался, надо сказать, профессор недолго, поскольку полицейское расследование набирало обороты. Вычислить, кто внушил кибер-голове деструктивные баги, было несложно. Просмотрели видео, опросили очевидцев, и картина сложилась: в Мавзолее орудует анархо-программист, либо же искусный иллюзионист-чревоушатель. Полицейским и солдатам раздали наводку, и ближе к полудню на запястьях Теодора лязгнули наручники.

Что же дальше? Дальше Владимир Ильич подсвечивал тропинку для народа в сумраке российской жизни, а Теодор отправился на севера и благополучно скончался в горячечном бреде, грезя перед смертью, как на коне удирает от двадцатиметрового Ильича-трансформера, давящего деревья, избенки, коров... Было бы все так, если бы ровно в час дня следователи не обнаружили камеру СИЗО (глухой белый короб без единого окошка) пустой. Долговязый брюнет в сером костюме-тройке исчез, однако часовые Красной площади позже вспоминали, как из Мавзолея вдруг вышел невесть откуда

взявшийся мужчина в лабораторном халате и на десять минут закрыл доступ к вождю. Протестовать не протестовали: выглядел он убедительно, да и вдруг у Ильича опять катушки перемкнуло!

И в третий раз не зафиксировала база данных, чему учил брюнет голову. Известно только, что вышел он спустя 7 минут 32 секунды и побрел в сторону памятника Минину и Пожарскому прямо в халате, выбрасывая вперед откуда-то взявшуюся трость. Особо впечатлительные свидетели утверждали, будто белый халат его на глазах сменился черным с пламенным подбоем, а туфли оставляли на брусчатке горящие следы. Взгляд же его проникала вселенская, неразбавленная скука.

А Ленин – что Ленин? На первом вопрошающем он вдруг затрясся всем корпусом, трижды обернулся на шесте и с раскатыстым воплем: «во имя богопрезидента Карла Маркса!» разлетелся на мелкие кусочки плоти, костей и микросхем.

И вот так Россия окончательно и бесповоротно лишилась своего единственного огонька во мгле – Ильича спасения.

АВТОРЫ О СЕБЕ

Alter Alba. В вольном полиязычном переводе мой псевдоним означает: «Другая песнь». Под этим псевдонимом я выкладываю тексты в Интернете на сайте litnet.com

Татьяна Осипова. Ульяновск.

Андрей Мацко. Живу в Одессе. Пишу стихи и прозу с двенадцати лет, первая публикация в этом возрасте на развороте «Белый Парус» газеты «Вечерняя Одесса».

К семнадцати годам сформировалось наиболее близкое направление творчества – мистика и ужасы, страшные сказки. Тогда же начался плодотворный период работы над песенными текстами, в основном, рок-н-ролл.

В 2017 году опубликовал в журнале «Самиздат» и издательстве «Ridero» сборник рассказов «Цикл полной луны» и сборник стихов «SOСстояние души».

Участвовал в литературных конкурсах на просторах Интернета, два рассказа («Записки демона» и «Старая мясорубка») из книги «Цикл полной луны» занимали призовые места в конкурсах на различных ресурсах.

Владимир Хабаров. Родился в Ташкенте, сейчас живу в Татарстане.

Фантастикой увлекся в седьмом классе, тогда же и написал свой первый рассказ.

Публиковался в сетевых журналах и сборниках, в журнале «Искатель. Украина» (Киев), в сборниках издательства «Перископ-Волга» (Волгоград).

Виктор Тессер. Благовещенск.

Владимир Чернявский. Победитель конкурсов «Бумажный слон», «Кубок Брэдли», Всероссийского литературного конкурса к 110-летию Игнатия Рождественского и литературного конкурса к 160-летию со дня рождения А. П. Чехова. Рассказы публиковались в конкурсных сборниках «Мю Цефея», «Квазар», в сборниках издательства «Перископ», CWS, журналах «Байкал» и «Север».

Итни Горок. Родился в Лагранж-Базе-5 в 2040-м, синергетик с 2061 года (борт рейдера «Неудержимый, как...»), там же и обитаю.

Род занятий - диверсант-синергетик широкого профиля с яичницей тактического поражения (но и в планеты тоже могу!).

Увлекаюсь планеризмом, веду дневник, воюю с махинами. Участвую в проекте «Связь Времен-2».

Пытаюсь разобраться, что и кто же я такой.

Дмитрий Данилов. Родился в Донецке, там же окончил университет по специальности «Экономическая кибернетика». После жил год в Китае. И уже много лет – в Швейцарии. Бизнес-аналитик с фокусом в компьютерных системах.

Издан книгу «На пороге» (2020).

Интересы: стрельба из лука и огнестрельного оружия.

Станислав Стрыгин. Живу в Краснодарском крае. Хобби: история, литература, антропология, фото-дизайн, попугаи, аквариумистика.

Вартан Бабиан. Родился в 1958 году. Живу в селе Крым Ростовской области. По профессии врач-терапевт.

Пишу стихи и прозу с подросткового возраста. Лауреат фестивалей современной поэзии «Ростовская лира», победитель литературного конкурса, посвященного 90-летию Ростовской областной писательской организации.

Участвую в сетевых конкурсах фантастики. В 2018 году в Таганроге издана книга моих рассказов «Кому больше дано».

Николай Бондаренко. Родился и живу в Уфе. С детства пишу стихи и рассказы. Рассказ «Помоги мне, я во сне..» придумал для своего сына Никиты. Ему и другим мальчишкам, любящим фантастику, посвящаю.

Алекс Левин (А. Арлев) в прошлом писатель-сатирик. Живу в Нью-Йорке.

Лия Рудис. Родилась и живу в Риге. Работа связана с электронной коммерцией. Учусь стрелять из лука и играть в настольный теннис. Интроверт. Люблю прогулки по морю и чтение. В альманахе публикуется моя первая работа.

Николай Проценко. Родился в 1937 году в Мурманске, окончил Киевский медицинский институт. Врачевал в Херсоне. Работал в Академии наук Украины и на научных должностях в институтах биохимии, гидробиологии, физиологии растений, физики, в Главной астрономической обсерватории, в Киевском госуниверситете им. Т. Г. Шевченко.

Автор публикаций по биохимии, биофизике, генетике, физике жидких кристаллов, кибернетике, космологии, философии, научно-популярных статей, рассказов и стихотворений. Постоянный автор альманаха «Порог-АК».

Ализанер В. Юберге (псевдоним). Родился в 1987 году в Мордовии. В 2010 году окончил Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва по специальности «Юриспруденция». В 2014 переехал в Москву, тружусь по профессии в сфере строительства и инвестирования.

Обучение цивилистике послужило отправной точкой интереса к философии, иерархическим структурам государства и общества,

психологии и религии. С молодых ногтей увлекаюсь рисованием, работаю преимущественно в традиционной перьевой технике и акварели.

Основные темы моего творчества как художника и писателя – смерть и возрождение, фантастические потусторонние миры, причудливая и мрачная авторская мифология.

Людмила Тюсенкова. Москва.

Михаил Ямской. Поэт, переводчик, член Союза писателей России и Гильдии «Мастера литературного перевода». Лауреат Премии князей Голицыных и премий Британского Совета за переводы английской поэзии.

Николай Лебедев. Москва.

Роман Фомин. Родился в 1977 году в Казани. Высшее образования: «Информатика и вычислительная техника», «Преподаватель высшей школы», «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». С 2014 года живу и работаю в США.

В 2018 году закончил первый роман «Теория квантовых состояний».

Издавался в альманахах и «Антологии русской прозы» за 2019 год.

Павел Парфин. Писатель-сказочник и писатель-фантаст. Живу в Сумах.

Мои сказочные и фантастические истории можно прочесть на сайте www.pavelparfin.com

Михаил Востриков. Москва.

Альманах «ПОРОГ-АК» можно заказать по адресу:
alkor06081953@gmail.com

Информацию о выпусках альманаха «Порог-АК» читайте:
на библиографическом сайте «Архив фантастики»

archivesf.narod.ru/

на сайте «Лаборатория Фантастики»

fantlab.ru/

на сайте «Миров двух между – на пороге»

korepanow.narod.ru/

Підп. до друку _____ Формат 60x84/16
Папір офсетний. Друк офсетний. Ум. др. арк. 9,3
Замовлення № 7844. Наклад _____ пр.

Поліграфічно-видавничий центр ТОВ «Імекс-ЛТД»
Свідоцтво про реєстрацію серія ДК № 195 від 21.09.2000.
25006, м. Кропивницький, вул. В. Панченка, 29
тел./факс (0522) 32-17-05,
моб. тел.: (050) 457-24-24,
(068) 3700-470 – роздрібний продаж,
e-mail: design@imex.kr.ua